
Вестник
Московского государственного областного университета
Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 4

Выходит 4 раза в год

2011

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 27.10. 2010 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

Учредитель журнала:

Московский государственный областной университет

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik.mgou.ru)

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik.mgou.ru

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях, без разрешения редакции, запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2010 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

The founder of journal:

The Moscow State Regional University

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik.mgou.ru)

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University
10a Radio st., office 98
Moscow, Russia
Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Site: www.vestnik.mgou.ru

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

№ 4

Issued 4 times a year

2011

Series «History and Political Sciences»

Bulletin of the
Moscow State Regional University

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»
Publishing council «Bulletin of the MSRU»

Хроменков П.Н. – к.фил.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)
Левченко М.Н. – д.фил.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (зам. председателя совета)
Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»
Асмолов А.Г. – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Белозеров В.Е. – д.ф-м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)
Боголюбов Л.Н. – академик РАО, д.пед.н., проф.
Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ
Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)
Коничев А.С. – д.б.н., проф. МГОУ
Лекант П.А. – д.фил.н., проф. МГОУ
Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Нелюбин Л.Л. – д.фил.н., профессор МГОУ
Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., ректор Орловской региональной академии государственной службы
Пасечник В.В. – д.пед.н., проф. МГОУ
Поляков Ю.М. – канд. фил. н., гл.ред. «Литературной газеты»
Пусько В.С. – д.ф.н., проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана
Трайтак С.Д. – к.ф-м.н., проф. МГТУ им. М.Л. Шолохова
Троиц К. Г. – доктор, проф. Кобленц-Ландау Университета (Германия)
Ху Гумин – д.фил.н., проф., Институт иностранных языков Уханьского университета (Китай)

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of the MSRU (*Chairman of the Council*)
M.N. Levchenko – Ph. D. in Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (*Deputy Chairman of the Council*)
A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University
A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University
B.E. Belozеров – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)
L.N. Bogolyubov – member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics., Professor
V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU
K.F. Zatulín – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)
A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU
P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University
L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
V. F. Nitsevich – Doctor of Politics, Professor, the Principal of the Oryol Regional Academy of Public Service
V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics., Professor of the MSRU
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"
V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University
S.D. Traytak – Ph.D. in Physics and Mathematics, Professor of the Sholokhov Moscow State University for the humanities
Klaus G. Troitzsch – Doctor, Professor of Koblenz-Landau University (Germany)
Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Uxhan University (China)

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»
Series editorial board «History and Political Sciences»

Ответственный редактор серии:
Смоленский Н.И. – доктор исторических наук, профессор
Заместитель ответственного редактора серии:
Волобуев О.В. – доктор исторических наук, профессор.
Ответственный секретарь серии:
Насонова С.А. – кандидат исторических наук.
Члены редакционной коллегии серии:
Журавлев В.В. – д.и.н., проф.; **Захаров В.Н.** – д.и.н., проф.;
Фукс А.Н. – к.и.н., проф.; **Абрамов А.В.** – к.полит. н., доц.; **Дж. Гонзалес**, доктор наук, университет Воллонгонг (Австралия);
Могильницкий Б.Г. – д.и.н., проф. (ТГУ, Томск); **Протасов Л.Г.** – д.и.н., проф. (ТГУ, Тамбов);
Наталици М. – доктор наук (университет Сиена, Италия)

Editor-in-chief:
N.I. Smolensky, Doctor of History, Professor
Deputy editor-in-chief:
O.V. Volobuyev, Doctor of History, Professor
Executive secretary of the series: **S.A. Nasonova**, Ph.D. in History
Members of Editorial Board: **V.V. Zhuravlev**, Doctor of History, Professor;
V.N. Zakharov, Doctor of History, Professor; **A.N. Fuks**, Ph.D. in History, Professor; **A.V. Abramov**, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor; **J. González**, Doctor of Science (University of Wollongong, Australia); **B.G. Mogilnitsky**, Doctor of History, Professor (Tomsk State University, Tomsk); **L.G. Protasov**, Doctor of History, Professor (Tambov State University, Tambov); **M. Natalici**, Doctor of Science

ISSN 2072-8360

Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2011. – № 4. – М.: Изд-во МГОУ. – 186 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № **ФС77-26139**

Индекс серии «История и политические науки» по каталогу агентства «Роспечать» **36765**

ISSN 2072-8360

Bulletin of the MSRU. Series «History and Political Sciences». – 2011. – № 4. – М.: MSRU Publishing house. – 186 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № **ФС77-26139**

Index series «History and Political Sciences» under "Rospechat" agency catalog **36765**

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Журавлев В.В.</i> Российский либерализм в контексте современных исследований	7
<i>Титова О.Ю.</i> Об особенностях поверий о ведьмах у южнорусского населения	19
<i>Кадыкова М.Н.</i> Отечественная историография биографического метода Т. Карлейля	24
<i>Моу Моин.</i> История государственной сухопутной границы в современной российской историографии	30
<i>Закатаева А.С.</i> Польская родовая геральдика в отечественной историографии до 1917 г.	35
<i>Соломатина Е.И.</i> Отечественная историография советско-американских торгово-экономических отношений 1917-1933 гг.	40
<i>Леонтьев А.В.</i> Иисус Христос в исторической концепции А.Т. Фоменко.....	45

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира и Средних веков

<i>Гриценко В.А.</i> К вопросу о варваризации поздней римской императорской армии	51
---	----

Новая и Новейшая История

<i>Павинский В.С.</i> Анализ научной деятельности Православного Палестинского общества за период 1882-1917 гг.: основные тенденции и достижения	57
<i>Трегубенко А.В.</i> Советско-американское противостояние в Японии (1945-1947)	61
<i>Бирюков А.М.</i> Американо-советское противостояние конца 1970-х – первой половины 1980-х годов и роль стран Персидского залива	67

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Феребов А.Н.</i> Формирование сословной идентичности у студентов Московского университета в первой половине XIX в.	73
<i>Буццева Е.Е.</i> Корпоративность как характерная черта сознания тульских мещан в последней трети XIX – начале XX вв.	79

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Лиджеева К.Ф., Олчанова Ц.В.</i> Проблемы образовательной политики на Северном Кавказе и в Калмыкии в процессе этно-административных преобразований 1920-х гг.	87
<i>Нигматуллин С.Х.</i> Форма личного листка по учету кадров как отражение социальной политики в СССР в 1930-1950-х гг. (на примере документов московских школ).....	92
<i>Федин С.А.</i> Преступления в системе потребительской кооперации в 1945-1953 гг. и борьба с ними правоохранительных органов (на материалах Нижнего Поволжья).....	98
<i>Кучанов И.С.</i> Парламентские выборы-2003: триумф «партии власти» или потерянная победа КПРФ?	103
<i>Ковалева О.С.</i> Фактор культуры в обосновании политических приоритетов России в евразийском геополитическом пространстве: история и современность.....	113
<i>Новиков П.С.</i> Проблема развития рейдерства в России	117

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

Нуждённов К.Э. Политические аспекты Олимпиады в Сочи в 2014 г.....	122
Иванов В.К. Динамика социальных функций газетных СМИ в контексте современного политического процесса.....	127
Болтовский С.О. Русский язык на постсоветском пространстве: теоретический аспект проблемы	135
Аваков А.И. К вопросу о предпосылках формирования ультраправого движения в современной России	142
Коцан И.М. Политико-правовой анализ регулирования лоббистской деятельности в зарубежных странах.....	146
Куликов С.П. Исторические аспекты развития студенческого самоуправления России в контексте политической социализации молодежи.....	157
Растимешина Т.В. Демузеефикация объектов культурного наследия как политическая тенденция.....	163
Сурнина В.В. Направления совершенствования современной государственной политики туризма: сельский туризм	168

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бабкин М.А. [Рец. на кн.:] Болотов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. М., Изд. Крутицкого подворья. 2011. 315 с.	177
Международная конференция «Трансформация политической системы постсоветских независимых государств»	180

НАШИ АВТОРЫ.....	183
-------------------------	------------

CONTENTS

SECTION I. HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

V. Zhuravlev. Russian liberalism in the context of modern studies.....	7
O. Titova. On features of Southern Russians' popular beliefs about witches.....	19
M. Kadycova. Russian historiography on T. Carlyle's biographical method	24
Mou MoYing. The history of Russian state land border in modern national historiography	30
A. Zakatayeva. Polish heraldry in Russian historiography before 1917	35
Ye. Solomatina. Historiography of the Soviet-American trade and economic relations 1917-1933.....	40
A. Leontyev. Jesus Christ in A. Fomenko's historical concept	45

SECTION II. GENERAL HISTORY

History of the Ancient and Middle Ages

V. Gritsenko. To the issue of barbarization of late Roman empire army	51
--	----

Contemporary history

V. Pavinsky. The study of the Orthodox Palestinian society's scientific activity in 1882-1917: main trends and achievements	57
A. Tregubenko. Soviet-American confrontation in Japan (1945-1947).....	61
A. Biryukov. The American-Soviet confrontation in late 1970s – early 1980s and the role of the gulf countries	67

SECTION III. HISTORY OF RUSSIA OF THE MIDDLE AGES AND NEW TIME

A. Ferebov. Moscow university students' class identity formation in early 19th century	73
Ye. Burtseva. Corporatism as the main feature of Tula's lower-middle class in late 19th – early 20th centuries	79

SECTION IV. CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA

K. Lidzheeva, Z. Olchanova. The problems of educational policy in the Northern Caucasus and Kalmykia in ethno-administrative transformations of the 1920s	87
S. Nigmatullin. The form of “personal data sheet of the staff” as reflection of Soviet social and repressive policies in 1930-1950s (by example of Moscow school records)	92
S. Fedin. 1945-1953 consumer cooperation crimes and law enforcement (based on materials of the lower Volga region)	98
I. Kuchanov. 2003 parliamentary elections: “ruling party” triumph or CPRF's loss?	103
O. Kovaleva. Cultural factor in substantiating Russia's political priorities in Euroasian geopolitical space: history and present.....	113
P. Novikov. Appropriate directions of raid development in russia.....	117

SECTION V. POLITOLOGY

K. Nuzhdyonov. Polytical aspects of 2014 Olympic games in Sochi.....	122
V. Ivanov. The dynamics of press social functionsin contemporary political process.....	127
S. Boltovskoy. The Russian language in Post-Soviet space: theoretical aspect of the problem.....	135

A. Avakov. Towards prerequisites of modern Russia's ultra-right movement.....	142
I. Kotsan. Political and legal analysis of regulatory lobbying in foreign countries	146
S. Kulikov. Historical aspects of russian students' self-management development in the context of youth political socialization.....	157
T. Rastimeshina. Conversion of cultural heritage objects as political tendency	163
V. Surnina. Trends of improving modern state policy on tourism: rural tourism.....	168

SCIENTIFIC LIFE

Babkin M.A. [Book review:] Bolotov S.V. Russian Orthodox Church and foreign policy of the USSR in 1930th – 1950th. Moscow: Krutitsy Metochion Press, 2011. 315 p.	177
International conference «Transformation of the political system of post-soviet independent states».....	180
OUR AUTHORS	183

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 329(470)

Журавлев В.В.

Московский государственный областной университет

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

V. Zhuravlev

Moscow State Regional University

RUSSIAN LIBERALISM IN THE CONTEXT OF MODERN STUDIES

Аннотация. В статье с позиций историографического подхода рассматриваются проявившие себя в два последних десятилетия процессы приращения знания по проблемам российского либерализма – как течения социальной мысли и общественно-политического движения – в его прошлом и настоящем. Подчеркивается, что определенный ренессанс либеральной идеологии и либерального социального движения в современной России ещё впереди. Но не в виде претензий на единоличный диктат, на «второй раунд» в продолжение прерванного обществом на исходе 90-х гг. прошлого века радикального социального эксперимента, а в форме органической составляющей интегральной модели отечественной модернизации.

Ключевые слова: российский либерализм, источники и литература, общественная мысль, политические партии, социально-политические движения, цивилизационная и модернизационная идентичность российского общества.

Abstract. From the point of view of historiographical approach the article considers the augmentation of knowledge about Russian liberalism as a social thought and political movement in its past and present which took place during the last two decades. The author argues that the Renaissance of modern Russian liberal ideology and liberal social movement is yet to come and not in the form of dictatorship or claims for “the second round” of the radical social experiment which took place in the late 1990s and was rejected by the society, but as integral component of the Russian model of modernization.

Key words: Russian liberalism, sources and literature, social thought, political parties, social political movements, civilization and modernization identity of the Russian society.

Два десятилетия развития отечественной исторической науки в условиях мировоззренческого, идейного, историографического и общественно-политического плюрализма постсоветского этапа эволюции российского общества – вполне достаточный срок для подведения первых итогов. Именно в этом русле правомерно рассматривать состоявшуюся в Москве в конце октября 2010 г. международную научную конференцию «Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления».

В качестве организаторов этого знакового научного форума выступили Отделение историко-филологических наук РАН, Институт общественной мысли (ИОМ), Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Институт современного развития (ИНСОР), Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», Германский исторический институт (Москва), Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве. Фундаментальный том материалов конференции, подготовленный издательством «Российская политическая энциклопедия» и выпущенный в свет в 2011 г., свидетельствует о масштабах, направлениях и результатах усилий как отечественных, так и зарубежных обществоведов в углубленном познании актуальных проблем многовекового развития социальной мысли в нашей стране.

Указанные материалы свидетельствуют о том, что конференция в решающей мере обозначила промежуточный результат начавшейся с конца 80-х гг. прошлого столетия масштабной исследовательской работы по изучению и обобщению богатейшего интеллектуального, духовно-нравственного и общественно-политического багажа, накопленного российской цивилизацией за века её саморазвития.

Этот напряженный исследовательский поиск, развернувшийся в пору кардинальных общественно-политических перемен, правомерно рассматривать как определенный ответ на ярко проявляющуюся ныне тенденцию развития наук об обществе в направлении их интеграции, освоения пространств и стыков междисциплинарного характера. В то же время это и реакция на стремление к получению цельного знания об обществе — живом социальном организме, сотканном из атомов неповторимых человеческих индивидуальностей.

Опора на концепт мышления — как «нового сотворения мира», по крылатому выражению Альбера Камю — в качестве способа решения данной задачи представляется весь-

ма и весьма перспективной в свете новейших вызовов и запросов современной науки и социальной практики. Вместе с тем — это и ответ на реалии и потребности формирующейся в нашей стране *системы* мировоззренческого плюрализма.

В процессе реализации этих инновационных задач современного обществознания важно было предоставить трибуну для *равноправного*, без какой-либо дискриминации и пристрастности, дискурса представителям всех социально значимых — в контексте последующего исторического опыта — направлений общественной мысли страны. Вне зависимости от того, какую роль они в свое время сыграли в истории и какая судьба их впоследствии постигла. И этим самым внести посильный вклад в преодоление по сей день процветающей в определенных слоях отечественной интеллигенции, в современных партийно-политических кругах психологии идеологической самодостаточности и «партийного нигилизма». Той самой атмосферы, когда в интеллектуальных достижениях нации видят и ценят только то, что укладывается в рамки собственных мировоззренческих предпочтений и политических ориентаций.

В русле реализации вышеупомянутых задач своё законное место в палитре общественно-политических направлений мысли и социального действия в дореволюционной России получил и отечественный либерализм. Интерес к нему многократно усиливала «мода на либерализм». Её породили претензии (как впоследствии стало очевидным — несостоятельные) ярко проявивших себя на рубеже 80-х и 90-х гг. прошлого века радикальных сил, называвших себя «демократами» и шумно декларировавших свою якобы генетическую связь с дореволюционным российским либерализмом.

Так или иначе, но изучение отечественного либерализма, начиная с 1990-х гг. и по настоящее время, проводилось и проводится не в изолированном виде, а в тесной связи и диалектическом взаимодействии с другими течениями общественной мысли, с которыми либерализм либо взаимодействовал, либо

идеологически и политически боролся. В том числе с консерватизмом различных оттенков и революционным радикализмом неонароднического и социалистического толка. Необходимой предпосылкой для развёртывания данной работы стало введение в научный оборот мощных массивов малодоступных или совсем недоступных ранее исследователям первоисточников.

Уже в 1995 г. вышло в свет первое в отечественной и зарубежной историографии фундаментальное, выполненное на академическом уровне издание программных документов основных общероссийских и национальных политических партий различных направлений [21]. В нем, наряду с партийными документами монархического, консервативного, неонароднического и социал-демократического направлений, был опубликован комплекс программ либеральных партий: как общероссийских (Конституционно-демократическая партия, Союз 17 октября, Партия демократических реформ, Партия мирного обновления, Партия прогрессистов), так и национально-региональных (Демократическая партия Литвы, Армянская народная партия «Рамкавар», Грузинская национально-демократическая партия, Казахская партия «Алаш» и др.).

Источниковедческим и историографическим фактом принципиального характера в плане изучения российской многопартийности начала прошлого столетия стало издание многотомной серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие». В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 13 декабря 2003 г. коллективу подготовителей этой уникальной серии, на тот момент насчитывавшей 24 тома в 28 книгах, была присуждена Государственная премия РФ в области науки и техники за 2002 г.

Работавший над проектом коллектив специалистов Центра политической и экономической истории России Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП) позднее сменил свою юрисдикцию, перейдя почти в

полном составе в ведение Росархива и образовав в ноябре 2001 г. в составе Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) Центр по разработке и реализации межархивных программ документальных публикаций Федеральных государственных архивов, который продолжил работу над документальным изданием по истории российской многопартийности. К настоящему моменту вышло в свет более 50 томов этого уникального проекта. И завершение его не предвидится.

Самое пристальное внимание в данном издании уделено документам либерального движения и либеральных партий, действовавших как в России, так и – после Октября 1917 г. – в эмиграции [19; 10; 25; 23; 2; 18; 17].

Потребность в систематизации накопленных знаний по проблемам дореволюционной российской многопартийности вызвала к жизни уже в середине 1990-х гг. посвященное этой проблеме энциклопедическое издание [20], в котором либеральное движение и либеральные партии России начала XX столетия органично вплетены в контекст общественно-политического движения страны в целом.

Но это было только началом. Условия болезненно протекающего становления такого необычного для нашей страны явления, как мировоззренческий и общественно-политический плюрализм, буквально продиктовали необходимость в мобилизации и упорядоченном представлении мыслящей российской общественности богатейшего и удивительно разнообразного наследия отечественной общественной мысли за века её существования и динамичного развития. Осознание этой необходимости вызвало к жизни другой масштабный проект, задача которого заключалась в том, чтобы представить в систематизированном на энциклопедическом уровне виде основные этапы и направления отечественной общественной мысли за века её динамичного саморазвития [8].

Тема либерализма отчётливо прозвучала – как на уровне обобщающих, проблемных, аналитических материалов, так и в виде статей персонального характера – уже в издан-

ной в 2005 г. энциклопедии, посвященной общественной мысли нашей страны в диапазоне её развития от ХУШ до начала XX столетия [14]. В следующей энциклопедии была систематизирована и обобщена богатейшая информация, посвященная судьбе российских либералов и их организаций, вынужденных жить, мыслить и действовать в условиях политической эмиграции [16]. Всё это стало весомой предпосылкой для подготовки и издания специальной энциклопедии, раскрывающей все грани теоретического наследия и все этапы становления и эволюции отечественного либерального движения [24; один из первых откликов на это издание: 9].

В работе над данным изданием, как подчеркнул в своей вступительной статье его ответственный редактор профессор В.В. Шелохаев, было задействовано 120 исследователей: историков, философов, социологов, экономистов, юристов, политологов, культурологов. Это позволило в систематизированном виде представить весь комплекс проблем истории российского, а также европейского либерализма в историческом пространстве его эволюции с середины ХУШ до начала XX столетия. В издании присутствуют статьи понятийного характера, широко представлены институциональные основы либерального движения (партии, союзы, общества, клубы). Подробно раскрывается практическая деятельность российских либералов во всем её разнообразии: банкетная кампания 1904-1905 гг., выборы в Государственную думу и Всероссийское Учредительное собрание, законодательная деятельность либеральных фракций Государственной думы всех её созывов на протяжении 1906 – 1917 гг. и т. д. Более половины статей энциклопедии отдают статьям персонального характера, посвящено теоретикам, идеологам, философам, экономистам, социологам, юристам, общественным деятелям, политикам либеральной направленности. При этом впервые объектом внимания стали не только представители столичной (петербургской и московской), но и региональной и национальной политической элиты Российской империи. Две

другие, сопутствующие вышеуказанной, энциклопедии подробно раскрывают участие либеральных деятелей в практической работе Государственной думы и Государственного совета предреволюционной России [3; 4; 5].

Наконец, органическим дополнением к вышеуказанным разработкам стало не имеющее аналогов в отечественной и мировой науке издание «Библиотеки отечественной общественной мысли» в 119 томах. Комплексный подход к анализу интеллектуального богатства, заключенного в помещенных в данных томах произведениях отечественных мыслителей всех эпох, начиная с домонгольской Руси, позволяет исследователям в первую очередь представить и оценить во всех его параметрах широчайшее полотно общественно-политических исканий мыслящей части российского общества. А также выделить в хитросплетениях различных направлений ростки либеральной мысли, вначале робко проклюнувшиеся в виде олигархического протолиберализма ХУШ столетия, а затем (к концу XIX - началу XX столетия) оформившиеся в особое направление социальной мысли и достаточно широкое и влиятельное в определенных кругах интеллигенции общественно-политическое движение.

Параллельно с процессами расширения источниковой базы и систематизацией на энциклопедическом уровне исходных знаний в русле изучения истории отечественного либерализма шел процесс её научного познания на инновационном уровне.

Не имея возможности в рамках одной статьи остановиться на всех аспектах обширной историографии проблемы, отметим, что событием принципиального значения на этом пути стал выход в свет в 2004 г. коллективной монографии «Модели общественного переустройства России: XX век» [11]. Авторы этого исследования поставили перед собой задачу «системно представить сущность моделей общественного преобразования, а также формы и механизмы их реализации, предлагаемые различными представителями интеллектуальной и политической элиты России» [11, 6]. При этом либеральная мо-

дель рассматривалась авторами данного раздела (В.В. Шелохаевым и Н.И. Канищевой) в диалектическом взаимодействии с проектами других общественно-политических движений страны.

Основные параметры современного понимания места и роли либеральной мысли и либерального социально-политического движения в общественной жизни России конца XIX – начала XX столетия, исследовательски обозначенные в вышеупомянутой монографии, получили дальнейшую конкретизацию и развитие в целой серии конкретно-исторических и историографических разработок. Назовём только некоторые из них. И, прежде всего, серию докторских диссертаций учеников профессора В.В. Шелохаева – главного, на мой взгляд, специалиста в данной области, организатора и руководителя **школы исследователей истории отечественного либерализма**.

Речь идет прежде всего о защищенных в последнее пятилетие в Московском государственном областном университете при научном консультировании В.В. Шелохаева докторских диссертациях, посвященных таким проблемам, как: отечественная историография российского либерализма начала XX в. [А.Н. Егоров 2010]; законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе 1906-1917 гг. [Д.В. Аронов 2005]; внешнеполитическая доктрина Конституционно-демократической партии [Воронкова И.Е. 2010]. В конце июня текущего года преподавателем Мичуринского государственного аграрного университета Н.В. Антоненко была успешно защищена докторская диссертация, анализирующая эмигрантские концепции и проекты переустройства России 20-х – 30-х гг. XX века [1].

На важность и актуальность рассмотрения истории российского либерализма в контексте других течений общественной мысли указывают и зарубежные исследователи. Утверждая тот сегодня уже очевидный факт, что «история общественной мысли России несомненно входит в расширенные рамки истории европейской общественной

мысли», французская исследовательница Ж. Грандей обращает особое внимание на то обстоятельство, что «все эти вопросы являются злободневными и для современной России». Она считает, что «историки несут определенную ответственность за осмысление сегодняшних проблем, поскольку восстановление генезиса политических ценностей наших обществ освещает новым светом современную ситуацию и открывает новые возможности в решении социальных и политических проблем» [15, 687].

Отечественный либерализм как мировоззрение, философская доктрина, социальная теория и социально-политическая практика ведет своё начало со второй половины XVIII в., с эпохи «просвещённого абсолютизма» Екатерины II. Отдельные исследователи называют его протолиберализмом или же олигархическим либерализмом, поскольку носителями его первоначально выступали представители феодальной аристократии.

С середины XIX в. либерализм приобретает достаточно массовый характер. Социальной опорой его становятся уже разночинцы, образованные представители различных социальных слоёв российского общества. Процессы, потребности и вызовы модернизации России в обстановке подготовки и осуществления «великих реформ» 60-70-х гг. XIX столетия выдвинули на авансцену либерального движения таких идеологов и теоретиков, как Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, В.И. Сергеевич, С.М. Соловьёв.

Своего наивысшего расцвета либеральная мысль и либеральное общественно-политическое движение достигли в начале XX столетия. Резкое обострение социально-политической обстановки в стране, вылившееся в события Первой российской революции 1905–1907 гг., вынудило самодержавие дрогнуть, заставило Николая II выпустить Манифест 17 октября 1905 г., «даровавший населению» политические свободы (совести, слова, собраний, союзов), неприкосновенность личности, вводивший в политическую структуру Империи Государственную думу в качестве законодательного органа власти.

Именно на базе этих изменений неолиберализм начала XX столетия получает относительно широкое распространение не только как феномен общественной мысли, но и как достаточно распространенное прежде всего в кругах интеллигенции социально-политическое движение. Формируются легальные либеральные политические структуры, ключевое значение и влияние среди которых получают партии Конституционных демократов (кадетов) и «Союз 17 октября» на правом фланге либерального движения.

Кадетская партия, получившая официальное наименование «Партия народной свободы», выдвинула из своей среды в качестве лидеров, определявших её стратегию и тактику, таких ярких и неординарных личностей, как ученый-историк П.Н. Милюков, высокообразованные аристократы, князья из древнего рода Рюриковичей Павел и Петр Долгоруковы и Дмитрий Шаховской, академики В.И. Вернадский и П.Б. Струве, профессора С.А. Муромцев, Владимир Матвеевич Гессен, А.А. Корнилов и другие.

Большинству из лидеров кадетской партии пришлось испытать горькую чашу политических изгнанных в следующий за 1917 годом период истории. Но и находясь в эмиграции, они не переставали думать о будущем России, разрабатывая модели её развития после краха большевистского режима, в неизбежность которого они *свято* – в полном смысле этого слова – верили, видя в ренессансе православия одно из неперменных условий возрождения страны.

Современные специалисты, особенно те, кого связывает с данным течением не только исследовательский интерес, но и личные мировоззренческие и общественно-политические устремления, определяют либерализм как идеологию, отстаивающую жизненно необходимый минимум прав личности. «Именно в этом, – пишет в этой связи А.Н. Медушевский, – состоит фундаментальное единство либерализма и причина его постоянного возрождения во всё новых условиях и обличьях» [24, 527; 12; 13].

Интересно будет сравнить данную де-

финицию с тем определением, которое содержится в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, вышедшего первым изданием в 1866 г., т. е. в пору расцвета классического либерализма с русской спецификой. «Либерал, – согласно определению В.И. Даля, – политический вольнодумец, мыслящий или действующий вольно; желающий большой свободы народа и самоуправления». Отсюда либеральничать, согласно Далю, – это «выказывать из себя политического вольнодумца; вольномысличать» [6, 251]. Из этого следует, что политическая константа в либерализме уже в XIX в. представлялась современниками процессов капиталистической модернизации страны первостепенной по важности. В начале же XX в. она становится определяющей.

Теоретически выстроенная идеологами и лидерами кадетской партии модель будущего развития страны может быть в кратком виде представлена следующим образом.

«Символом веры» российских либералов были идеи гражданского общества и правового государства. Это позволило им сконструировать альтернативную авторитарному режиму рационалистическую модель общественно-политической системы, базирующейся на принципах разделения властей, верховенства закона, всестороннего обеспечения прав личности и социальных гарантий граждан, на идеях формирования правового государства, создания эффективной рыночной экономики, на основах цивилизованного решения национальных, конфессиональных, внутри- и внешнеполитических проблем.

Характерно, что Программа Конституционно-демократической партии 1905 г. начиналась с формулирования основных прав граждан (равенства перед законом, свободы совести и вероисповеданий, свободы слова, печати, публичных собраний, организации союзов и обществ, свободы передвижения с упразднением паспортной системы, свободы выезда за границу и т. д.).

При обсуждении данной Программы на Учредительном съезде партии от профессора Московского университета Павла Ивановича

Новгородцева поступило предложение (к сожалению, не получившее тогда поддержки) о внесении в программу положения о том, что «русский закон признаёт право на достойное человеческое существование, право на труд и нормальное приложение труда» [25, 158]. На тот момент это была новация не только на отечественном, но и на мировом уровне.

В решении вопроса о государственном устройстве будущей России большая часть идеологов и политических лидеров отечественного либерализма стояла – вплоть до падения царизма – на позициях эволюции самодержавия в конституционную или парламентарную монархию по типу английского парламентаризма. И лишь в марте 1917 г. по решению УП партийного съезда конституционных демократов в программу партии было внесено положение, согласно которому желательным для России государственным устройством объявлялась демократическая парламентская республика [21, 326].

Обращают на себя внимание программные требования кадетов в части рабочего законодательства, предусматривающие свободу рабочих союзов и собраний, право стачек, введение восьмичасового рабочего дня, охрану труда женщин и детей. Распространяя все права и свободы граждан на область просвещения, конституционные демократы стояли на позициях введения всеобщего, бесплатного и обязательного обучения в начальной школе и организации материальной помощи нуждающимся учащимся [21, 332-333].

В своем итоговом выражении теоретическая модель либерального переустройства России представляется сегодня исследователям в виде своеобразного синтеза субмоделей, получивших свое отражение в программатике нескольких либеральных партий. Факт «расщепления» общей либеральной модели следует оценивать диалектически. С одной стороны, он вел к ослаблению социально-политических позиций либерального движения как единого целого. С другой же стороны, расширял диапазон социально-политического маневра либералов, позволяя

им в зависимости от конкретной ситуации выдвигать то одну, то другую субмодель и на протяжении длительного времени сохранять действенность своих программных требований. Перед нами – интересное и важное наблюдение авторов вышеупомянутой коллективной монографии «Модели общественного переустройства России: XX век», не потерявшее своей актуальности по сей день.

Свой последовательный эволюционизм в решении не только тактических, но и стратегических задач российские либералы начала прошлого века (в разительном отличии от либералов, «демократов» конца того же века) рассматривали как наиболее действенное (с учетом черт ментальности такого инерционного социума, каким был тогда – и в немалой степени остается сегодня – российский социум) средство «наикратчайшим путем, – по выражению видного деятеля кадетской партии Ф.Ф. Кокошкина, – приблизиться к осуществлению наших политических идеалов, тех принципов, которые мы кладем в основу нашей программы» [11, 225].

Возникает законный вопрос, почему же либеральная модель переустройства России, обладавшая многими привлекательными чертами в её требованиях и предложениях, ориентированных на социальный компромисс и эволюционный путь модернизации страны, не получила массовой поддержки и была в конечном счете отброшена социальной практикой?

Попытаться ответить на этот вопрос можно на одном частном, но очень важном примере. Речь идёт о программных требованиях конституционных демократов по аграрному вопросу.

Прогресс сельскохозяйственного производства представлялся кадетам в виде двуединого процесса: с одной стороны, упорочения крупных помещичьих латифундий капиталистического типа, с другой же стороны – всемерного развития базирующихся на мелкой земельной собственности крестьянских хозяйств. Первостепенной важности мера в русле решения данной задачи формулировалась в программе следующим

образом: «Увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом...». Для этого планировалось создание государственного земельного фонда из, прежде всего, государственных, удельных, кабинетских и монастырских земель. Кроме этого, фонд должен был пополняться «путем отчуждения для той же цели за счет государства, в потребных размерах, частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (не рыночной) оценке» [21, 331].

Иными словами, конституционные демократы в своей аграрной программе стремились воплотить ту меру социального компромисса, на которую можно было, как им представлялось, склонить помещиков, и в разумности и целесообразности которой убедить, в конечном счете, крестьянство. Характерные черты российского типа либеральной идеологии и программатики начала XX в. нашли в таком подходе достаточно яркое проявление: эволюционизм, приоритет права, незыблемость начал частной собственности, государственничество, установление и соблюдение единых для всех гражданских прав, в том числе права человека на достойное существование.

В результате программные представления и требования либеральных сил России по земельному вопросу, в первую очередь их левого крыла, обладали той степенью умеренности, рациональности и вместе с тем конструктивности, которая давала обществу неплохие предпосылки для вполне успешного начала долговременного эволюционного процесса реформирования аграрной сферы, избавления её от пережитков докапиталистических отношений.

Но к началу XX в. историческое время для развертывания такого рода модернизационного процесса было безнадежно упущено. Недоверчивость, враждебность и конфронтационность культуры социальных отношений и политической культуры в стране не позволили плодотворным идеям компромисса трансформироваться в социально-политическую практику. Сама мысль

о каком бы то ни было согласии, основанном на обоюдных уступках, вызывала неприятие и отторжение у потенциальных субъектов компромисса: помещиков, с одной стороны, и крестьян – с другой.

И в этом заключалась не вина, а историческая беда либерального движения в России, неотвратимо вступавшей в полосу революционных потрясений [7].

Февральская революция 1917 г. первоначально дала либералам в широком их понимании (кадеты, октябристы, прогрессисты) шансы на определяющее влияние на происходившие в стране процессы. Так, в первоначальном списке членов Временного комитета Государственной думы, созданном 27 февраля 1917 г. для восстановления порядка в стране, 7 человек из 12 представляли партии либерального толка [3, 114], что отразилось и на партийно-политической структуре Временного правительства первого состава. Из 10 его членов 4 были кадетами: П.Н. Миллюков, Н.В. Некрасов, А.А. Мануйлов, А.И. Шингарёв.

Затем, однако, по мере радикализации революционного процесса политические потенции либералов стали резко падать. В ходе выборов в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. кадетам отдали свои голоса 4,5% избирателей, что позволило им получить только 14 депутатских мандатов из 766 (1,8%) [22, 108]. Объявление большевиками (декрет Совнаркома от 28.11.1917 г.) Конституционно-демократической партии «партией врагов народа» окончательно лишило их возможности легальной политической деятельности в пределах собственной страны.

В итоге массовой эмиграции из Советской России за рубежом оказалось практически всё руководящее ядро Конституционно-демократической партии (28 членов ЦК, значительная часть председателей губернских и областных комитетов партии). Их представления о будущем России стали отличаться пестротой и противоречивостью. Одни из них категорически отрицали все то, что принесли в жизнь страны не только Октябрьская, но и Февральская революция. Другие

же (Иосиф Владимирович Гессен) заявляли: «Мы вовсе не желали революцию, но раз она произошла, то надо извлечь из неё всё положительное». Но увидеть и объективно оценить это положительное из эмигрантского далека они были уже не в состоянии [16, 118-123].

Как фиксируют современные исследователи, проекты переустройства России, выдвигаемые либералами (и не только ими) в условиях эмиграции, носили в основе своей уже «догоняющий» характер: «Страна стремительно менялась, осмысление эмиграцией происходящих в ней перемен осуществлялось «со слов» очевидцев, а не через личное ощущение и восприятие. Эмигранты пришли «из другой России», которую они хорошо знали и понимали, им трудно было осознать и почувствовать, какими нуждами и чаяниями живёт советский народ» [1, 22].

В итоге теоретическая и общественно-политическая деятельность российских либералов в эмиграции сошла на нет к середине 30-х гг. прошлого века. Она осталась жить в анналах истории, чтобы через шесть десятилетий воспрянуть и, казалось бы, получить вторую жизнь.

Но что мы имеем на самом деле? Для уяснения этого вопроса необходимо обратиться к современности.

Радикальные силы российского общества, захватившие на время, главным образом в первой половине 90-х годов прошлого столетия, ключевые плацдармы в идеологической и политической жизни страны, позиционировали себя в качестве наследников и продолжателей дела отечественных либералов начала XX в. Характерны в этом плане претензии тогдашних программных документов, исходивших от партии Демократический выбор России – партии Егора Гайдара на то, чтобы представить себя наследниками идей и политических традиций П.Н. Милюкова, В.Д. Набокова и В.И. Вернадского. При этом авторов этих документов не смущал тот факт, что программные принципы гайдаровской партии и, главное, образ и характер её практической деятельности вступали в резкое

противоречие с представлениями, идеалами, образом мысли и действия представителей той же Конституционно-демократической партии России начала прошлого века. Ибо дореволюционные российские либералы (в отличие от «демократов» 90-х гг.) были:

- во-первых, последовательными эволюционистами, отличавшимися, по оценкам современников, «осторожностью и политической дальнорукостью»;

- во-вторых, убежденными государственниками и сторонниками верховенства права, усматривавшими сущность либерализма, по крылатому выражению Б.Н. Чичерина, «в примирении начала свободы с началами власти и закона»;

- в-третьих, яркими представителями и принципиальными сторонниками «чистых рук» в политике и практической деятельности вообще.

О чистоте рук организаторов, апологетов и адвокатов событий сентября – октября 1993 года говорить не приходится, как и о заявлении автора книги с претенциозным названием «Государство и эволюция» и иже с ним на роль защитников ненасильственных методов осуществления социального прогресса при важной роли государственного начала в ходе реализации задач такого прогресса. Наконец, трудно заподозрить в инициаторах и исполнителях политики так называемой «шокотерапии» лихих 90-х гг. горячих защитников сформулированного дореволюционными либералами – в череде незыблемых прав личности – права простого человека на достойное существование.

Современные российские либералы начала второго десятилетия XXI в., конечно, во многом изменились, стали респектабельнее. Исчерпав в основном возможности захвата и передела собственности неправовыми методами, они стали на позиции незыблемости и законности своих прав на эту собственность. Но унаследованная от 90-х гг. прошлого века ставка на решение собственных проблем и достижение своих целей за счет общества, за счет обездоленного ими народа сохранилась. Об этом свидетельствуют, в частности, заяв-

ления и предложения недолго пробывшего в качестве лидера партии «Правое дело» Михаила Прохорова.

Углублённое изучение истории общественной мысли в нашей стране убеждает в том, что не следует торопиться хоронить те идеи и концепции, которые сегодня кажутся «отработанным паром» локомотива истории. Завтра они могут – как Феникс из пепла – возродиться и зажечь новой жизнью, будучи социально востребованными в контексте пока еще неизвестных нам вызовов будущего. А это дает нам полное право говорить о не подверженной коррозии времени *самоценности* богатейшего идейного наследия российской цивилизации.

Что можно сказать в этой связи о перспективах либеральной идеологии и либерального движения в нашей стране?

Перспективы эти, конечно, имеются. Цели и идеалы, за которые боролись лучшие представители либерального движения XIX и начала XX столетия, далеко не исчерпали своей исторической значимости на современном этапе все ещё продолжающегося поиска нашей страной своей цивилизационной и модернизационной идентичности, своего пути в будущее. Однако для более полной реализации своих потенциальных возможностей современной либеральной мысли и современному либеральному социально-политическому движению предстоит ещё нелегкий путь самосовершенствования и адаптации к российским реалиям. Претензии единомышленников М. Прохорова на полную победу «Правого дела» в ходе настоящего или же ближайших электоральных циклов вряд ли стоит оценивать иначе, чем обычную предвыборную риторику и тактику давления на своего потенциального избирателя.

Для того, чтобы стать действительно серьёзной силой, либералам необходима «генеральная» ревизия и переоценка своего мировоззренческого и идеологического багажа, доставшегося им в наследство от «революции сверху» достопамятных 90-х гг. Этой псевдореволюции, ориентированной на далекие от духа либерализма цели первоначального

накопления капитала, – а проще говоря, растаскивания государственной собственности. И, в связи с этим, – пересмотр форм и методов своей партийно-политической деятельности.

Это прекрасно понимают и тяготеющие к либеральной идеологии исследователи российского либерализма. «Сегодняшней России, – утверждает А.А. Кара-Мурза, – как никогда, нужна реабилитация либерального проекта – не только как эмансипаторского, но и как глубоко конструктивного. А это означает, что на переднем плане наших исследований должно проявиться подлинное кредо либерализма – кредо не отрицательное, а творческое, промышливание и конструирование новой социальности» [15, 428].

Не усматривая серьёзных оснований для надежд (и публичных заявлений) некоторых либеральных деятелей на быстрое восстановление утраченных позиций в политическом спектре страны, полагаю, что определенный ренессанс либеральной идеологии и либерального общественно-политического движения ещё впереди. Но не в виде претензий на единоличный диктат, на «второй раунд» в продолжение прерванного обществом на исходе 90-х гг. радикального социального эксперимента, а в форме органической составляющей интегральной модели отечественной модернизации.

В современных условиях, справедливо подчеркивает в этой связи Л.А. Опёнкин, «нашему народу требуется не только, а точнее, не столько *великая*, сколько *нормальная, правильная* Россия, способная обеспечить людям достойное качество жизни, сопоставимое с передовыми странами мира... При этом следует отчётливо сознавать (и не делать из этого никакой трагедии!), что применяемые формы и методы работы по достижению этой стратегической цели первого порядка (обеспечения высокого качества жизни) могут быть как из либерально-демократического, так и из традиционного для нашей страны административно-командного арсенала – в рамках соблюдения существующего законодательства, основных прав

и свобод приемлемы любые средства, обеспечивающие конечный результат. При этом необходимо отдавать себе отчет и в другом: не изменив кардинально качество жизни народа, невозможно надеяться на достижение конечной стратегической цели обустройства новой России – осуществление перехода от мобилизационного к органическому, саморазвивающемуся типу общественного устройства, только и способному обеспечить условия для расцвета свободы, демократии, либерализма» [15, 76-77].

К этому, пожалуй, стоит добавить, что такая постановка вопроса вполне укладывается в стратегические параметры видения будущего России в трактовке, предложенной ещё дореволюционным отечественным либерализмом.

В заключение хочу подчеркнуть, что конкретно-исторический подход позволяет за абстрактными теоретическими конструкциями увидеть один из актов драмы поиска Россией своей модернизационной идентичности, которая разворачивалась на авансцене осмысления в тех или иных вариациях идентичности цивилизационной. Драмы идей и теоретических моделей преобразования страны и видения её будущего, оставшихся в основе своей нереализованными. Драмы различных социальных и политических сил, уверенность которых в эксклюзивной истинности предлагавшихся ими путей в это будущее оказалась призрачной. Драмы искренних и честных апелляций предреволюционных либералов к умеренности, эволюционизму, трезвости и реализму, оказавшихся отброшенными суровой социальной практикой революционной эпохи. Наконец, драмы строительства общественных отношений по лекалам одной из социалистических моделей, столь популярных в стране со второй половины XIX в. и представлявшихся целому ряду поколений отечественной интеллигенции если не идеальными, то предпочтительными.

Тем не менее осмысление исторического опыта моделирования сложных и внутренне противоречивых идеологических доктрин и

освященных ими общественно-политических течений России эпохи социальных потрясений вековой давности и сегодня носит ярко выраженный конструктивный характер. Это делает усилия в русле решения данной задачи полезными не только для историков, обществоведов в целом, но и для ныне действующих политиков.

Именно им современные исследователи общественной мысли и многовековой социальной практики нашей страны адресуют свои, основанные на конкретных исследованиях, выводы о том, что «для “мира миров”, каким и является Россия, необходима именно синтетическая общенациональная модель социального развития, учитывающая совокупность исторических особенностей и традиций. Разработать и принять такую модель может лишь само общество» [11, 565].

«Нащупать», найти, «выстрадать» своё, оптимальное именно для России (в этом основная трудность!) сочетание в такой интегральной модели начал либерализма, консерватизма и социализма различных оттенков (что в той или иной мере уже удалось сделать «продвинутым» странам от А до Я: от Англии до Японии включительно) – в этом сегодня и состоит «вопрос вопросов» в поиске нашей страной своего места в мире и пути в будущее.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20-30-е гг. XX в.). Автореферат диссертации ... д-ра ист. наук. М.: Московский государственный областной университет, 2011. 60 с.
2. Всероссийский национальный Центр. М.: РОССПЭН, 2001.
3. Государственная Дума России: Энциклопедия. В 2-х т. Т. 1. Государственная Дума Российской Империи (1906-1917 гг.) / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2006. 768 с.
4. Государственная Дума Российской Империи 1906-1917: Энциклопедия. Изд. 2-е / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2008. 735 с.
5. Государственный Совет Российской Империи. 1906-1917: Энциклопедия / В.В. Шелохаев (отв. ред.)... М.: РОССПЭН, 2008. 343 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2. М.: Русский язык, 1978. С. 251.

7. Журавлев В.В. Земля – это Россия (Программные установки политических партий России начала XX столетия по проблеме собственности на землю) // Задавая вопросы прошлому... К 75-летию профессора Олега Владимировича Волобуева. М., 2006. С. 187-200.
8. Журавлев В.В. «Нет ничего сильнее мысли». Из опыта подготовки энциклопедических изданий, посвященных общественной мысли России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2008. № 1 (50). С. 44-57.
9. Котов Сергей, академик АПСН. О либерализме с «русским лицом» - [http:// www.stoletie.ru/kultura/ o_liberalizme_s_rossijskim_licom_2010-10-18.htm](http://www.stoletie.ru/kultura/o_liberalizme_s_rossijskim_licom_2010-10-18.htm)
10. Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М.: РОССПЭН, 2001.
11. Модели общественного переустройства России: XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2004. 608 с.
12. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1998.
13. Медушевский А.Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9.
14. Общественная мысль России ХУШ – начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2005. 640 с.: ил.
15. Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28-29 октября 2010 г. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
16. Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев; отв. секр. А.В. Репников. М.: РОССПЭН, 2009. 704 с.: ил.
17. Партии промышленников и предпринимателей. М.: РОССПЭН, 2003.
18. Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы 1906–1916 гг. М.: РОССПЭН, 2002.
19. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905-1915 гг. В 2 тт. М.: РОССПЭН, 1996-2000.
20. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., РОССПЭН, 1996.
21. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995. 464 с.
22. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 108.
23. Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг. В 6 тт. М.: РОССПЭН, 1994-2001.
24. Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. 1087 с.: ил.
25. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. В 3 тт. Т 1. М.: РОССПЭН, 1997–2000.

УДК 398.47

Титова О.Ю.

Воронежский государственный университет

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОВЕРИЙ О ВЕДЬМАХ У ЮЖНОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

O. Titova

Voronezh State University

ON FEATURES OF SOUTHERN RUSSIANS' POPULAR BELIEFS ABOUT WITCHES

Аннотация. В статье рассматривается важнейший сюжет мифологических представлений южнорусского населения – поверья о ведьме. Из всего разнообразия сверхъестественных характеристик этого персонажа в южнорусских поверьях автором выбран один аспект – способность ведьмы к перевоплощениям (метаморфозам), поскольку многообразие принимаемых обликов в мифологических представлениях южнорусского населения выделяет ведьму среди других мифологических персонажей региона. В основе данного исследования лежит анализ материалов полевых этнографических исследований XIX – XX вв., а также собственных полевых материалов автора.

Ключевые слова: южнорусское население, мифологические представления, народные поверья, образ ведьмы, метаморфозы ведьмы.

Abstract. This article considers the most important story of Russian mythology of the South – beliefs about the witch. From all variety of supernatural characteristics of this character in the southern Russian beliefs the author selected one aspect – witches' ability to reincarnate (metamorphosis), since the variety of guises distinguishes the witch from other mythological figures of the region. The basis of this study is the analysis of the field data of the 19th – 20th centuries ethnographic research.

Key words: Russian population of the South, mythological beliefs, popular beliefs, the image of the witch, metamorphosis of witches.

Вера в ведьм – одна из самых распространенных и самых устойчивых черт мифологических представлений южнорусского населения. Поверья о ведьме имели повсеместное распространение в южнорусском регионе на протяжении всего XIX в., более того, достаточно часто отголоски их можно услышать при работе в экспедициях в том или ином регионе и сейчас.

Нужно сказать, что образ южнорусской ведьмы очень сложен, и нельзя назвать это существо только лишь мифологическим персонажем, ведь в большинстве случаев речь идет о реально существовавшей женщине: это могла быть соседка, женщина из соседней деревни и т. п. То есть, согласно южнорусским поверьям, ведьма – существо вполне реальное, но, в отличие от остальных, наделенное сверхъестественными способностями (ПМА: Бизюкина).

Среди сверхъестественных свойств, приписываемых ведьме, особенно привлекает внимание ее способность к всевозможным перевоплощениям. Сведения об умении данного персонажа принимать самые разнообразные облики присутствуют практически во всех данных материалов полевых этнографических исследований XIX – XX вв., где речь идет о ведьме. Например: «Ведьма могла сделаться, чем хочешь»¹, «ведьмы, они все сделают: и кошками, и гадюками, и птицами, – всем они. Если ведьма – она всем сделается» (ПМА: Бережнова) и т. п.

© Титова О.Ю., 2011.

¹ Архив учебно-научной лаборатории «Этнография Центрально-Черноземных областей России» при Воронежском государственном университете (далее – АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ). Д. 11. Л. 14.

Судя по данным материалов полевых этнографических экспедиций XIX – XX вв., поверья южнорусского населения, касающиеся метаморфоз ведьмы можно разделить на несколько категорий: 1) поверья о превращении ведьмы в животных; 2) поверья о превращении ведьмы в неодушевленные предметы; 3) поверья о превращении ведьмы в природные явления и неопределенные предметы.

1). Представления о способности ведьмы оборачиваться животными имеют повсеместное распространение в южнорусском регионе. Необходимо отметить, что данное «превращение» ведьма не могла совершить без помощи ножей, о чем свидетельствуют многочисленные рассказы, записанные в южнорусском регионе в ходе этнографических экспедиций. Вот, например, один из таких рассказов, относящийся к концу XIX в.: «самая необходимая вещь ведьм – ножи. Ножей нужно семь. Ведьма бережет эти ножи, как свой глаз. Расставит их на перекрестках и перекувыркнется через них и потом оборотится во что ей угодно»¹. Примечательно, что подобные поверья повсеместно распространены в южнорусском регионе и в наше время, правда, чаще всего, рассказ ведется в прошедшем времени: «12 ножей втыкали и через эти 12 ножей кувыркались.... И тогда человека поймает, изуродует. Могла в свинью превратиться и напасть» (ПМА: Ольховская).

Нужно сказать, что именно перевоплощение южнорусской ведьмы в **свинью** является, на наш взгляд, одной из самых ее распространенных метаморфоз. Как правило, сюжеты южнорусских быличек относительно данного перевоплощения довольно схожи: ведьма оборачивается свиньей и в этом облике начинает всячески вредить людям; свинье отрезают ухо (либо наносят иные увечья), наутро с отрезанным ухом оказывается какая-либо женщина, которую подозревали в колдовстве. Вот один из таких рассказов, записанный в селе Старая Тойда Аннинского района Воронежской области:

¹ Архив Российского этнографического музея (далее – АРЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1343. Л. 4.

«Однажды один мужчина шел домой поздно вечером. Он услышал позади себя какой-то шум и обернулся: за ним бежала очень большая свинья. Сначала он растерялся, но потом вынул из кармана нож и отрезал свинье ухо. Свинья как-то странно захрюкала и убежала. На следующий день мужик пришел к своей соседке, которую люди считали ведьмой, и увидел, что одного уха у нее нет, а голова перевязана» (ПМА: Ольховская).

Еще одна повсеместно распространенная в южнорусском регионе метаморфоза ведьмы – превращение ее в **собаку**. По поверьям крестьян Курской губернии, «ведьмы скидываются белыми собаками»². В Обоянском уезде той же губернии считали: «Идешь, издали смотришь на ведьму, – вроде человек, подойдешь ближе, а она прикинулась собакой»³. Интересно отметить, что в одной из быличек, записанных в селе Хреновое (Воронежская область, Бобровский район), ведьма изображается в виде собаки, у которой «перед как у свиньи»⁴.

Широко распространенными среди южнорусского населения являются также поверья о способности ведьмы оборачиваться **кошкой**. По рассказам жителей села Малышево (Воронежская область, Хохольский район), кошки эти «так пристают, что и не отшвырнешь их от себя потом ногами»⁵. Повсеместное распространение в южнорусском регионе имеют былички о превратившихся в кошек ведьмах, которые вредят человеку и которых избивают, а на следующий день оказывается избитой не кошка, а женщина-колдунья (сюжет, аналогичный быличкам о ведьмах – свиньях). Например: «Один дед стерег ночью лошадей. От своего дома за ним увязалась черная кошка. Сколько он гнал лошадей, столько она за ним и бежала.

² Архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Фонд общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее – АИЭА РАН. Ф. ОЛЕАЭ). Д. 162. Л. 7.

³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 631. Л. 38.

⁴ Архив кафедры теории литературы и фольклора Воронежского государственного университета (далее – АКТЛФ ВГУ). Д. 2000/1. Л. 2

⁵ АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Д. 4. Л. 43.

Когда он приехал на место, то пустил лошадей на луг. Сам лег отдохнуть на телегу. А эта кошка забралась к нему и начала пищать. Дед разозлился, снял с себя шарф, поймал кошку за шею и привязал за телегу. Когда он проснулся утром, то увидел, что это уже не кошка, а женщина, которую он задушил своим шарфом»¹.

Помимо способности перевоплощения ведьмы в свинью и кошку, в поверьях населения южнорусского региона достаточно часто отмечаются ее превращения в корову (Воронежская, Тамбовская области)² и лошадь: «У нас конюх подковал бабу одну, – жеребенка поймал и подковал. А это соседка. Пришел: она подкову не оторвала, нога завязана, лежит на печке» (село Ильинское, Хотынецкий район, Орловская область)³.

Судя по материалам полевых этнографических исследований XIX – XX вв., из числа орниморфных превращений для южнорусской ведьмы наиболее характерна способность оборачиваться **сорокой**. Так, по представлениям крестьян Рыльского уезда Курской губернии, «ведьмы скидываются сороками и в таком виде летают в известное сборное место для совещаний»⁴. А вот интересная бывальщина, связанная с поверьем о способности ведьм превращаться в сорок, записанная в селе Ксизово Задонского района Воронежской области: «Одни поехали за Елец и встретили там старую-старую бабу. Она спрашивает их: «Откуда будете?» – «Мы из-за Задонска» – «Ну, скажите, а тама чьи?» – «Ну, село Ксизово». – Она говорит: «Я знаю вашу церковь, у вас колокол большой. Мы туда летали на слет, сороками смётывались и летали на слет, к вашим колдунам»⁵.

Спорадически в южнорусском регионе встречаются поверья о превращении ведьмы

в **змею** или **ужа**. Судя по данным материалов полевых этнографических экспедиций, ведьмам, принимающим такое обличье, чаще всего приписывались вредоносные функции, направленные не на человека, а на домашний скот. Так, например, ведьма в виде змеи (ужа) могла украсть у коровы молоко: «...Вот в Чигле чей-то сделали корове, а потом как они разобрались – неизвестно, ужак, говорить, корову по ноге окрутил и сосеть корову ужак» (поселок Вятский, Таловский район, Воронежская область) (ПМА: Ольховская).

2). Особое внимание, на наш взгляд, привлекают сюжеты южнорусских быличек, описывающие превращения ведьмы в **неодушевленные предметы**. Причем предметы эти, как правило, имеют округлую или шарообразную форму – колесо, клубок, решето, сито, огненный шар.

Представления об умении ведьмы сворачиваться (скидываться, превращаться) **клубком** зафиксированы в поверьях населения Курской и Воронежской губерний. По рассказам информантов Суджанского уезда Курской губернии, ведьма, превратившись в клубок ниток, «подкатывается под ноги идущему, и он непременно падает»⁶. В селе Коршево Бобровского района Воронежской области зафиксирован рассказ: «Дед говорил: «Ведьма летит» – шар или клубок какой-то летит, а потом куда-то исчезает»⁷.

По словам крестьян Рыльского уезда Курской губернии, ведьма способна «скидываться **решетом**»⁸. А в селе Семидесятное Хохольского района Воронежской области отмечены поверья о превращении ведьмы в **сито**: «Если в ненадлежащее время выйти в лес или в поле, то можно встретить сито с ножами, которое закатает до смерти. Это ведьма, которая обратилась вместе с ножами в клубок»⁹.

Локально ограниченной восточной половиной южнорусского региона является ме-

¹ АКТЛФ ВГУ. Д. 1999/1. Л. 1.

² АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Д. 7. Л. 12.; АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Д. 13. Л. 6.

³ Архив кафедры русского устного народного творчества Московского государственного университета. Фольклорная экспедиция (далее – АКУНТ МГУ. ФЭ). 20:3990.

⁴ АИЭА РАН. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 162. Л. 4.

⁵ АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Д. 9. Л. 38.

⁶ Архив Русского географического общества (далее – АРГО). Р. 19. Оп. 1. Л. 47.

⁷ АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Д. 8. Л. 6.

⁸ АИЭА РАН. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 162. Л. 4.

⁹ АКТЛФ ВГУ. Д. 1999/1. Л. 1.

таморфоза ведьмы в виде *копны сена* (Пензенская¹, Воронежская [5, 24], Тамбовская губернии²).

Среди поверий южнорусского населения о метаморфозах ведьмы в неодушевленные предметы округлой формы особого внимания, на наш взгляд, заслуживают представления о превращении ведьмы в *колесо*. Поверья о ведьме-*колесе* имеют общенорусское распространение и, судя по данным материалов полевых этнографических исследований, данная метаморфоза чаще остальных метаморфоз такого рода приписывалась южнорусской ведьме. Нередко в южнорусском регионе можно встретить высказывания подобного рода: «Ведьма – и человек, и колесо, разговор один» (Воронежская область, Бобровский район, с. Коршево)³. «Колдуньи колесом катались» (Воронежская область, Рамонский район, с. Пчельники)⁴. Вот две характерные южнорусские былички о распознавании и наказании ведьмы, превратившейся в колесо: «В старину, тады, говорить, идя, – колесо катиться. Они, говорит, в колесо, в эти спицы-то, веревку пристроят, приведут, – она к утру – у женщины в ноздрях» (с. Пашково, Усманский район, Липецкая область)⁵. «Еще там, говорят, колесо катилось. Они взяли уловили его, колесо, просто колесо уловили, протянули, его, веревку, и привязали к колодцу. А это оказалась баба, привязанная-то» (деревня Низина, Хотынецкий район Орловская область)⁶.

3). Поверья о превращении ведьмы в природные явления, судя по данным материалов полевых этнографических исследований XIX – XX вв., в южнорусском регионе распространены спорадически. В этой связи следует отметить представления крестьян Козельского уезда Калужской губернии, согласно которым ведьма могла превращаться в *столб пыли (вихрь)*: «Столб пыли, кружащийся и несущийся вперед, признается за пляску ведьмы, которая радуется удачно совершенному ею пакостному делу, и если воткнуть нож в этот столб, тот покроется кровью ведьмы⁷.

Своеобразные представления населения южнорусского региона о способности ведьмы превращаться в *огненный шар*, зафиксированы в поверьях населения Воронежской области: «И колеса, вот, огненные кóтятся, кóтятся... Бывало, и на улицу боялись выходить»⁸. В быличке о ведьме, записанной в селе Старая Тойда Аннинского района Воронежской области, повествуется о том, что «однажды увидели, как за ними катится большой клубок жара» (ПМА: Попова).

Особый интерес, на наш взгляд, представляют сюжеты южнорусских поверий о ведьме, принявшей облик *неопределенной темной массы*. Причем, речь идет не просто о темной массе, а о массе, имеющей определенные очертания, принимающей различные облики. Так, например, ведьма могла превратиться в темную массу, напоминающую копну сена, а уже из этого состояния принять облик женщины: «ведьма оборачивается какой-то темной массой точно копна сена; потом копна приняла форму женщины в белой рубашке и с распущенными волосами»⁹. Среди подобного рода рассказов зафиксированы сюжеты о ведьме в виде темной массы в образе свиньи: «Ведьма неслась по селу в виде темной массы в образе свиньи; потом она повернула к одному дому и скрылась там»¹⁰. По всей видимости, здесь мы видим некое слияние южнорусских мифологических представлений относительно метаморфоз ведьмы с представлениями о ее многочисленных сверхъестественных свойствах, сведения о наличии которых всегда присутствуют в рассказах о южнорусской ведьме. Речь идет о ее умении *проникать через различные преграды*, «при совершенном отсутствии всяких отверстий»¹¹, *отсутствии после ведьмы следов*

¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1343. Л. 2

² АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Д. 20. Л. 15.

³ АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Д. 8. Л. 37.

⁴ АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Д. 7. Л. 9.

⁵ АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Д. 11. Л. 14.

⁶ АКРУНТ МГУ. ФЭ. 20:3773 об.

⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 534. Л. 11.

⁸ АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Д. 18. Л. 19.

⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 975. Л. 2.

¹⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 975. Л. 4.

¹¹ АРГО. Р. 28. Оп. 1. Л. 27.

(например, когда ведьма «бегает в образе собаки зимой по снегу»)¹ и т. д.

Итак, анализ материалов полевых этнографических исследований XIX – XX вв. позволяет нам условно разделить метаморфозы ведьмы в поверьях южнорусского населения на несколько категорий: 1) превращения в животных; 2) превращения в неодушевленные предметы; 3) превращения в природные явления и неопределенные предметы. Нам представляется, что поверья, связанные со всеми вышеперечисленными категориями метаморфоз южнорусской ведьмы имеют глубочайшие корни и восходят к древнейшим дохристианским воззрениям и мифологическим традициям.

Так, например, представления о превращениях ведьмы в животных, на наш взгляд, могут быть генетически связаны с одним из проявлений той веры в животных-оборотней, которая с древнейших времен была распространена у всех народов земного шара [4, 45-46]. Интересны и южнорусские представления о способности ведьмы перевоплощаться в неодушевленные предметы, причем в большинстве случаев речь идет о предметах округлой формы.

Особенно привлекают внимание повсеместно распространенные в южнорусском регионе поверья о ведьме-колесе. По всей видимости, колесо – это очень символический, утилитарный предмет, совмещающий в себе символику круга и движения; ассоциирующийся с вращением небесных светил и наделяющийся вредоносными признаками (как возможная ипостась ведьмы) [3, 234]. По мнению некоторых исследователей, зажженное и поднятое на палке колесо в купальской обрядности (традиционно рассматривавшееся в литературе в связи с солнечным культом), на самом деле имеет иную семантику: оно символизирует ведьму, подлежащую уничтожению [1, 111-112].

На весьма архаичную ипостась ведьмы, на наш взгляд, указывают и поверья о метаморфозе ведьмы в такое явление, как огненный

шар, вполне возможно, подразумевающие «огневую» сущность ведьмы аналогичную природе другого персонажа южнорусской мифологии – огненного змея (традиционно выступающего в южнорусских народных поверьях как одна из ипостасей черта) [2, 99].

Таким образом, не оставляет сомнений тот факт, что природа южнорусских представлений о перевоплощениях ведьмы чрезвычайно сложна, как сложен и сам образ южнорусской ведьмы, несомненно восходящий к древнейшим мифологическим представлениям.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Мотив «уничтожения – проводов нечистой силы» в восточнославянском купальском обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры (Погребальный обряд)/ отв. ред. В.В. Иванов, Л.Г. Невская. М.: Наука, 1990. С. 99-118.
2. Дынин В.И., Титова О.Ю. Огненный змей в народных верованиях южнорусского населения XIX – XX вв. // Вопросы истории славян. 2010. Вып. 20. С. 99-120.
3. Славянская мифология: Энциклопедический словарь М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
4. Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 164 с.
5. Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб.: Тип. товарищества «Общественная Польза», 1907. 223 с.

Полевые материалы автора (ПМА):

6. Бережнова Полина Алексеевна, 1940 г.р., пос. Манидинский Таловского района Воронежской области, зап. 2008 г.
7. Бизюкина Елена Ивановна, 1927 г.р., с. Новая Чигла Таловского района Воронежской области, зап. 2008 г.
8. Кузнецова Мария Дмитриевна, 1941 г.р., пос. Манидинский Таловского района Воронежской области, зап. 2007 г.
9. Ольховская Вера Алексеевна, 1942 г.р., пос. Манидинский Таловского района Воронежской области, зап. 2008 г.
10. Ольховская Пелагея Ивановна, 1912 г.р., пос. Манидинский Таловского района Воронежской области, зап. 2007 г.
11. Попова Мария Михайловна, 1942 г.р., с. Александровка Таловского района Воронежской области, зап. 2008 г.

¹ АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Д. 11. Л. 26-27.

УДК 930

Кадыкова М.Н.

Московский государственный областной университет

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА Т. КАРЛЕЙЛЯ

M. Kadysova

Moscow State Regional University

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ON T. CARLYLE'S BIOGRAPHICAL METHOD

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема биографического метода в истории, разработанная в работах видного шотландского мыслителя XIX столетия Томаса Карлейля. Проводится анализ связи биографического метода с проблемой роли личности в истории. Ставится задача проанализировать работы историков, опубликованные в период с конца XIX в. до настоящего времени. В заключение делается вывод об актуальности дальнейшего изучения проблемы биографического метода познания истории и определения роли личности в истории.

Ключевые слова: Т. Карлейль, XIX век, биографический метод, историография досоветского периода, советская историография, российская историография.

Abstract. In article considers the problem of biographical method in history introduced by the Scottish historian of the 19th century T. Carlyle. The author of the article studies the connection between the biographical method and the problem of the role of «great man» in history. The task is set to analyze the works published during the period from late 19th century till present. The author makes a conclusion that further investigation of the biographical method of studying History and the role of personality in it is quite topical.

Key words: T. Carlyle, 19th century, the biographical method, historiography of pre-Soviet period, Soviet historiography, Russian historiography.

Одним из старейших методов исторического исследования является биографический метод. Некоторые его черты проявились уже в античной историографии. Плутарх (ок. 45 – ок. 127) в работе «Сравнительные жизнеописания» проанализировал биографии великих людей, предпринял попытку посмотреть на их действия как на историю. «Конечно, античные историки не пришли к убеждению, что история является продуктом деятельности людей» [20, 226]. Пройдут еще целые столетия, пока данный тезис будет сформулирован, в связи с господствовавшей более тысячелетия идеей провиденциализма в историческом мышлении. Несмотря на это, биографический подход исследования упрочивал свои позиции и во время господства провиденциализма, приобретая рационалистический смысл. Например, в философии истории Вольтера, представителя французского Просвещения, великая личность в истории – просвещенный монарх – являлся движущей силой истории в противовес народу, который являлся, по его мнению, не более чем игрушкой в руках законодателей. Постепенно, с развитием историографической мысли, биографический метод приобретал все большую роль. Особенно активно его использовали представители так называемой политической историографии, где предмет исследования – политическая история – в известном смысле способствовал выдвиганию на первый план роли личности политика как носителя высшей государственной власти. Расцвет политической историографии в конечном итоге способствовал развитию биографического метода.

В работах английского писателя и философа, историка и публициста Томаса Карлейля (1795–1881 гг.) представлен один из вариантов трактовки биографического метода. Он наиболее полно сформулирован в лекциях «Герои, почитание героев и героическое в истории»

(1840 г.) [11]. Проанализируем основные направления исследования творчества Карлейля в отечественной историографии в рамках 3 периодов: 1. историография досоветского периода (конец XIX в. – 1917 г.); 2. советская историография (1917 г. – конец 1980-х гг.); 3. российская историография (с 1990-х гг. до настоящего времени).

В 1890–1916 гг. интерес к шотландскому мыслителю связан с его идеей «героев» и «героического» в истории, принижением роли народных масс в истории, а также симпатиями Т. Карлейля к политике царской России [22]. Данный период связан с работами В.И. Яковенко, Н.И. Кареева, Н.К. Михайловского и др. Общей тенденцией для этого периода является, главным образом, анализ влияния Томаса Карлейля на английское общество, высокая оценка критики Англии XIX в. шотландским мыслителем. В.И. Яковенко [21] рассматривает основные жизненные этапы Т. Карлейля. Исследователь считал лекции о героях одним из лучших произведений Карлейля. «Он [Карлейль] выступил со своим протестом во имя личности в то время, когда массам, в смысле общественного фактора, стали придавать первенствующее значение, когда роль великих людей в истории была доведена до нуля, когда, одним словом, культ «героев» стал, по-видимому, вытесняться культом «массы»» [21, 378]. В.И. Яковенко подчеркивал, что «... Карлейль влияет самым благотворным образом в смысле подъема нравственного самочувствия тем, что, проникая в самое сердце человека, заставляет его стряхнуть с себя апатию, отрешиться от зыбкого прозябания и, *вопреки* всему, устраивать свою жизнь сообразно своим убеждениям» [21, 379]. В.И. Яковенко пришел к выводу о своевременности появления книги Карлейля в Англии, высоко оценил его выступление против развенчания героев и уравнивания людей по правам и способностям.

Ознакомившись с лекциями «Герои, почитание героев и героическое в истории», представители русской интеллигенции (в частности Н.К. Михайловский) пытались связать отдельные черты романтической

историографии Карлейля с идеями обновления России на основе духовности. Н.К. Михайловский, рассуждая о героях в истории, пришел к выводу: не нужно быть последователем Карлейля, «...чтобы признать факт существования людей, по самой природе своей призванных вести других за собой, стоять впереди других» [14, 412]. Автор отмечал, что Карлейль идеализировал героев, характеризуя их исключительно с положительной стороны, утверждая, что герои в истории выступали не только как благодетели человечества, как считал Карлейль, но также могли вести людей за собой на антигуманные поступки. Подобная интерпретация взглядов Т. Карлейля объясняется тем, что взгляды вышеназванных авторов о роли личности в истории имели не только определенное сходство в трактовке роли личности в истории Карлейлем, но и различия с ним.

Иное отношение к Карлейлю находим у Н.И. Кареева. В его работе «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» [9] доктрина шотландского историка противопоставлена взглядам Л.Н. Толстого на роль личности в истории. Анализируя лекции Карлейля о героях, автор приходит к выводу о ненаучности концепции Карлейля, которая не выдерживает научной критики. Ее главным недостатком является полная «... недосказанность основных пунктов всей теории» [9, 26], отсутствие общего признака в классификации героев, неполнота классификации, так как многие великие люди не нашли в ней места, отсутствие интереса Карлейля к определению роли героев в истории и влияния их на окружающих людей. В работе «Историология (теория исторического процесса)» Н.И. Кареев отмечал: «В великом человеке, «герое», для Карлейля было даже что-то сверхъестественное, ибо, по его словам, великий человек является в мир «со свободною силою, вышедшею прямо из десницы Божией»» [8, 154]. Автор, анализируя образы героев, представленные Карлейлем в лекциях «Герои...», пришел к выводу: именно в герое-царе для Карлейля воплощались материальные и духовные достоинства, заключенные в одном человеке.

Вместе с тем Н.И. Кареев обращал внимание на то, что герои у Карлейля активны и наделяются божественной властью, массы, напротив, инертны. Исследователь подчеркивал, что Карлейль выделяет героя из массы, чтобы противопоставить его массе как нечто, от неё отличное. Вместе с тем масса состоит из людей, а герой для Карлейля является полубогом. Но «великие люди суть, однако люди же, только, образно выражаясь, значительно превышающие средний человеческий рост, и из-за этого нечего их выделять из общей массы человеческих существ, дабы делать из них... нечто большее, нежели человек, как у Карлейля» [8, 157]. В итоге Н.И. Кареев делает вывод: «Термин «великий человек» не имеет никакого научного значения...» [8, 166] в связи с его ненаучностью и наличием в нем элемента преклонения, превратившегося у Карлейля в культ героев. Поэтому его следует исключить из историологического лексикона.

Перечисленные работы отечественных историков содержат оценки, во многом противоречивые, Карлейля на роль личности в истории. Причины разницы этих оценок уходят, по существу, в различное понимание самими этими авторами роли личности в истории, а следовательно, и биографического метода Карлейля. Разница этих оценок сама по себе говорит об актуальности этой проблемы на материале взглядов Карлейля и необходимости ее анализа: различные, в том числе и довольно противоречивые подходы к анализу наследия Карлейля не могут быть признаны в равной мере истинными.

В 1917–1930-е гг. главными темами в историографии был широкий круг проблем, связанных с переходом к новому обществу, поэтому интерес к творчеству Карлейля ослабел, и тем не менее в это время выходит монография Н.И. Кареева «Томас Карлейль. Его жизнь, его личность, его произведения, его идеи» [10]. Он объяснил свое новое обращение к творчеству английского мыслителя таким образом: «Томас Карлейль высказывал только то, что думал на самом деле, а думал он очень часто не то, что думали другие...; ему приходилось говорить многое, что было для

общества неприемлемо» [10, 6]. Кратко изложив содержание его основных работ, Н.И. Кареев пришел к выводу, что Т. Карлейль не предлагал какой-либо конкретной политической программы, «... был проповедником не нового общественного строя, ... проповедником морали, притом чисто в религиозной оболочке» [10, 151–152]. Он «громко» и «прямо» кричал о «безобразиях жизни», в этом и состоит его заслуга перед соотечественниками, согласно Н.И. Карееву.

После Великой Отечественной войны пристальное внимание было уделено всеобщей истории. Поэтому не случаен интерес к наследию Карлейля Е.В. Гутновой [4], справедливо считающей центральным пунктом всей исторической концепции Карлейля проблему «культа героев». Она обоснованно делает вывод: «Для Карлейля почитание героев являлось протестом против теории всеобщего прирожденного равенства людей...» [4, 176]. Е.В. Гутнова подчеркивает, что у Карлейля безвестные массы составляют лишь фон, на котором творят историю герои. Толкование же героев в работе Карлейля «Герои...» – отвлеченное, они выступают как крупные индивидуальности, «...являются сознательными носителями и исполнителями божественного провидения, в отличие от рядовых людей, которые служат лишь пассивным орудием в руках бога» [4, 176]. Характерно, что Е.В. Гутнова проследила эволюцию толкования героев, отметив, что уже в работе «Прошлое и настоящее» «...отвлеченные герои Карлейля приобретают более реальную основу, выступая как «аристократия талантов», как «мудрые», призванные руководить «глупцами»» [4, 176]. Подводя итог, исследовательница отмечала, что в современном Карлейлю обществе идея «героев» и «толпы» в истории выступала в форме сословного деления на «аристократов» и «чернь».

Названными авторами изложены взгляды Карлейля на роль героев в истории, но проблема биографического метода еще не была сформулирована.

И.Н. Неманов [15] подходит к этому, подчеркивая, что именно в работе «Герои...» Т.

Карлейль сформулировал биографический метод. Однако взгляды Карлейля и И.Н. Неманова на роль личности в истории существенно различаются. И.Н. Неманов резко отзывался о лекциях, посвященных героям: «И сама эта работа и все последующее творчество Карлейля – это насилие над историей, попытка втиснуть все многообразие исторического процесса в прокрустово ложе субъективистского тезиса: «История мира..., это – биография великих людей» (цит. по: [11, 16] [15, 149]). Из рассуждений автора следует: «Почитание героев, правление мудрейших, талант повиновения – в устах Карлейля это звучало и как панацея от всех бедствий, порожденных капитализмом, и как заклинание, призванное остановить поступь революционных масс – подлинных творцов истории, и как призыв подавить массы железной пятой диктатуры «избранных» [15, 151]. И.Н. Неманов также проследил эволюцию воззрений Т. Карлейля на культ героев: «Если в раннем творчестве Карлейля культ героя отражал борьбу буржуазии во главе народных масс против феодализма..., то в разгар чартизма и особенно после революции 1848 г. культ героев приобрел антипролетарскую направленность и стал идеологическим оружием борьбы против революционного пролетарского и демократического движения» [15, 151].

Следует отметить, что столь однозначный перевод взглядов Карлейля на логику классовой борьбы не дает адекватной оценки подлинной сути его взглядов. Кроме того, теория классовой борьбы в марксистском варианте не отрицает роли великих личностей в истории, в том числе в области революционного пролетарского и демократического движения. Согласно статье И.Н. Неманова, «... основные политические и историографические идеи Карлейля вошли составным элементом в реакционнейшие профашистские и откровенно фашистские политические доктрины и исторические построения. Для этих доктрин характерны сочетание социальной демагогии с истерическим страхом перед народной революцией, идея «вождизма» и открытый призыв к диктатуре «вождей» над народом,

крайний субъективизм и идеализм в понимании истории, отрицание возможности ее научного познания» [15, 155].

Таким образом, И.Н. Немановым была выделена проблема биографического метода Т. Карлейля, хотя и в связи лишь с негативным смыслом и характером его применения в последующем, что страдает односторонностью в оценке.

В 1970–1980 гг. появились работы С. Бэлзы, И.В. Костиковой, Г.А. Синельниковой. С. Бэлза справедливо отмечал, что уже в романе «Sartor Resartus» были высказаны мысли Карлейля о значении биографии великих людей для всемирной истории. Согласно С. Бэлзе, Карлейль, рассуждая о значении биографии великих людей, вводит понятие «поклонение героям», являющееся центральным пунктом общественной философии Карлейля. Вслед за Е.В. Гутновой, И.Н. Немановым, С. Бэлза подчеркнул: лекции Карлейля о героях имели огромный общественный резонанс. «Ни один английский мыслитель – современник так не будил, «провоцировал» мысль, как это делал Карлейль. Враждебное неприятие всей общественной и духовной жизни своего времени и оригинальность и резкость мнений ставили Карлейля в исключительное положение среди современников» [3, 6]. В итоге С. Бэлза пришел к выводу, что в карлейлевской концепции героя в том виде, в каком она была изложена им в его лекциях, «нравственное», «духовное» и «деятельное» начало нерасторжимы.

И.В. Костикова [13] проанализировала биографический метод с точки зрения социологических идей. Как и другие отечественные исследователи, она отметила: главный вывод Т. Карлейля состоял в том, что именно отдельные выдающиеся личности непосредственно определяют развитие человеческого общества. И.В. Костикова подробно проанализировала концепцию «культа героев» в истории. Исследовательница, подобно И.Н. Неманову, обоснованно оценила подход Карлейля как субъективистский, особенно его определение истории как биографии великих людей.

В статьях Г.А. Синельниковой, а потом и в диссертации [16] рассматривались историко-теоретические взгляды Т. Карлейля; анализировались методологические основы воззрений Карлейля на примере его работы «Письма и речи Оливера Кромвеля», делался обоснованный вывод о связи идей шотландца с немецкими романтиками, подчеркивалось, что именно эта работа являлась «самым адекватным выражением его методологии истории...» [17, 157]; также прослеживалось состояние английской и американской историографии в 1980-е гг. [18, 162-169] и делался обоснованный вывод об актуальности идейного наследия Карлейля для будущих западных ученых в связи с тем, что его творчество отражало кризисную эпоху викторианской Англии.

Таким образом, отмечены позитивные черты взглядов Карлейля в анализе проблем «культы героев» в истории, взаимоотношения «героя» и религии, «героя» и «массы». Вместе с тем звучала критика Карлейля за идеалистическое толкование социально-экономических и политических предпосылок возникновения «культы героев», за непонимание «законов классовой борьбы и места исторической личности в этой борьбе» [13, 95]. Характерной особенностью является анализ и выделение биографического метода как отдельного направления исследования.

С 1980-х гг. возросло количество работ, посвященных тем или иным аспектам творчества Т. Карлейля. Направления исследований различны: литературоведческий анализ, исследование связей Т. Карлейля с русскими писателями, поэтами, философами [1, 89-116; 2]; анализ историко-теоретических, политических, социальных взглядов Т. Карлейля [5; 6; 7; 12; 19; 20; 23 и др.]. Главным тезисом, объединяющим эти работы, является утверждение об одностороннем толковании истории как биографии великих людей, возведение «героев» в ранг движущей силы исторического процесса, причисление Карлейля к основателям героического детерминизма в исторической науке. Вместе с тем следует говорить о дифференцированном,

разностороннем и систематичном подходе к анализу взглядов шотландца.

Анализ вышеназванных работ, посвященных рассмотрению различных сторон жизни и деятельности Т. Карлейля, позволяет сделать вывод об актуальности и в наши дни политических, социально-экономических, философских построений мыслителя. Вместе с тем отсутствует систематизированное исследование биографического метода Т. Карлейля. В связи с чем является проблемой на основе анализа теоретико-методологических основ исследований Т. Карлейля раскрыть характерные особенности его биографического метода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверин Б. В., Дождиков Н. А. Блок и Т. Карлейль // Александр Блок. Л.: «Наука», 1987. С. 89-116.
2. Бажанов В.А. Восприятие британской социально-философской мысли в России (XIX – начало XX вв.). Ульяновск: УлГУ, 2005. 96 с.
3. Бэлза С. Томас Карлейль, его прозрения и ошибки // Саймонс Дж. Карлейль. М.: «Молодая гвардия», 1981. С. 5-21.
4. Гутнова Е.В. Томас Карлейль как историк // Вопросы истории. 1945. № 5-6. С. 174-181.
5. Звездина Е.В. Томас Карлейль: эволюция консервативных воззрений мыслителя, сравнение западной и русской моделей истории, значение и роль личностного фактора в теории героического. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2004. 136 с.
6. Звездина Е.В. Философский консерватизм Томаса Карлейля: дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2003. 186 с.
7. Зотов С.А. Социально-политические проблемы Англии второй четверти XIX столетия в трудах Томаса Карлейля: дис. ... канд. ист. наук. Арзамас, 2002. 197 с.
8. Кареев Н.И. Историология (теория исторического процесса). П.: тип. М.М. Стасюлевича, 1915. 320 с.
9. Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1914. 586 с.
10. Кареев Н.И. Томас Карлейль. Его жизнь, его личность, его произведения, его идеи. П.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1923. 163 с.
11. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории // Карлейль Т. Теперь и прежде. М.: Республика, 1994. 415 с.

12. Кожевникова С.Н. Метафорическая социология Томаса Карлейля («Прошрое и настоящее») // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусства. 2005. № 2 (8). С. 48-59.
13. Костикова И.В. Философско-социологические взгляды Томаса Карлейля. М.: Изд-во МГУ, 1983. 144 с.
14. Михайловский Н.К. Литературная критика: Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л.: Художественная литература, 1989. 608 с.
15. Неманов И.Н. Субъективистско-идеалистическая сущность воззрений Т. Карлейля на историю общества // Вопросы истории. 1956. № 4. С. 144-155.
16. Синельникова Г.А. Историко-теоретические взгляды Томаса Карлейля: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Томск, 1990. 22 с.
17. Синельникова Г.А. «Письма и речи Оливера Кромвеля» как источник для характеристики теоретико-методологических взглядов Т. Карлейля // Вопросы европейской историографии и источниковедения: Межвуз. тематич. сб. статей. Омск: Изд-во ОмГУ, 1990. С. 149-159.
18. Синельникова Г.А. Современная английская и американская историография творчества Томаса Карлейля // Исторические и историографические вопросы всеобщей истории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. С. 162-169.
19. Смоленков В.Е. Т. Карлейль как политический мыслитель: дис. ...канд. полит. наук. СПб., 1996. 133 с.
20. Смоленский Н.И. Теория и методология истории: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 272 с.
21. Яковенко В. Несколько слов о Томасе Карлейле // Карлейль Т. Теперь и прежде. М.: Республика, 1994. С. 369-380.
22. Яковенко В. Томас Карлейль, его жизнь и литературная деятельность. СПб.: Новости, 1891. 86 с.
23. Хут Л. Пророки, пастыри, вожди. Герои и толпа в эпоху Нового времени / Родина. 2010. № 1. С. 54-56.

УДК

Моу Моин

Уханьский Университет (Китай)

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СУХОПУТНОЙ ГРАНИЦЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Mou MoYing

Wuhan University, China

THE HISTORY OF RUSSIAN STATE LAND BORDER IN MODERN NATIONAL HISTORIOGRAPHY

Аннотация. В этой статье речь идёт о современном состоянии российских исследований по истории государственной сухопутной границы. В течение последнего десятилетия российские ученые достигли несомненных успехов в повышении научного уровня исследований по проблеме государственной сухопутной границы. В своих работах российские ученые основное внимание традиционно уделяют обеспечению государственной безопасности и роли военно-политических факторов.

Ключевые слова: современная российская историография, государственная сухопутная граница, результаты исследований, традиционное исследование, новаторское исследование.

Abstract. This paper comments on research status of national land border issues in Russian academic circles over the past decade. Russian scholars have made remarkable achievements in studies of national land border issues. But their studies focused on the traditional national security issues, and emphasized the role of military and political factors influencing national security. Both in content and methods Russian scholars' research is far from being innovative. The author suggests the idea that Russian studies of national land border issues should be strengthened by innovative approaches.

Key words: contemporary Russian literature, national land border, research findings, traditional research, innovative research.

Термин “граница”, аналогичный по смыслу греческому “*limes*”, начинает употребляться в российских документах с первой половины XIV в. [9, 14]. Однако понятие “государственная граница” зафиксировано гораздо позже в конце XVIII – начале XIX в. [9, 14]. В дальнейшем это понятие усложнялось, обогащалось новыми гранями. Это происходило в результате новых успехов в освоении человеком географического пространства планеты, освоения природы во всех ее сферах, распространения государственного суверенитета на моря и океаны, атмосферу и недра. Одновременно специалистами в области международного права, истории и политических наук предлагалось определение самого понятия «государственная граница». В настоящее время многие российские учёные согласны с тем, что “государственная граница” есть линия (согласованная с заинтересованными сторонами и закреплённая в договоре или соглашении между ними, иногда установленная в одностороннем порядке) и проходящая по этой линии поверхность, обозначающие пространственный предел действия государственного суверенитета на суше, водах, в подземном, подводном и воздушном пространстве [17, 22]. Реально линия государственной границы функционирует лишь в совокупности с размещёнными в определенной пограничной полосе пограничными предметно-знаковыми сооружениями с государственной геральдической атрибутикой [17, 22]. В зависимости от разного рода критериев классификации можно выделять те или иные виды, типы государственной границы и отдельных ее частей. Так, по физическому состоянию природной среды, где проходит государственная граница, принято выделять три ее вида: граница, проходящая по суше; граница, проходящая по водам; граница, проходящая в воздушной среде [17, 165-166]. В этой статье речь пойдет о современном состоянии исследований российских учёных

© Моу Моин, 2011.

по истории государственной сухопутной границы. Имеется в виду современная российская историография, главным образом работы, опубликованные в течение последнего десятилетия.

Необходимо отметить, что в изучении истории государственной границы существуют определенные традиции, сформировавшиеся прежде всего в ряде высших учебных заведений, специально созданных для подготовки кадров пограничной службы. Ведущая роль среди них принадлежит Пограничной академии ФСБ РФ, открытой в соответствии с решением правительства Советской республики в 1923 г. В научно-исследовательской деятельности Академии значительное место занимает военно-историческая тематика, в том числе и проблемы истории сухопутной границы. Кроме Пограничной академии, существенный вклад в изучение проблем государственной границы внесли и вносят Московский пограничный институт ФСБ РФ, Голицынский пограничный институт ФСБ РФ, Хабаровский пограничный институт ФСБ РФ, Калининградский пограничный институт ФСБ РФ, Курганский пограничный институт ФСБ РФ и другие специальные учреждения.

В последние годы российские ученые достигли несомненных успехов в повышении качества научного анализа истории, теории и практики охраны государственных границ. В последние десять лет количество работ, посвященных данной проблематике, существенно возросло. Отличительной чертой современных работ является комплексность и многоаспектность исследования проблем истории государственной сухопутной границы. Наряду с этим имеются и некоторые недостатки. В этой статье речь пойдет как об успехах, так и о недостатках в изучении российскими учеными истории государственной границы. Нашему рассмотрению будет подвергнут прежде всего ряд наиболее значимых работ, вышедших в последние годы, которые в том или ином смысле можно считать наиболее образцовыми или типичными для историографии избранной темы.

Проблемы истории российской государственной границы неразрывно связаны с геополитическим положением России. Особенность этого положения состоит в том, что Россия находится в переходной полосе между Европой и Азией, территория страны исключительно обширна, отсутствуют естественные рубежи для защиты страны. Эти факторы, а также постоянная угроза вторжений, обусловили то, что основное внимание в пограничной политике уделялось решению задачи по обеспечению безопасности государства. Естественно, это нашло свое отражение в историографии, и в разное время российские ученые при изучении истории пограничной политики также исследовали главным образом проблемы обеспечения государственной безопасности, подчеркивали роль военно-политических факторов в данном случае. И в настоящее время этим проблемам также традиционно уделяется большое внимание. В связи с этим можно выделить следующие основные темы исследований современных российских авторов по истории границы. Это – охрана государственной границы, формирование государственной территории и границы, служба пограничников, формирование границ смежных государств. Ниже мы хотели бы отметить наиболее значимые труды, посвященные изучению упомянутых тем.

История охраны государственной границы наиболее обстоятельно изучена в работах Е.Л. Ежукова. В монографии, посвященной истории границы Российской империи, он анализирует взаимосвязь охраны границы и защиты экономических интересов Российской империи [10]. Автор считает, что все структуры, причастные к охране границы, действовали в рамках единой экономической концепции. В одной из последних работ В.Л. Ежукова рассматривается роль охраны границы в обеспечении безопасности Советского государства [11]. По мнению автора, основное содержание деятельности по охране границы СССР составляли политические меры, включая борьбу с бандитизмом, контрреволюцией, шпионажем, диверсиями,

обеспечение революционного порядка, недопущение ввоза идеологически вредной литературы, оружия и боеприпасов, пресечение нарушений государственной границы и др. В.Ф. Нэх принадлежит к числу тех авторов, которые рассматривают историю государственной границы в тесной взаимосвязи с проблемами внешней политики [16]. Особое внимание автор уделяет мерам советского правительства по противодействию созданию “санитарного кордона” вокруг СССР и попыткам заменить его “поясом безопасности”, своего рода “буферной зоны” из государств и территорий, находящихся в той или иной степени под советским влиянием.

Ряд авторов специально обращается к отдельным, ранее изученным, проблемам охраны границы. В.И. Вагин исследует искусство охраны границы [4]. В.Р. Давлетшин посвятил свой труд морально-психологическому фактору и деятельности духовенства [8]. С.А. Кравчук и Е.Л. Мотрич рассматривают проблему пограничной безопасности во взаимосвязи с демографической ситуацией [14].

Одним из важнейших аспектов изучения истории государственной границы является процесс ее формирования. Исследование данного процесса по сути своей является комплексным, поскольку наряду с собственно лимнологическими проблемами в данном случае рассматриваются и вопросы истории международных отношений, военной истории, внутренней и национальной политики, этнографии, географии. В последнее время в российской историографии появилось немало работ, которые посвящены изучению формирования границы на определенных участках. Весьма актуальным является изучение складывания границ на северо-западе, что исследует О.Б. Гончаров [6], а также сложный процесс формирования границ в Кавказском регионе, который обстоятельно изучен Е.В. Архиповой [1], и в отношении границы с Ираном – Л.М. Кулагиным [15]. Следует подчеркнуть, что в монографии Кулагина рассматриваются внешнеполитические и социально-экономические аспекты формирования русско-иранской границы с

XVI до XXI вв. Для написания работы автором использован широкий круг литературы и источников, а также архивные материалы и документы, некоторые из них впервые вводятся в научный оборот. В интересной статье Ю.А. Борисенка и В.А. Лобача на широком историческом фоне рассматривается формирование российско-белорусской границы и специфика жизни на прилегающей территории с обеих сторон, т. е. порубежья [2].

Еще одним направлением, которое активно изучается в современной историографии, является восточное и дальневосточное направление. Ситуация на российско-китайской границе рассмотрена в одной из последних работ Ю.М. Галеновича [5]. Документы, подготовленные к публикации группой исследователей во главе с А.А. Кошкиным, отражают историческую картину становления и развития русско-японской границы, начиная с первых контактов в XVIII столетии вплоть до нашего времени [12]. Многие из этих документов публикуются впервые. В ряде современных работ о границах России на Дальнем Востоке применяется комплексный подход, т. е. авторы не ограничиваются изучением собственно истории формирования границы, но также исследуют проблемы права, социологии. Подобный подход используется в монографии А.Ю. Плотникова, в которой автор рассматривает историю складывания дальневосточной границы России, ее юридическое оформление, включая и границу в Северной Америке – на Аляске и в Калифорнии (форт Росс) [18].

Особым направлением изучения истории границы в современной российской историографии стало исследование службы пограничников. Так, В.П. Семин на основе государственных и ведомственных нормативно-правовых документов, архивных источников, воспоминаний ветеранов пограничных войск раскрывает становление и развитие системы подготовки пограничников, в исторической ретроспективе рассматривает ее содержание и основные формы организации [20]. Авторы коллективной монографии «На страже границ Отечества.

Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в.» считают, что пограничные войска России представляют собой не только формирования, выполняющие специфические задачи по охране государственной границы, но и силовую структуру, призванную обеспечивать национальную безопасность страны [3].

В различные исторические периоды российская государственная безопасность находилась в тесной взаимосвязи с развитием смежных государств. Это традиционно учитывалось в российской историографии. Подобный подход находит свое отражение и в современных исследованиях, в том числе в трудах, посвященных истории границ. Среди работ такого типа выделяются исследования, посвященные Китаю, одной из крупнейших стран мира, имеющей границу с Россией на протяжении нескольких тысяч километров. В коллективной работе «Границы Китая: история формирования» комплексно исследуется длительный исторический процесс формирования территории Китайского государства, становления и договорно-правового оформления его рубежей, анализируются проблемы, возникшие в последние десятилетия на морских акваториях, примыкающих к сухопутной территории крупнейшей страны Восточной Азии [19]. В монографии Е.Д. Степанова рассматриваются отдельные аспекты политики Китайской Народной Республики недавнего времени, связанные с погранично-территориальными проблемами страны, приобретшими во второй половине XX в. особо важное значение и требовавшие скорейшего урегулирования [21]. Разумеется, здесь приводятся лишь наиболее значимые работы. Существует немало других публикаций, написанных в традиционном ключе, не перечисленных здесь.

Следует отметить и ряд работ, появившихся в последнее время, которые носят инновационный характер как по содержанию, так и по методологии. Кроме упомянутой выше монографии А.Ю. Плотникова о дальневосточной границе в целом, можно назвать в этом ряду и несколько современных иссле-

дований о российско-китайской границе. Инновационный характер этих работ проявляется в том, что под влиянием современных процессов глобализации и интеграции данные исследования посвящены приграничному сотрудничеству и роли экономического фактора в пограничных проблемах. Так, в монографии Н.В. Гордеева и Г.В. Васильевой исследуются основные этапы открытия и освоения русскими первопроходцами дальневосточных земель, а также вопросы межрегионального торгово-экономического сотрудничества Забайкалья с соответствующими приграничными территориями Китая в историческом и современном контекстах [7]. В книге японского автора А. Ивасита наглядно показано, как граница, которая чуть менее двадцати лет назад была форпостом противостояния России и Китая, теперь становится границей экономических взаимосвязей и взаимозависимости [13].

Однако такого рода исследований в российской историографии еще мало, особенно в сравнении с количеством исследований, написанных в традиционном ключе и посвященных традиционным проблемам. В настоящее время, в эпоху быстрого развития процессов глобализации и интеграции, в контексте изменений пограничных институтов и их функций, необходимо расширить круг проблем в изучении истории российской границы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архипова Е.В. Формирование границ на Кавказе в XIX – начале XXI в. Границы между Азербайджаном, Грузией и Россией: дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2005. 311 с.
2. Борисенок Ю.А., Лобач В.А. Формирование белорусско-российского порубежья // Вопросы истории. № 4. С. 143-146.
3. Боярский В.И. и др. На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. М.: Граница, 2000. 500 с.
4. Вагин В.И. История искусства охраны государственной границы Советского государства. М.: Граница, 2004. 192 с.
5. Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: граница. М.: Изограф, 2001. 335 с.

6. Гончаров О.Б. Северо-западный форпост России (IX–XXI вв). М.: Граница, 2005. 383 с.
7. Гордеев Н.В., Васильева Г.В. Проблемы приграничного сотрудничества России и Китая: история и современность. Иркутск: БГУЭП, 2003. 84 с.
8. Давлетшин В.Р. Военное духовенство в России XVIII – начала XX века и его деятельность по морально-психологическому обеспечению охраны государственной границы: дисс. ...канд. ист. наук. М., 2004. 233 с.
9. Дмитриева С.И. Лимология. Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2008. 112 с.
10. Ежуков Е.Л. Концепция охраны границ Российской империи. М.: Граница, 2008. 127 с.
11. Ежуков Е.Л. Концепция охраны границ советского государства. М.: Граница, 2010. 103 с.
12. Зиланов В.К. и др. Русские Курилы: история и современность. М.: Алгоритм, 2002. 253 с.
13. Ивасита Акихиро. 4000 километров проблем: российско-китайская граница. М.: АСТ, 2006. 333 с.
14. Кравчук С.А., Мотрич Е.Л. Демографический потенциал как фактор социально-экономического развития и пограничной безопасности СССР на Дальнем Востоке в 1950-1970 годы // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 4. С. 80-89.
15. Кулагин Л.М. Россия и Иран: история формирования границ. М.: Гуманитарий, 2007. 181 с.
16. Нэх В.Ф. История советской пограничной политики 1917–1941 гг. М.: Кн. и бизнес, 2008. 360 с.
17. Першин А.А., Шерстнев А.Д., Ярлыченко В.В. Теория государственных границ. М.: Граница, 2001. 222 с.
18. Плотников А.Ю. Русская дальневосточная граница в XVIII – первой половине XX века. М.: URSS, 2007. 236 с.
19. Под общ. ред. Мясникова В.С. и Степанова Е.Д. Границы Китая: история формирования. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 469 с.
20. Семин В.П. и др. Границе нужны профессионалы. М.: Граница, 2003. 294 с.
21. Степанов Е.Д. Политика начинается с границы: некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. М.: Ин-т Дальнего Востока, 2007. 243 с.

УДК 929.6

Закатаева А.С.

Московский государственный областной университет

ПОЛЬСКАЯ РОДОВАЯ ГЕРАЛЬДИКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ДО 1917 г.

A. Zakatayeva

Moscow State Regional University

POLISH HERALDRY IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY BEFORE 1917

Аннотация. В данной статье рассматривается уникальность польской геральдики в контексте западной геральдической системы, ее вклад в развитие российского герботворчества и основные противоречия в русской геральдической историографии по польскому вопросу в период с XVIII по начало XX вв.. Наличие польско-русских связей в родовой геральдике и геральдическом законодательстве свидетельствует о польском влиянии на отечественное герботворчество. Изучение споров об этом явлении, подтолкнувшем русских исследователей к более глубокому изучению собственного геральдического пространства, позволяет нам говорить о появлении новых концепций, издании ряда исторических трудов, а значит и становлении русской геральдики как науки.

Ключевые слова: генеалогия, герб, гербовники, историография, польская геральдика, шляхта.

Abstract. This paper argues the unique character of Polish heraldry as compared with other western heraldic systems. It also considers Polish heraldry's impact on the development of Russian coat of arms designing and reveals basic contradictions in Russian heraldic historiography concerning the Polish issue in the period from the 18th to early 20th centuries. The Russian-Polish ties in heraldry and heraldic legislation testify to Polish influence on Russian heraldry. By studying the disputes on this phenomenon which prompted Russian scholars to investigate more deeply the national heraldry and led to emergence of new concepts and historical treatises, the author comes to the conclusion that Russian heraldry acquires a scientific character.

Key words: genealogy, coat of arms, heraldics, historiography, Polish heraldics, Polish nobility.

Польская геральдика – явление уникальное. Существуют две геральдические системы – польская и европейская, различия между которыми обусловлены спецификой генезиса. Исследования польской геральдики в России по большей части касались вопроса об ее влиянии на российское геральдическое пространство. Начиная с середины XIX в. и до настоящего времени данная проблема рассматривалась ведущими специалистами отечественной науки. Польский вклад в российскую геральдику оценивался по-разному, существует несколько точек зрения по этому вопросу.

Развитие польской геральдики напрямую связано с развитием польского дворянства – шляхты². Обозначить ее единый образ практически невозможно из-за резких религиозных различий и внутренней социальной разобщенности сословия. Следует выделить полное равенство всех польских дворян, которому сопутствовал особый стиль общения в шляхетской среде. Наряду с сословным росло и родовое самосознание. В Польше в XVI–XVII вв. появился огромный интерес к генеалогии. Шляхтич бывал чрезвычайно горд, если находил упоминание о своем гербе или роде в «Истории славного Польского королевства» Яна Длугоша [12, 198]. Кто не мог этим похвастаться, создавал свою легенду. Появлялось огромное количество ложных и фантастических генеалогий. В XVI в. шляхетский герб становился знаком принадлежности не столько к роду, сколько к сословию. Генеалогическое сознание шляхты расширяется. Самый узкий его круг – семья и ближайшие родственники. Самый широкий

© Закатаева А.С., 2011.

² Польское шляхта, szlachta – происходит от нем. des schlecht, «род».

– «паны-братья» всей Польши и в какой-то степени Речи Посполитой.

В Польше отсутствовало западноевропейское рыцарство со своими правилами и установлениями, а значит, и гербы не могли образоваться самостоятельно. В Западной Европе герб подчеркивал индивидуальность владельца. Система же польской геральдики отличается от западной своим простым составом. Герб принадлежал множеству различных фамилий и терял свою связь с личностью владельца – в Польше было развито родовое начало. Соседние землевладельцы, находившиеся первоначально в родственных между собой связях, в случае угрожавшей им опасности собирались под одно общее знамя, на котором помещался какой-либо знак, перешедший затем и к лицам, собиравшимся около этого знамени. В XIX в. польский историк Ф. Пекосинский доказывал, что самые древние знаки на печатях польского дворянства происходят от рунических писем, занесенных в Польшу еще в конце VIII - начале IX вв., когда несколько лехитских племен в местности между Вартой и Одрой положили начало польскому государству [10, 16]. Представители этих племен, живущие в соседстве с норманнами, переняли от них применение рунических писем в качестве знаменных знаков. Со временем из-за ряда причин эти знаки видоизменялись. В XIV в. они были подчинены точным геральдическим правилам. Так, по мнению Пекосинского, сложилась польская система гербов. Ю.В. Арсеньев объясняет фактом самобытности польской геральдики отсутствие заимствования опыта западноевропейской, ведь главная часть последней – геральдические фигуры – в ней почти отсутствуют [1, 291].

При Казимире III Великом (1310–1370) усилилось влияние западной геральдики и началось преобразование родовых знаков в гербы. После Люблинской унии 1569 г. главной целью политики польское правительство ставило объединение литовско-русских земель с польскими, уравнивание в гражданских правах литовско-русской знати с польским дворянством. Герб или гербовая

клейнода высоко ценилась тогда как атрибут благородного звания, и литовско-русская аристократия стремилась к получению подобного отличия.

Изображения на польских гербах отличались простотой. Основными приметами польско-литовских гербов можно считать использование герба Литовского княжества – погоня и герба Польского (Гедиминовичи, Голицыны, Куракины, Трубецкие, Хованские и др. в России) [3]), изображение подковы, стрелы, сабли. Присутствие в польских гербах изображений звезд, полумесяца, креста в прошлом порождало идеи о татарском происхождении дворянских родов, однако это мнение было опровергнуто в исследованиях Думина С.В. [13, 27].

Данный вопрос вызывал в свое время множество споров и дискуссий как среди русских, так и среди польских исследователей, и сейчас эта проблема является темой для многих исследований.

В XVIII в. стали появляться первые работы, посвященные формальным правилам составления гербов и ориентированные в основном на европейский опыт (работы доктора права Кенигсбергского университета И.-С. Бекенштейна, книга профессора Геттингенского университета И.-Х. Гаттерера и др.). Родовые гербы воспроизводились в генеалогических публикациях, но это не было обязательным требованием [9, 36].

К родовой геральдике возникает интерес только к концу XVIII в., когда наиболее важной считалась связь герба с социальным статусом владельца, а для молодых дворян считалось обязательным уметь разбираться в гербах. По мере роста количества гербов предпринимались попытки их кодификации.

Существование системы польско-литовской геральдики воспринималось русскими властями не только как реальный, но и как юридический факт. Ю.В. Арсеньев подчеркивает важность перехода под польское подчинение ряда областей юго-западной России. Это привело, по его мнению, к заимствованию польских гербов русскими дворянами.

Эти гербы представляли особенный интерес для него как прототип для дальнейшего составления русских гербов. При царе Алексее Михайловиче многие дворянские фамилии из Литвы, Малороссии и Смоленска, переходя на службу к русскому государю, переносили с собой свои гербы, которые позднее, в конце XVII в., были за ними утверждены. Лишь небольшая часть дворянства западных губерний решалась на значительные расходы, с которыми было сопряжено обращение в Департамент Герольдии для изготовления гербового диплома или внесения герба в Общий гербовник. Тем не менее, среди высочайше утвержденных гербов российского дворянства гербы польско-литовских родов составляли значительный процент. Научного интереса к изучению родовой геральдики не было, и лишь в XIX в. отношение к ней изменилось.

В начале XIX в. геральдическая наука была национально ориентирована. В дворянских семьях знание русских гербов и умение в них разбираться говорило об интересе к истории своего государства, рассматривалось как проявление патриотизма [7, 136]. Российская геральдика считалась самобытной, к геральдическому опыту западных стран практически не обращались. Единственным исключением стала Польша, которая рассматривалась, прежде всего, как часть Российской империи, а, следовательно, не воспринималась как нечто чуждое. Еще одной причиной обращения к польской геральдике стало признание ее древности, что являлось в то время немаловажным фактором признания ее научного значения. В этот же период начало признаваться влияние польского геральдического опыта на развитие российской геральдики.

Публикации, посвященные польской геральдике, были разнообразными. Издавались как российские работы, так и переводы польских трудов. Был опубликован Оршанский гербовник, ряд общих работ о становлении и развитии польской геральдической системы. В 1853 г. был издан «Гербовник дворянских родов Царства Польского», яв-

лявшийся аналогом «Общего гербовника...», что рассматривалось как вхождение польского герботворчества в сферу российской геральдики.

Наиболее обсуждаемым вопросом стал вопрос о влиянии польской геральдики на русскую. Активные обсуждения велись и в России и в Польше. Результатом стали многочисленные публикации в обеих странах. Иногда споры из научных перерастали в политические. Так, например, князь Н.К. Имеретинский доказывал, что известный польский геральдист К. Несецкий способствовал проведению определенной политики по отношению к русским дворянам, оказавшимся на территории Западного края, которая содействовала смене вероисповедания с православия на католичество и внутрисословному расколу [6, 7]. Хочется отметить, что такое отношение было не единичным. В литературе XIX в. очень часто проскальзывала мысль о коварстве поляков, которые изображались как шпионы и предатели, основной целью которых было склонить русского человека к предательству Отечества и веры.

Говоря о влиянии польского опыта, нельзя не остановиться на дискуссии, развернувшейся в Польше. Польский историк Ф. Пекосинский однозначно указывал на взаимосвязь польского и русского опыта, категорично заявляя, что «с тех пор, как русская геральдика становится настоящей геральдикой, она заимствует свои образцы единственно только из польской геральдики и ниоткуда больше» [11]. Несмотря на излишнюю однозначность подобных оценок, они более соответствовали исторической реальности, чем позиции оппонентов Ф. Пекосинского А. Яблоновского и А. Малецкого, отрицавших очевидную связь между польскими и русскими гербами [8, 49].

С.Т. Голубев подверг обстоятельному анализу панегирики XVII в., часто содержавшие геральдические компоненты. Всесторонне рассматривая смысловую нагрузку, структуру и приемы «герботолкований», исследователь пришел к убедительному выводу, что они, хотя и получили широкое распростра-

нение в южнорусской литературе, не были явлением самобытным, находясь под сильным влиянием польских традиций [9, 157].

Исследования в области польской геральдики носили также и сугубо научный характер. Авторы публикаций обращались в основном к историографии, а не к конкретным гербам. К концу XIX в. сложилась концепция А.Б. Лакиера, носившая национальный характер и основывавшаяся на представлении о древности русских гербов и на идее самобытности геральдического опыта, его коренном отличии от западного образца. Цель концепции – оспорить факт заимствования института герба из Западной Европы, показать его глубокие национальные корни и автономность генезиса. Из этого вытекал второй постулат — о самобытности явления. Ориентируясь на родовую геральдику, А.Б. Лакиер подчеркивал тесную связь гербов с историей дворянства, а поскольку он считал, что феодализма в России не было, то и социальные характеристики русского и европейского дворянства не совпадали. В России отсутствовало рыцарство, не проводились турниры, не было участников крестовых походов. В Европе древнее дворянство сложилось, в основном, из потомков тех, кто завоевывал страну. Резко, по мнению А.Б. Лакиера, отличались и права на недвижимую собственность. В Европе наделение рыцаря участком земли приводило его в отношение подчинения к «вождю», означавшее ограничение в некоторых правах. В России система вассалитета в таком виде не существовала, «во главе коренного русского дворянства» стояли потомки удельных князей.

Ему возражал Ю.В. Арсеньев, доказывавший, что наша русская геральдика, появившаяся не раньше второй половины XVII в., имела уже готовые образцы в тех гербах, которые во множестве завозились в пределы Московского государства не только из соседней Польши и Литвы и возвращенных русских областей, но также и многочисленными выходцами из других стран Западной Европы. Это не замедлило, конечно, повлиять на появление и развитие у нас геральдического

вкуса. В своих исследованиях Ю.В. Арсеньев подчеркивал последствия перехода под польское подчинение ряда областей юго-западной России. Это привело, по его мнению, к заимствованию польских гербов русскими дворянами. Эти гербы представляли особый интерес для него как прототип для дальнейшего составления русских гербов. При царе Алексее Михайловиче многие дворянские фамилии из Литвы, Малороссии и Смоленска, переходя на службу русского государя, переносили с собой свои гербы, которые позднее, в конце XVII в., были за ними утверждены [1, 198].

Идеи А.Б. Лакиера и в наши дни находят своих сторонников, которые имеют возможность провести более обширные исследования и привести новые доводы. К примеру, по словам М.Ю. Медведева, приблизительно в 1680-х гг. открывается первый период отечественной геральдической истории, который может быть с долей условности определен как период преобладания самобытной геральдики, так называемый доканцелярский период.

В начале XX в. интерес к польской геральдике угасал, что явилось следствием общественно-политических настроений. Было издано несколько справочных работ по родовым гербам В.К. Лукомского и С.Н. Тройницкого, в которых в очередной раз подчеркивалось их принадлежность к российской геральдике [9, 196]. Началось изучение украинского опыта, считавшегося синтезом польского и русского влияний.

После 1917 г. в России началось осмысление геральдической системы с точки зрения марксистской идеологии, где герб носил внеклассовый характер. Основная научная работа велась в эмиграции, где были доступны европейская литература и источники. В Советском Союзе геральдика присутствовала лишь в курсе исторических дисциплин в некоторых вузах. Научные исследования маскировались под музейную проблематику.

В целом, польская геральдическая система оказала значительное иконографическое влияние на становление российского гераль-

дического пространства. Это влияние было гораздо большим, чем воздействие на него других европейских стран. Споры об этом явлении подтолкнули русских исследователей к более глубокому изучению собственного геральдического пространства, что привело к появлению новых концепций, изданию ряда исторических трудов, а значит, и становлению русской геральдики как науки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арсеньев Ю.В. Геральдика. Ковров, 1997.
2. Гербовник дворянских родов Царства Польского. Варшава, 1853.
3. Дворянские роды Российской империи. СПб.: ИПК Вести, 1993.
4. Дмитриев М.В. Польская шляхта в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство в XVI–XVII вв. Границы сословия: Сб. статей. М., 1997.
5. Думин С.В. Польские родовые гербы в юридической системе родовой геральдики Российской империи // 275 лет Геральдической службы России. СПб., 1997.
6. Имеретинский Н.К. Дворянство Волынской губернии. Польская Геральдика. Житомир, 1867.
7. Лакиер А.Б. Русская геральдика. М.: Книга, 1990.
8. Молявко-Высоцкий А.П. Польская геральдика // Гербоведъ. 2000. № 46.
9. Наумов О.Н. Отечественная историография геральдики. Ч. 1. М., 2003.
10. Пекосинский Ф. Рунические знаки в польской геральдике // Дворянский адрес-календарь, СПб., 1898.
11. Пекосинский Ф. Источники русской геральдики // Heraldica. СПб., 1900.
12. Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши / Пер. с польск. М.: Изд-во «Весь Мир», 2004.
13. Dumin St. Herbarz Rodzin Tatarskich Wielkiego Księstwa Litewskiego. Gdansk, 2007.

УДК 33:94(470+7) "1917/1933"

Соломатина Е.И.

Московский государственный областной университет

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1917-1933 гг.

Ye. Solomatina

Moscow State Regional University

HISTORIOGRAPHY OF THE SOVIET-AMERICAN TRADE AND ECONOMIC RELATIONS 1917-1933

Аннотация. В данной статье проводится анализ отечественной историографии советско-американских торгово-экономических отношений. Освещены вопросы становления экономического сотрудничества СССР и США, выделены проблемы и барьеры, стоявшие на пути развития этих взаимоотношений, проанализирована политика советского правительства, благоприятствующая постепенному укреплению взаимосвязей между двумя странами. Автором обозначены основные проблемы и подходы в освещении данной темы, характерные для разных этапов развития отечественной историографии.

Ключевые слова: советско-американские отношения, экономические отношения, межгосударственные отношения, торгово-экономические связи, социалистический рынок, коммерческие кредиты, принцип государственной монополии.

Abstract. The article studies the historiography of the Soviet-American trade and economic relations. The author considers the issues of emerging economic cooperation between the two powers pinpointing the barriers which got in the way of its development. The policy of the Soviet state favoring gradual strengthening of the relations between the countries has been analyzed. The author determines some basic problems and approaches to the theme, characteristic of different stages of Russian historiography development.

Key words: Soviet-American relations, economic relations, interstate relations, trade and economic relations, socialist market, commercial loans, principle of state monopoly.

Отношения России и США вызывают повышенный интерес научной и более широкой общественности. Это объясняется, по-видимому, тем, что обе державы оказали сильное воздействие на исторический процесс XX в. и играют большую роль в современном мире. Их взаимоотношения складывались далеко не безоблачно, зачастую сложно и противоречиво, переживая приливы и отливы, сближение и отчуждение. Более того, их не миновал, к сожалению, период послевоенной конфронтации, известной в литературе как холодная война. Между тем во времена глубочайших кризисов человечества, в частности, в годы мировых войн, народы обеих стран вместе находились в коалициях. Одним из наиболее сложных периодов во взаимоотношениях двух стран является время непризнания – период с 1917 г. до 1933 г. Возникновение на политической карте мира нового государства – РСФСР, с иным социальным строем, – правительства ряда стран Запада встретили недружелюбно, точнее, враждебно. Официальный Вашингтон ответил на это, подобно другим государствам, актом непризнания Страны Советов. Дипломатические отношения между двумя государствами были прерваны. Белый дом встал на путь политики изоляции молодой республики, продолжавшейся 16 лет. Период непризнания Соединёнными Штатами советского правительства являлся аномалией, противоестественным явлением, свидетельствовавшим о недальновидности и ограниченности политики лидеров США. Их нежелание урегулировать сложившееся ненормальное положение и согласиться с принципом сосуществования двух государств,

© Соломатина Е.И., 2011.

как показала жизнь, негативно отражалось и на американской политике, и на ситуации в мире. И только выдающийся государственный деятель, президент Франклин Делано Рузвельт совершил смелый и решительный шаг. Придя в Белый дом в ноябре 1932 г., он восстановил в ноябре 1933 г. дипломатические отношения с советским правительством, которое последовательно, целеустремлённо, настойчиво призывало к созданию атмосферы взаимопонимания и доверия между двумя государствами в интересах сотрудничества и сохранения всеобщего мира. Путь к этому был долгим и трудным. Советскому правительству и сторонникам признания СССР Соединёнными Штатами пришлось преодолевать большие препятствия, воздвигнутые официальным Вашингтоном.

Период непризнания привлекал внимание отечественных историков. По этому вопросу в нашей стране имеется значительная литература. В 20-е гг. и в начале 30-х гг. XX в. советская наука сделала первые шаги в области изучения отношений между СССР и США. Первой историко-публицистической работой такого рода была книга М. Павловича (М.А. Вельтмана) [9, 64]. Собрав и обобщив большой материал, автор попытался рассмотреть мотивы и цели политики США в отношении Советского государства в первые послеоктябрьские годы, в частности участие США в военной интервенции.

Опубликованные в 20-е гг. XX в. многочисленные статьи, брошюры и книги по вопросам международного положения и внешней политики СССР, а также о роли США в международных делах лишь в незначительной степени затрагивали вопросы советско-американских отношений. Как правило, в этих работах отмечалось, что США, в отличие от других государств, ставших на путь нормализации дипломатических и торговых отношений с Советским Союзом, продолжают политику непризнания СССР, рассматривая её как форму борьбы против социализма.

В связи с политической борьбой вокруг вопроса о признании СССР, развернувшейся в США в годы мирового экономическо-

го кризиса (1929–1933 гг.), и повышенным интересом американской общественности к первому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР, советская печать в начале 30-х гг. уделяла большое внимание проблеме отношений с Соединёнными Штатами. Авторы ряда опубликованных работ рассматривали трудности в развитии торговли, вызванные отсутствием для неё договорно-правовой основы; мотивы политики непризнания СССР Соединёнными Штатами, позиции политических и деловых кругов США относительно нормализации отношений с Советским Союзом.

Существенным пробелом до 1960-х гг. являлось отсутствие работ о борьбе Советского государства за нормализацию отношений с США в первые годы после Октября. В частности, слабо были изучены ранние советско-американские отношения (конец 1917–1918 гг.). За эту проблему взялся Р.Ш. Ганелин [4, 38], который на основе архивных документов осветил историю подготовки миссии во главе с С.М. Семковым, которую советское правительство намеревалось послать весной 1918 г. в США для ликвидации российских заказов военного времени и налаживания взаимовыгодных экономических связей. Некоторые аспекты деятельности американского Красного Креста в Советской России и взаимоотношения между правительством и главой миссии Красного Креста Р. Робинсом рассмотрели Л.А. Гвишиани [5, 210] и В.Л. Мальков [8, 133]. Следует, однако, заметить, что деятельность американских дипломатических и консульских представителей и миссии Красного Креста в Советской России в 1917–1918 гг. нуждается в дополнительном изучении.

Ценным начинанием явилось исследование большой и разносторонней работы, которую осуществляло представительство РСФСР в США во главе с Л.К. Мартенсом. Советская миссия функционировала с марта 1919 г. по январь 1921 г., выполняя поставленную перед ней задачу: добиваться прорыва экономической блокады, устанавливая торговые отношения между обеими странами, и прекращения военной интервенции.

Деятельность миссии Мартенса освещена на основе архивных документов в монографии В.К. Фураева [14, 43]. О преследованиях, которым американские власти подвергали советского представителя, не признанного правительством США, подробно рассказали Г.Е. Рейхберг [10, 81] и Б.С. Шапик [10, 81]. Им же принадлежит и краткий биографический очерк жизни и деятельности Л.К. Мартенса.

Усилия советского правительства, направленные на установление нормальных дипломатических отношений с США и начало торговли между обеими странами, были частично освещены С.Ю. Выгодским в его работе, посвящённой становлению советской дипломатии [3, 178].

Большая исследовательская работа по изучению начального периода истории советско-американских отношений благоприятствовала появлению обобщающих трудов. Достоверную картину развития отношений между двумя государствами в 1917-1918 гг. воссоздал З.М. Гершов [6, 204], изучивший внешнюю политику США с момента вступления в Первую мировую войну и до её окончания. Другая обобщающая работа, охватывающая более широкие хронологические рамки (1917-1920 гг.), написана Л.А. Гвишиани, которая впервые ввела в научный оборот ряд ранее неизвестных документов из Архива внешней политики СССР [5, 164]. Вопросы советско-американских отношений в годы перехода от интервенции и блокады к миру и торговым связям частично рассмотрены Б.Е. Штейном [18, 59].

Значительный вклад в изучение экономической экспансии США в Европе после Первой мировой войны и деятельности Американской администрации помощи (АРА) на территории РСФСР и УССР в 1921–1923 гг. внёс Д.Н. Сташевский [13, 192]. Автор дал оценку операциям США по оказанию помощи европейским странам как специфической формы вмешательства в их внутренние дела под ширмой благотворительности и вскрыл наиболее характерные методы использования АРА для осуществления экономической и политической интервенции в Советскую Россию.

В монографии В.К. Шишкина об экономических отношениях между Советским государством и странами Запада в 1917-1923 гг. большое внимание уделено установлению советско-американских коммерческих связей и начальной фазе хозяйственного сближения [16, 212].

А.В. Березкиным [1, 354] была предпринята первая в советской исторической науке попытка создания обобщающего труда о влиянии Октябрьской революции на США и советско-американские отношения в 1917-1922 гг. В его многоплановом исследовании рассматриваются экономические, политические, военные, дипломатические и идеологические аспекты большой и сложной темы. Наиболее рельефно в монографии освещена враждебная Советскому государству политика правящих кругов США в разных её проявлениях. Слабее представлена тенденция к развитию экономических отношений с Советской Россией.

Вопросы советско-американских хозяйственных связей, развития торговых и концессионных отношений между СССР и представителями делового мира США в 20-х и 30-х гг. XX в. получили частичное освещение в нескольких работах как специального, так и общего характера.

Советские историки и экономисты отчётливо показали, что развитие торговых и экономических связей между СССР и США подтвердило реальную возможность делового сотрудничества, несмотря на коренные различия в общественном строе и идеологии. Выявлены и основные причины трудностей, имевших место в процессе развития торговых и экономических отношений, а также пути их устранения советской стороной, хотя архивная документация авторами использована слабо, а деятельность «Амторга» и инкорпорированных советских хозяйственных организаций в США, как и практика договоров с американскими фирмами о техническом содействии, изучена недостаточно.

Крушение политики непризнания СССР Соединёнными Штатами привлекло внимание ряда историков. В соответствующих

исследованиях рассмотрены попытки государственного департамента США задержать этот назревший акт, прослежено движение солидарности части рабочего класса и общности США с советским народом в годы первой пятилетки, вскрыты причины установления дипломатических отношений между СССР и США и дан анализ результатов соглашения, достигнутого 16 ноября 1933 г. Также был написан ряд работ о внутриполитической борьбе в США по «русскому вопросу» в 20-30-х гг. XX в., о выступлениях прогрессивных сил Соединённых Штатов за нормализацию дипломатических и торговых отношений с СССР.

Г.Н. Цветков посвятил свою монографию [15, 54] политике США в отношении Советского государства на протяжении 1917–1933 гг., сосредоточив основное внимание на 20-х – начале 30-х гг. XX в.

Изучение ряда узловых проблем истории советско-американских отношений межвоенного периода создало хорошую историографическую базу для подготовки обобщающих исследований. В 1964 г. была опубликована монография В.К. Фураева [14, 45] – первый опыт изложения истории советско-американских отношений от Октябрьской революции до начала Второй мировой войны. В 1965 г. вышла в свет книга В.А. Валькова [2, 396], в которой рассмотрены политические и экономические отношения между обеими странами в 1917–1941 гг.

Несомненной глубиной анализа отличается работа Г.Н. Севостьянова, в которой затрагиваются сложнейшие и острейшие проблемы развития торгово-экономических связей между СССР и США [12, 404]. Монография посвящена истории установления дипломатических отношений между двумя великими державами. В ней документально показано, как и почему путь к признанию СССР был столь длителен и труден, кто и какие силы противодействовали этому. «Кремль активно добивался ускорения нормализации взаимоотношений между странами, в то время как официальный Вашингтон упорно сопротивлялся проведению политики признания.

С приходом в Белый дом Рузвельта наступило время успешных переговоров и появилась юридическая основа для заключения договора, обусловленного взаимными интересами и событиями в мире. Этот исторический акт обозначил новую страницу в отношении двух государств» [12, 9]. Автор ввёл в научный оборот много новых архивных документов и материалов. Автору данной работы представилась возможность работать в ряде федеральных архивов: Архиве Президента Российской Федерации (АП РФ), где хранятся уникальные документы; архиве Министерства иностранных дел РФ, где также обнаружены ценные коллекции документов, а также в Российском государственном военном архиве (РГВА), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) и других, что позволило ввести в научный оборот новые документы. На основе их изучения в монографии сделана попытка воссоздать широкую панораму сложного и противоречивого развития событий, которые в конечном счёте и привели к устранению аномалии, длившейся шестнадцать лет.

Тем не менее, советское правительство настойчиво и терпеливо выступало за развитие взаимовыгодной торговли и экономических связей, нормализацию отношений с США. Об этом свидетельствуют приводимые в сборнике документов [11, 404] под редакцией Г.Н. Севостьянова многочисленные заявления и интервью руководителей советского правительства американским журналистам, их директивы, распоряжения и повседневные телеграммы торговым представителям, находившимся в США. «Налаживать торговлю с американским правительством было невероятно сложно, но, несмотря на трудности, в достаточно короткий срок были достигнуты серьезные результаты» [11, 234]. Основную заслугу в этом следует определить для смешанного американо-русского объединения Амторг, созданного в 1924 г.

Заметным достижением американистики стал выход в свет статьи Б.М. Шпотова [17, 4]. На большом материале автор проследил формирование и развитие торгово-эконо-

мических отношений между СССР и США. Как отмечает Б.М. Шпотов, «после Октябрьской революции 1917 г. в России началось широкомасштабное привлечение западных технологий. Молодая Советская республика прилагала колоссальные усилия по восстановлению дипломатических и экономических отношений с Соединенными Штатами. В.И. Ленин придавал первостепенное значение экономическим связям с США» [17, 29]. Б.М. Шпотов лишь приоткрывает для исследований историков тему: «Что же на самом деле представляла советская индустриализация?». Получение западных технологий в годы первой и второй пятилеток многократно усилило экономический, технический и военный потенциал Советского Союза, что существенно повлияло на весь ход истории XX в. Дополнительный интерес к проблеме вызывает, конечно, и сопоставление результатов помощи Запада нашей стране в 1930-е гг. и в конце прошлого столетия. Если итоги «капиталистической перестройки» постсоветской экономики трудно назвать успешными, прежде всего по показателям роста, то советский «модернизационный рывок» [17, 11] в основном удался. Несмотря на более низкую эффективность использования зарубежного оборудования, лицензий и патентов в условиях СССР, перед Второй мировой войной наша страна заняла второе место в мире по промышленному производству. На фоне мировой экономической депрессии 1930-х гг. успехи СССР выглядели особенно впечатляюще.

Хочется верить, что издание архивных документов повысит интерес исследователей к проблеме развития экономических отношений между СССР и США в период непризнания, ведь, помимо чисто исторического интереса темы, её следует изучать ещё и для того, чтобы не допускать повторения прежних ошибок. Вероятно, у первого советского правительства нужно поучиться отстаиванию интересов нашей Родины.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Берёзкин А. В. Октябрьская революция и США. 1917–1922 гг. М.: Наука, 1967. 354 с.
2. Вальков В. А. СССР и США (Их политические и экономические отношения). М.: Наука, 1965. 396 с.
3. Выгодский С. Ю. У истоков советской дипломатии. М.: Политиздат, 1965. 138 с.
4. Ганелин Р.Ш. Некоторые вопросы ранних советско-американских отношений и современная американская историография // Критика новейшей буржуазной историографии. М.-Л. 1961. С. 87-103.
5. Гвишиани Л.А. Советская Россия и США (1917–1920гг.). М.: Международные отношения, 1970. 210 с.
6. Гершов З.М. США и европейские нейтральные страны в 1917–1918 гг. // Американский ежегодник. М. 1972. С. 63-87.
7. Евгеньев Г.Е., Шапик Б.С. Революционер, дипломат, учёный. М.: Политиздат, 1960. 32 с.
8. Мальков В.Л. Раймонд Робинс открывает мир // Новая и новейшая история. 1970. № 2. С. 133-148.
9. Павлович М.П. (Вельтман М.П.). РСФСР в империалистическом окружении. Вып. III: Советская Россия и капиталистическая Америка. М.-Петроград: Гос. изд-во, 1922. С. 1-101.
10. Рейхберг Г.Е., Шапик Б.С. Американские сенаторы судят советского представителя (из истории первой советской миссии в США в 1919–1921 гг.). // История СССР. 1963. № 2. С. 81-89.
11. Россия и США: экономические отношения 1917–1933. Сб. документов / под ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Наука, 1997. 133 с.
12. Севостьянов Г.Н. Москва-Вашингтон. На пути к признанию. 1918–1933. М.: Наука, 2004. 29 с.
13. Сташевский Д.Н. Экспансия США в Европе под видом помощи (1919–1923 гг.). Киев: Наукова думка, 1960. 192 с.
14. Фураев В.К. Советско-американские отношения 1917–1939 гг. М.: Наука, 1964. 45 с.
15. Цветков Г.Н. Шестнадцать лет непризнания. Политика США в отношении Советского государства в 1917–1933 гг. К.: Изд-во Киевского Ун-та, 1971. 54 с.
16. Шишкин Е.А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Очерки истории становления экономических отношений. Л.: Наука, 1969. 212 с.
17. Шпотов Б.М. Американский фактор в индустриальном развитии СССР, 1920–1930-е гг.: сб. науч. тр. / Институт экономики РАН. М.: ИЭ РАН, 2009. 39 с.
18. Штейн Б.Е. «Русский вопрос» в 1920–1921 гг. М.: Госполитиздат, 1958. 59 с.

УДК 93\94

Леонтьев А.В.

Московский государственный областной университет

ИИСУС ХРИСТОС В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А.Т. ФОМЕНКО

A. Leontyev

Moscow State Regional University

JESUS CHRIST IN A. FOMENKO'S HISTORICAL CONCEPT

Аннотация. В данной статье автор рассматривает развитие взглядов А.Т. Фоменко, в русле его «новой хронологии», на историю библейских событий, в частности на хронологические рамки жизни Иисуса Христа, его личность, географическую локализацию событий, связанных с деяниями Спасителя. Актуальность заданной темы объясняется тем, что «новая хронология», являясь антинаучной концепцией, не получила всестороннего критического осмысления в отечественной исторической науке. Изучение данного вопроса позволяет проследить развитие доказательной базы «новой хронологии», сферу её интересов. На примере библейских событий автор показывает несостоятельность исторической концепции А.Т. Фоменко, отсутствие у «новой хронологии» какого-либо методологического фундамента, источниковедческой основы.

Ключевые слова: хронология, географическая локализация, Иисус Христос, Библия, Византия, Рождество, Воскресение, Распятие.

Abstract. The article investigates the development of Fomenko's ideas within the framework of his "new chronology" concerning Biblical history, especially the life-time of Jesus Christ, his personality and the geography of events in which the Saviour participated. This subject is all the more important since a fake conception of the "new chronology" has never been subjected to a comprehensive critical study in Russian historiography. In-depth examination of its content would allow to trace the development of the system of proofs of the "new chronology" and the breadth of its scope. On the basis of biblical events the author demonstrates the falsity of Fomenko's historical conception and its lack of any foundation in methodology and source study.

Key words: chronology, geographical localization, Jesus Christ, Bible, Byzantium, Christmas, Resurrection, Crucifixion.

В начале 80-х гг. XX в. из-за работ математика А.Т. Фоменко в СССР зародилось новое, математическое направление в исторической науке в будущем получившее название «новая хронология А.Т. Фоменко – Носовского». Исходно труды А.Т. Фоменко являлись поиском современных математических, статистических и астрономических методов, применимых к хронологии мировой и отечественной истории с целью её возможного уточнения. Но с течением времени, к началу 90-х гг. XX в. эти разработки оформились в антинаучную концепцию, задачей которой является коренная ломка современного исторического знания древней, средневековой и отчасти новой истории. Суть «новой хронологии» заключается в том, что якобы многие исторические события, личности являются фантомными дубликатами друг друга, географическая локализация стран и народов во многом смещена, а хронология мировой истории сильно растянута и нуждается в тотальном сокращении.

Первоначально труды А.Т. Фоменко не получили распространения в широких общественных массах населения России, поскольку оперировали сугубо математическими понятиями, трудными для понимания простым обывателем. В настоящее время идеи А.Т. Фоменко популяризировались среди различных слоёв российского общества, благодаря агрессивной PR компании автора в СМИ и различных интернет-ресурсах.

Ныне «новая хронология» является серьезной проблемой для исторической науки, поскольку пытается заменить собой весь комплекс исторического знания. Наиболее красноречиво это подтверждают слова ярого последователя А.Т. Фоменко Гарри Кимовича Каспарова. Объявив себя сторонником «новой хронологии», Каспаров заявил «Я размажу по стенке любого историка в любых дебатах просто потому, что знаю больше их» [10].

«Новая хронология» является молодой и весьма радикальной исторической концепцией, поэтому долгое время не привлекала внимание профессиональных историков, что привело к недостаточному критическому осмыслению её положений, отсутствию всестороннего изучения и полноценного анализа. Также необходимо отметить роль «новой хронологии» как основы многочисленных псевдонаучных трудов по истории, призывающих кардинально пересмотреть сложившуюся модель исторического знания, в основе которой стоят фундаментальные исследования. Данные обстоятельства подтверждают необходимость комплексного изучения данного антиисторического явления.

С 1980 по 1990 гг. А.Т. Фоменко издаёт ряд статей, посвященных новым математическим и статистическим методам применимым в исторической науке. В данных статьях автор использует свои методики, применительно к целым эпохам человеческой истории, не выстраивая сколь-нибудь последовательной концепции. В 1990 г. выходит первая книга «Методы статистического анализа нарративных текстов и приложения к хронологии (распознавание и датировка зависимых текстов, статистическая древняя хронология, статистика древних астрономических наблюдений)» [9] в которой автор сумел, используя свои математические изыскания, выявить серьёзные хронологические неточности в античной и средневековой истории. В данной работе А.Т. Фоменко не смог обойти такой важнейший момент человеческой истории, как время рождения, распятия и личность Иисуса Христа.

Если общепризнанной датой рождения Иисуса Христа является 1 г. н.э., то в вышеупомянутой книге автор предлагает новую датировку. На основании полученных астрономических данных с опорой на «династические параллелизмы» А.Т. Фоменко приходит к выводу, что Иисус Христос родился в 1054 г. (то есть сдвиг на 1053 года) и ему соответствует Римский Папа Гильдебранд (Григорий VII), не исключается также возможность отождествления Христа и Василия Великого. Географическая локализация библейских событий переносится на территорию современного Стамбула. Обосновывая свою гипотезу, Анатолий Тимофеевич ссылается на собственные работы прошлых лет, Библию, астрономические и статистические расчёты. В качестве неоспоримого аргумента «новой хронологии» библейских событий А.Т. Фоменко утверждает, что средневековые хронологи просто не умели правильно прочесть древние тексты: «Причина возникновения сдвига на 1000 лет: запись некоторых дат, например, так «Христа 1-й век = XI век. Буква X первоначально была сокращением имени. Затем это было забыто и при формальной дешифровке формулы «X.I век» получилось XI век» [9, 186]. Следующим, важнейшим изданием, затронувшим проблему библейских событий, является двухтомник «Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима» [5]. В данной книге автор продолжает датировать земные годы жизни Христа XI в. на основании предыдущих работ, тем не менее сама личность Спасителя претерпевает некоторые изменения. Если в своей первой книге 1990 г. Христос представляется фантомом Римского Папы Григория VII, то в издании 1995 г. к Григорию VII присоединяется Антиохийский патриарх Иса Христофор. Для подтверждения своей теории А.Т. Фоменко использует ряд отрывков из «Истории» Льва Диякона. «Антиохийский патриарх Христофор, урожденный Иса был убит в Антиохии, в обстановке антивизантийского угара 22 мая 967 г.» [1, 196]. Дата – 967 г. не совпадает с заявленным временем жизни Христа (XI в.), поэтому А.Т. Фомен-

ко указывает на некий 100-летний сдвиг в византийской истории, по которому все события X в. надо перенести на 100 лет вперёд, и тогда Христофор идеально вписывается в «новую хронологию». Далее, Христофор, по мнению автора, был проколот копьем, что также является веским подтверждением заявленной теории, хотя ссылок на источники не делается. Следующим аргументом в пользу того, что Христос и Иса – это одно лицо, выступает простое созвучие имён Иса-Иисус, Христофор-Христос. В 968 г. в «Истории» упоминается солнечное затмение [187], хронологически совпадающее со смертью Христофора-Христа и описанное в Евангелии (по А.Т. Фоменко, ложно датированное там I в.). Сумма вышеописанных «доказательств» представляется автору достаточной для подтверждения своей гипотезы. Новозаветные события, как и ранее, Анатолий Тимофеевич переносит в современную Турцию.

Дальнейшее развитие взглядов А.Т. Фоменко на обстоятельства жизни и личность Иисуса Христа можно проследить по книге «Библейская Русь» [3]. Здесь автор впервые точно называет земные годы жизни Христа. Рождество, по А.Т. Фоменко, приходится на 1064 г., Воскресение – на 1095 г. Примечательно, что в предыдущих своих работах автор датировал Рождество 1054 г., но разница в 10 лет автору «новой хронологии» кажется несущественной. В качестве аргументов новой датировки приводятся выписки из книги Матфея Властаря «Собрание святоотеческих правил», с помощью которых составлены так называемые «календарные условия Воскресения Христа». Благодаря этим «условиям», внесённым в астрономические таблицы, и была получена дата – 1095 год.

Переломной вехой развития взглядов А.Т. Фоменко на библейскую историю является книга «Царь славян» [8]. Автор на страницах этого издания во второй раз указывает «точную» дату жизни Христа и датирует это событие 1152 г. Разница в 100 лет между сер. XI в. (датировка предыдущих работ) и 1152 г. для А.Т. Фоменко, опять же, кажется несущественной в историческом масштабе.

Окончательная датировка Рождества Христова и евангельских событий, как указывает автор, основана на нескольких независимых друг от друга естественнонаучных методах. Один из методов основывается на предположении ученых-астрономов XX в. о том, что Крабовидная туманность появилась вследствие взрыва Вифлеемской звезды, исходя из этого А.Т. Фоменко при помощи математических расчетов предлагает датировать это событие примерно 1140 г. Далее он обращается к современным датировкам Туринской плащаницы (1050–1350 гг.), которые хронологически подходят к искомой дате – 1140 г. Далее Анатолий Тимофеевич использует зодиак Осириса, при анализе которого вычисляется точная дата Распятия – утро 20 марта 1185 г. и, следовательно, Рождество – 1152 г. Для уточнения «новой хронологии» приводятся древнерусские Палеи, с помощью которых вычисляются точные даты основных событий Христовой жизни; так, по А.Т. Фоменко, Рождество – декабрь 1152 г., Крещение – январь 1182 г., Распятие – март 1185 г., Воскресение – 24 марта 1185 г. Кроме «новой хронологии», А.Т. Фоменко выдвигает предположение об отождествлении Христа ещё с целым рядом исторических личностей и богов эпохи Древнего мира, необходимо заметить, что Римский Папа Григорий VII и Антиохийский патриарх Христофор из этого ряда выпадают, хотя в предыдущих книгах А.Т. Фоменко именно они представлялись «дубликатами» Христа. Теперь Спаситель отождествляется с Византийским императором Андроником I Комниным (1182–1185), египетским богом Осирисом, греческим богом Зевсом, Римским богом Дионисом, князем Андреем Боголюбским, апостолом Андреем Первозванным.

Рассмотрим причины, побудившие А.Т. Фоменко сделать такие выводы. Для упрощения работы следует разделить «дубликатов» Христа на две группы. В первую группу отнесём Андроника I Комнина, Андрея Боголюбского, Андрея Первозванного. При уподоблении первой группы с Христом, А.Т. Фоменко опирается на якобы найденные им

биографические совпадения (годы жизни, обстоятельства рождения, смерти, внешние сходства, личность матери и т. д.), кроме того, автор переводит имя Андрей (Андроник), как «человек победитель» или «сын человеческий», что для А.Т. Фоменко явно указывает на Христа. Для второй группы (Осирис, Зевс Дионис) выбираются те же биографические доказательства (обстоятельства рождения, смерти, личность матери), но уже исключаются годы жизни в связи с отсутствием таковых. Далее указывается на созвучие имён Осирис – Иисус, Зевс – Иисус, Дионис – Иисус. Эта аргументация, как считает автор, основательно подкрепляет полученные им выводы. Географическая локализация жизни Христа на страницах «Царя славян» кардинально меняется, если ранее автор перенёс библейские события, связанные с Иисусом Христом, в современный Стамбул, то теперь этот город является только местом Рождения, Распятия и Вознесения Спасителя. Основные годы жизни и деятельности А.Т. Фоменко переносит на территорию Древней Руси, а точнее Владимиро-Суздальского княжества, где Христос якобы был известен под именем Андрея Боголюбского и Андрея Первозванного.

Следующая книга, по которой можно проследить историю жизни Иисуса Христа в русле «новой хронологии», выходит в 2006 г. и называется «Крещение Руси: Язычество и христианство. Крещение Империи. Константин Великий, Дмитрий Донской. Куликовская битва в Библии. Сергей Радонежский – изобретатель огнестрельного оружия. Датировка ковра из Байе» [4]. В первой главе, посвященной датировке ковра из Байе, А.Т. Фоменко неожиданно обнаруживает ещё два новых «отражения» Иисуса Христа, это король Эдвард Исповедник и герцог Рудольф Швабский. При изучении жизни Эдварда Исповедника А.Т. Фоменко находит сходство биографий короля и Иисуса «...последний из царского рода..., с юных лет – в изгнании..., герой народных песен» [4, 88] и т. д. Вот что пишет автор непосредственно о ковре и обнаруженных там указаниях на Эдварда – Христа:

« Начнем с того, что на самом первом листе ковra изображен именно Эдвард..., то есть Эдвард в каком-то смысле главный..., показано как подданные Эдварда куда-то едут, а затем входят в церковь..., подчеркивается тесная связь Эдварда с христианством» [4, 89].

Аргументов, позволяющих отождествлять Рудольфа Швабского и Христа, находится ещё меньше. А.Т. Фоменко, ссылаясь на свою прошлую работу [8], утверждает, что перед самой кончиной у Христа была отрублена или повреждена правая рука, такой же факт обнаруживается автором и в биографии Рудольфа, далее «Столицей Андроника – Христа был, вероятно, Царьград..., но там его не любили, и главной его опорой была Русь..., Родольф, герцог Швабский, опиравшийся на саксонцев и нелюбимый в родной Швабии» [4, 100]. Как и в прошлых книгах, таких доводов оказалось достаточно, чтобы А.Т. Фоменко объединил Христа, Эдварда Исповедника и Рудольфа Швабского.

Следующая работа, посвященная вопросам «новой хронологии» библейских событий, называется «Пасха. Календарно-астрономическое расследование хронологии. Гильдебранд и Кресцентий. Готская война» [6]. На страницах этого издания автор вновь возвращается к гипотезе об отождествлении Иисуса Христа и Григория VII, о чем уже было сказано в данной статье. Но если в своих ранних книгах А.Т. Фоменко утверждал, что эта датировка (XI в.) основана на его собственных изысканиях, то на страницах «Пасхи» он ссылается на якобы имевшиеся ошибки Скалигера и последующих хронологов, из-за чего «какое-то время бытовала ошибочная средневековая традиция датировать эпоху Христа XI в.» [6, 136].

Дальнейшее развитие «новая хронология» жизни Христа получила на страницах издания 2007 г. «Царский Рим в Междуречье Оки и Волги. Новые сведения о Деве Марии и Андронике – Христе, Холопьем войне Новгородцев, Дмитрие Донском и Мамае, Александре Невском и Ледовом побоище на страницах античной «Истории» Тита Ливия и Ветхого Завета» [7]. Как было уже сказано в данной

статье, – основными условиями для отождествления Христа с различными историческими персонажами являются найденные А.Т. Фоменко «доказательства»: 1) сходства биографий (рождение с участием «высших сил», бегство, личность матери, праведная жизнь, внешность, обстоятельства смерти), 2) созвучие имён, 3) одинаковые даты рождения, смерти. И если в процессе «реконструкции» истории А.Т. Фоменко обнаруживал такие сходства то одного то нескольких условий, для Анатолия Тимофеевича было вполне достаточно, чтобы ассоциировать Христа с кем-либо. В книге «Царский Рим» А.Т. Фоменко поступает несколько иначе, в частности, автор утверждает, будто после раскола «Великой Империи» (мировая держава, где создавалась «единая» летопись от Христа) начинается «...размножение и дробление – на бумаге – в общем одной и той же летописи на много «провинциальных», Андроник – Христос «появился» в начале письменной истории многих новообразовавшихся государств» [7, 51]. На основе такого вывода делается заключение о возможности выявить «отражение» Христа в Царском периоде древнеримской истории. Для достижения поставленной цели А.Т. Фоменко анализирует труды Тита Ливия и Плутарха, где якобы обнаруживает биографические совпадения между Христом и Ромулом, Ремом и Иоанном Крестителем. «Ромул – это отражение Христа, Рем – отражение Иоанна Крестителя» [7, 115]. Но впоследствии А.Т. Фоменко на страницах книги видоизменяет свою концепцию, поскольку обнаруживаются некоторые разногласия с трудами Тита Ливия и Плутарха, так как, согласно античным авторам, арестовали не Ромула (Христа, по А.Т. Фоменко), а Рема (Иоанн Креститель). Тогда автор «новой хронологии» делает предположение об якобы имевшихся неточностях у Тита Ливия и Плутарха «Мы уже видели, что Плутарх и Тит Ливий иногда путали Ромула (Христа) и Рема (Иоанна Крестителя), перенося евангельские события с одного на другого» [7, 137]. Впоследствии А.Т. Фоменко вновь от Рема – Христа, переходит к Ромулу

– Христу таким образом, личность Спасителя одновременно отражают два человека, жившие, по легенде, в одно время, в одном месте.

Проанализировав основные книги А.Т. Фоменко, посвящённые Библии и описанным в ней событиям, в частности личности Иисуса Христа, можно с уверенностью сказать, что у «новой хронологии» как исторической концепции полностью отсутствует какая-либо научная основа. С источниковедческой позиции «новая хронология» не выдерживает никакой критики. Исторические источники, используемые автором, подвергаются искажению и фальсификации. А.Т. Фоменко не привлекает всю совокупность источников по выбранной проблематике, используемые же материалы применяются с целью подтвердить заранее выстроенную концепцию, а не отразить историческую правду. Типичным примером работы А.Т. Фоменко с источниками является: вырывание слов из контекста, использование неудачных переводов иностранных текстов, ссылка на текст с инвариантным смыслом.

На примере личности Иисуса Христа хорошо видны различные изменения и дополнения, вносимые автором в «новую хронологию» по мере выхода новых книг, что ясно показывает непрофессиональный подход А.Т. Фоменко к истории.

В различных работах, для подтверждения заявленной «новой хронологии» Библии, автор зачастую использует методы, несовместимые с исторической наукой и наукой вообще, это хорошо подтверждают слова Н.А. Морозова, а именно на его труды зачастую ссылается А.Т. Фоменко в своих изысканиях, позиционируя Морозова как «основателя» «новой хронологии». В книге «Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса» [2] Николай Александрович так описывает методы, применяемые им для «реконструкции» истории: «Если б против этой даты были целые горы древних манускриптов, то и тогда бы их все пришлось считать подложными» [2, 20]. Зачастую такому же принципу придерживается в своих изысканиях и А.Т. Фоменко.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Диакон Л. История. М.: Наука, 1988. 240 с.
2. Морозов Н.А. Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса. СПб.: Энергия, 1907.
3. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Библейская Русь (Русско-ордынская Империя и Библия. Новая математическая хронология древности). М.: Факториал, 1998. 1280 с.
4. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Крещение Руси (Язычество и христианство. Крещение Империи. Константин Великий – Дмитрий Донской. Куликовская битва в Библии. Сергей Радонежский – изобретатель огнестрельного оружия. Датировка ковра из Байе). М.: Астрель: АСТ, 2006. 552 с.
5. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима (Факты. Статистика. Гипотезы). М.: МГУ, 1995. 674 с.
6. Носовский Г.В., А.Т. Фоменко А.Т. Пасха. Календарно-астрономическое исследование хронологии. Гильдебранд и Кресцентий. Готская война. М.: Астрель: АСТ, 2007. 384 с.
7. Носовский Г.В., А.Т. Фоменко А.Т. Царский Рим в междуречьи Оки и Волги. Новые сведения о Деве Марии и Андронике – Христе, Холопьем войне Новгородцев, Дмитрие Донском и Маме, Александре Невском и Ледовом побоище на страницах античной «Истории Рима» Тита Ливия и Ветхого Завета. М.: АСТ: Астрель, 2007. 700 с.
8. Носовский Г.В., А.Т. Фоменко А.Т. Царь Славян. СПб.: Нева, 2004. 640 с.
9. Фоменко А.Т. Методы статистического анализа нарративных текстов и приложения к хронологии (распознавание и датировка зависимых текстов, статистическая древняя хронология, статистика древних астрономических наблюдений). М.: МГУ, 1990. 440 с.
10. Янин В.Л. Зияющие высоты академика А.Т. Фоменко // Родина. 2000. № 4. С. 12-15.

РАЗДЕЛ IV. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира и Средних веков

УДК 94

Гриценко В.А.

Московский государственный областной университет

К ВОПРОСУ О ВАРВАРИЗАЦИИ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

V. Gritsenko

Moscow State Regional University

TO THE ISSUE OF BARBARIZATION OF LATE ROMAN EMPIRE ARMY

Аннотация. Статья посвящена варваризации римской армии как важнейшему элементу ее развития в эпоху Поздней империи. Установлено, что варвары энергично заимствовали римское вооружение и тактику, но не наоборот. Варвары (германцы) в армии стали многочисленны, но не составляли в ней большинства ни среди солдат, ни среди офицеров. Армия Империи сохранила свой римский облик. Варваризация не играла важной роли в развитии римского военного дела, особенно вооружения и тактики. Произошла сильная романизация варваров в военной сфере. Последствия ее чувствовались на протяжении всего средневековья.

Ключевые слова: варваризация, личный состав армии, наступательное вооружение, оборонительное вооружение, офицерский корпус, романизация.

Abstract. The article is dedicated to the issue of barbarization of the late Roman Empire army, which is represented as a significant element of its development. It is argued that barbarians drastically borrowed the Roman armament and tactics but not vice versa. Barbarians (Germans) became numerous in the army but they did not form the majority either among soldiers or officers. The imperial army preserved its Roman character. Barbarization didn't play important role in the development of the Roman art of war. The barbarians became romanized in military sphere especially in their armament and tactics. Consequences of this Romanization were felt throughout the whole period of the Middle Ages.

Key words: barbarization, personal composition of the army, offensive armament, officers corps, defensive armament, Romanization.

Сперва следует определиться с тем, каково наше понимание термина «варваризация». По сути, варваризация – особая разновидность процесса ассимиляции, когда более развитые общества уподобляются менее развитым в различных сферах.

Таким образом, варваризация римской армии эпохи Домината – это, во-первых, изменение этнического состава за счет появления значительного количества солдат и командиров варварского происхождения; во-вторых, заимствование римлянами у них элементов вооружения, организации и тактики.

© Гриценко В.А., 2011.

Наиболее значимыми областями варварского влияния в военной сфере, где можно определить уровень варваризации римской армии, являются вооружение и личный состав. Поэтому, стараясь определить масштабы варваризации римской армии эпохи Домината, внимание будет сосредоточено на анализе процессов, происходивших в этих областях. При этом под варваризацией подразумевается в основном германизация, так как именно германцы являлись главным варварским противником Рима в эпоху Домината и сыграли наибольшую роль в судьбе поздней римской истории.

Еще в конце периода Республики в основном сформировался римский комплекс вооружения. Рим, победив Карфаген, стал самой мощной в военном отношении державой Средиземноморья, и его армия не имела равных себе в течение длительного периода. Поэтому у римлян не имелось причин внести какие-либо принципиальные изменения в свой комплекс вооружения и тактику, хотя отдельные новинки они заимствовали, безусловно. Это их враги должны были перенимать вооружение и тактику римлян, чтобы иметь возможность устоять против римского натиска.

Хотя развитие римской армии в императорский период не стояло на месте, но в целом до конца античного периода тяжелая пехота играла главную роль. Изменения заключались преимущественно в том, что пехота становилась более гибкой, разнообразной и специализированной благодаря возрождению легкой, в особенности стрелковой, пехоты в эпоху Поздней Империи. Наконец,росло значение конницы, как за счет роста ее численности, так и улучшения и дифференциации вооружения. Здесь нет нужды даже кратко описывать то, как проходили изменения в этой сфере. Поэтому перейдем прямо к рассмотрению того, как происходил данный процесс у варваров, в первую очередь германцев.

Превосходство римлян в вооружении основывалось в немалой степени на наличии системы государственных оружейных

мастерских, размещавшихся в районах наибольшего скопления войск, то есть на рейнско-дунайской границе и Востоке, которых насчитывалось не менее 40 [4, 14]. Германцы ничего подобного не имели. Поэтому их вооружение в течение длительного времени было весьма слабым. У Публия Корнелия Тацита отмечается, что из-за нехватки железа германцы не делали больших мечей и копий и использовали копья-фрамеи и дротики. Причем нередко копья имели наконечники, просто обожженные на огне. Защитное вооружение было представлено главным образом щитами. Панцири, тем более металлические и кожаные шлемы, носили немногие. [6, О происхождении и месторасположении германцев. 6; Анналы. II. 14. 4]. Да и в VI в. ситуация с вооружением часто оставляла желать лучшего. К примеру, Агафий Миринейский отмечает, что франки имели относительно неплохое наступательное вооружение, состоявшее из обоюдоострых секир, мечей и окованных железом и снабженных загнутыми книзу шипами дротиков (ангонов). Защитное вооружение, за исключением щитов, почти отсутствовало, если не считать используемых некоторыми воинами шлемов [1, О царствовании Юстиниана. II. 5]. Причем и в эпоху Принципата, и во времена ранней Византии германцы, во всяком случае, западные, сражались обычно пешими. Характерно, что франкские командиры при Меровингах обучали солдат согласно наставлениям Вегеция и отчасти Маврикия [8, 86-87], что служит косвенным подтверждением использования франками в VI-VIII вв. оружия преимущественно римских типов.

Вне всякого сомнения, если эти сведения и являются преувеличенными, то общая ситуация с вооружением у германцев отражена верно. В этом убеждают данные археологии, позволяя в то же время уточнить сведения древних авторов. Можно указать на находку маленького судна в местечке Хьортспринг (Hjortspring) на юго-востоке Ютландии, которое, видимо, было принесено в дар богам. В нем обнаружено большое количество различного вооружения. Правда, датируется эта

находка приблизительно 350 г. до н.э. Однако состав вооружения в значительной степени отражает данные античных авторов. Так, среди наступательного вооружения представлены 11 коротких однолезвийных мечей, скрамасаксов, но заметно преобладают копья и дротики различных типов. Их найдено в общей сложности 104. Луки отсутствуют, зато в большом количестве были обнаружены камни. Что касается защитного вооружения, то при наличии 10 кольчуг, кстати, самых ранних среди найденных в Европе, основным его видом служили деревянные щиты. Их найдено 63 или 65. Такого вооружения хватило бы для 4 мечников, скорее всего, командиров, и 18 копейщиков [13, 156-157].

Для IV в. н.э. состав вооружения известен благодаря находкам с юга Ютландии в Эйсбеле (Ejsbøl) и Нидаме (Nydam). В первом найдено вооружение для приблизительно 60 мечников, включая 12-15 человек командного состава с 9 лошадьми, и 1-2 отрядов пеших копейщиков общим числом 120 человек, вооруженных каждый одним копьем, дротиком и щитом. Во втором было обнаружено вооружение для отряда мечников (с копьем, дротиком и щитом) и 240 копейщиков с одним копьем, дротиком и щитом, а также большой группы воинов, вооруженных топорами. Отмечается увеличение количества находок длинных обоюдоострых мечей [13, 159]. В целом от эпохи Великого переселения народов (III-V вв. н.э.), совпадающей с периодом существования Поздней империи, дошло большое количество коротких и длинных римских мечей из различных областей Скандинавии и Северной Германии. Тем же временем, кстати, датируются и многие клады золотых монет и вещей, которые могли являться как добычей, так и платой германским наемникам, служившим в римской армии [12, 163]. Обращает на себя внимание, что количество мечей возрастает, в результате чего в IV в. мечники теперь находятся в соотношении с копейщиками как 1:2. Во всяком случае, оно выше, чем для более раннего периода, где на одного мечника приходилось 4-5 копейщиков, хотя и не слишком. Также

растет популярность и боевого топора, хорошо знакомого позднее англосаксам, скандинавам и франкам. Если исключить боевой топор как оружие, практически не использовавшееся римлянами, то становится очевидным постепенное возрастание римского влияния на германцев. Причем освоение комплекса римского вооружения неизбежно вело к перениманию, хотя бы в общих чертах, и римской тактики.

В целом можно констатировать, что в эпоху Великого переселения народов и тем более раннего средневековья германцам были хорошо известны все виды наступательного и оборонительного вооружения, которые использовали римляне [4, 196-198], хотя они, безусловно, не во всем следовали римлянам в этом отношении. При этом можно уверенно заключить, что германцы встали на путь усвоения римского вооружения и, соответственно, тактики.

Таким образом, можно утверждать, что отнюдь не римляне перенимали варварское (германское) вооружение и тактику. Им это было, по большому счету, не нужно. Достаточно кратко рассмотрев имеющиеся данные, можно сделать заключение, что происходила романизация вооружения и тактики варваров, в первую очередь германцев.

Обращаясь к вопросу о варваризации личного состава римской армии Поздней империи, следует помнить, что римляне издавна привлекали в армию варваров. Можно отметить, что кельты и испанцы в значительной степени составляли костяк кавалерии римских армий Красса и Антония, сражавшихся против парфянских войск [5, Красс. XXVII; Антоний. XXXVII]. Вспомогательные войска из германцев и кельтов играли немалую роль в составе армии Агриколы во время кампании в Северной Британии [6, Жизнеописание Юлия Агриколы. 36]. С другой стороны, римские вспомогательные войска на рейнской и дунайской границах еще в конце II в. в большинстве своем состояли из римских граждан [9, 285].

Варваризация личного состава армии Поздней империи имела глубокие корни. В

то же время она была неравномерна, определяясь временем, местом нахождения части, положением в военной иерархии и принадлежностью к легионам или вспомогательным войскам.

Надо помнить, что в эпоху Принципата армия обычно нуждалась в 20 тыс. рекрутов в год [10, 83] при численности около 250 тыс. чел. Римская армия насчитывала около 400 г. – 650 тыс. чел. номинально, хотя реально ее численность была около 450 тыс. [10, 72-78]. Соответственно, в мирное время ежегодно требовались 40-45 тыс. новобранцев. Понятно, что без привлечения варваров этого было сделать нельзя. Однако их общая численность была невелика, составляя не более 1 млн. человек в V-VI вв., которые расселились на обширной территории империи. Между тем в ее западных провинциях проживало около 15 млн. человек [3, 112]. Какое-то количество варваров также жило за пределами бывших римских границ. С учетом низкого уровня развития у них сельского хозяйства и миграций в империю, Рим не мог рассчитывать только на набор варваров. Это верно даже с учетом того, что для первобытных обществ уровень мобилизации составляет 20-25 %. Таким образом, даже такая масштабная акция, как привлечение в армию 70 тыс. германцев и сарматов при Диоклетиане, не могла покрыть потребности империи в рекрутах, пусть и за 2 года мирного времени. А в эпоху же Домината войны случались часто. Варварами же укомплектовывались, надо полагать, именно боевые части. Поэтому полной варваризации армии не могло произойти.

При определении этнического происхождения воинов римской армии возникает несколько проблем. Во-первых, варвары могли носить римские имена, равно как и граждане империи, будь то сами римляне, греки, кельты или жители восточных областей – носить варварские. Во-вторых, источников от периода III-V вв. дошло очень мало, особенно эпиграфических надписей, которые так любили делать римские воины на надгробных памятниках своих товарищей. Косвенно это

указывает на то, что армия теперь пополнялась в основном варварами либо неграмотными провинциалами. Однако данное, логичное, по сути, утверждение все-таки должно быть доказано. В-третьих, *Notitia Dignatum*, основной источник по римской армии около 400 г. н.э., буквально пестрит названиями различных частей, образованных от имени того или иного племени варваров. Но состояли ли эти воинские части из них, неясно.

Первая проблема разрешима только, если бы были указания на происхождение солдат и офицеров, включая тех, кто носил римское или греческое имя, чего ожидать при нынешнем комплексе источников не приходится.

Сейчас ясно, что варварские наименования частей означают лишь то, что когда-то они были набраны из представителей того или иного народа либо племени [14, 18-20]. Впоследствии, как правило, войска комплектовались местными уроженцами, включая детей воинов данного соединения, отцы которых могли быть варварами. Об условности наименования того или иного подразделения говорит упоминание в ND среди подразделений *auxilia palatinae* латинян и сабинян [11, Occidens. V], тогда как соответствующие этнические группы к тому времени давно исчезли.

Серьезное увеличение численности варваров в римской армии произошло после поражения под Адрианополисом в 378 г., когда вместе с императором Валентом погибли 2/3 полевой армии востока империи. Острая нужда в обученных солдатах тогда заставила нового правителя Востока Феодосия набирать всех подряд, следствием чего стало увеличение количество варваров в войсках.

Но и здесь все не так просто. У нас есть определенные данные эпиграфики о составе 23-х подразделений римской полевой армии, размещенных в Галлии в 394-395 гг., чьи солдаты и их жены были похоронены на кладбище Конкордия. Предполагается обычно наличие большого количества варваров именно в полевых войсках, тем более на границе с Германией. Кроме того, в 394 г. войска Феодосия со значительными потерями пода-

вили языческий мятеж Арбогаста и Евгения, которые сумели привлечь на свою сторону римские войска, дислоцированные на западе империи. Не приходится сомневаться, что римская армия была в значительной степени обескровлена. Значит, в тот период осуществлялся широкомасштабный набор солдат и офицеров.

Итак, из 39 имен, содержащихся в надписях из Конкордии, германские и в частности готские имена носили только 14 человек (чуть больше трети). Даже с учетом романизации среди похороненных варвары вряд ли могли составлять более 50 %. Остальные носили римские, а также кельтские имена (9 человек). Еще у 4 похороненных на кладбище солдат имена неизвестного происхождения. Что касается последних 4 имен, то они могут иметь как готское происхождение, так и кельтское. Здесь, скорее всего, отражена ситуация после 378 г., когда Феодосий предпринял масштабный набор людей для восполнения потерь. До того варваров в войсках было меньше, может быть, значительно. Что касается востока империи, то там среди известных имен преобладают римские и греческие [10, 104-114]. Кроме того, римляне не стремились поддерживать этническую однородность подразделений, памятуя о возможных последствиях. Поэтому они ставили во главе подразделений своих командиров, а также старались разбавлять их состав за счет офицеров и опытных солдат римского происхождения еще в период Принципата [6, Жизнеописание. 28]. Таким образом, даже в частях мобильных войск из Галлии доля варваров после событий 378-394 гг. не слишком велика.

При определении уровня варваризации армии важным является установление этнического состава офицерского корпуса. Действительно, здесь присутствие варваров, особенно среди высших офицеров, проявляется наиболее заметно, тогда как в республиканскую эпоху и период Ранней Империи римляне явно преобладали.

Если рассмотреть количественные показатели, то в период между смертью Константина I в 325 г. и 378 г. из 35 человек, занимавших

высший в армейской иерархии того времени пост магистра пехоты (*magister militum*) и известных нам по именам, варварами были только 6 (17 % от общего числа). Еще 4 человека могли иметь варварское происхождение. В таком случае количество варваров возрастает до 30 % [10, 101-102]. К тому же эти цифры не отражают того, как эти люди себя ощущали. Многие из них были потомками заложников или политических иммигрантов, оставаясь варварами лишь по именам, и связывали свою жизнь только с Римом.

В заключение надо отметить, что важным показателем сохранения римского характера армии является использование латинского языка в качестве средства общения в армейской среде. Он был вытеснен из армии греческим языком, пожалуй, только в VII в. Но остатки латинской военной терминологии сохраняются даже в византийском трактате X в. «Тактика», приписываемом императору Льву [7]. Если бы германцы действительно преобладали среди военных, германские языки и диалекты в армии были бы более распространены.

Таким образом, изменения этнического состава римской армии в эпоху Домината были не так значительны даже после 378 г., тем более в восточной части империи. Сам по себе процесс варваризации личного состава армии не вел к однозначно плохим или хорошим результатам. Тем более, что варвары сами в конечном итоге романизовались в той или иной степени.

Можно сделать заключение, что уровень варваризации римской армии эпохи Домината действительно вырос. Но он был ниже, чем обычно считается, особенно в области вооружения и тактики, хотя и личный состав оставался в значительной степени римским.

Основной причиной было значительное превосходство Рима над варварами в военной сфере, достигшее еще при Республике столь высокого уровня, что римляне в период Империи могли обойтись без существенных заимствований в данной области у варваров и сохранять в ней лидерство в течение долгого времени.

Имеющиеся данные позволяют утверждать, что шел процесс романизации варваров в военной области. В результате римское наследие продолжало оказывать мощное влияние на развитие военного дела европейских государств до конца средних веков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / пер. с греч. Левченко М.В. М.-Л., 1953. 221 с.
2. Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. с лат. Кулаковского Ю.А., Сонни А.И. СПб.: Алетейя, 2000. 558 с.
3. Андерсон П. Переходы от античности к феодализму / пер. с англ. А. Смирнова. М.: Территория будущего. Нет даты. 288 с.
4. Контамин Ф. Война в Средние века / пер. с фр. Ю. Малинина и др. СПб., 2001. 416 с.
5. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / пер. с греч.. Маркиша С.П. М.: Альфа-книга, 2008. 1262 с.
6. Публий Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения. История / пер. с лат. Кнабе Г.С. М.: Ладомир, 2001. 986 с.
7. «Тактика Льва» (главы III-VI) / пер. с греч. Кучмы В.В. // Византийский временник. № 68 (93)/2009. М.: Наука, 2009. С. 280-299.
8. Bachrach B.S. Early Carolingian Warfare: Prelude to Empire. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. 430 p.
9. Gilliam J.F. Romanization of the Greek East: The Role of the Army // Roman Army Papers. Vol. II. Amsterdam, 1986. P. 281-288.
10. Nicacie M.J. Twilight of Empire: The Roman Army from the reign of Diocletian until the battle of Adrianople. Amsterdam, 1998. 321 p.
11. Notitia Dignatum utriusque imperii // Hrsg Seeck O. Berlin, 1876. 217 s.
12. Olausson M. Fortified manors in the Migration Period in the eastern part of central Sweden – a discussion of politics, warfare and architecture // Military aspects of Scandinavian Society in a European Perspective, AD. 1-1300. Copenhagen, 1997. P. 157-168.
13. Randsborg Cl. From Bronze to Iron: The Rise of European Infantry // War as a Cultural and Social Force: Essays on Warfare in Antiquity. Copenhagen, 2001. P. 155-165.
14. Southern P., Dixon C.R. The Late Roman Army. New Haven and L.: Yale University Press, 1996. 206 p.

Новая и Новейшая История

УДК 271.2(569.4=927) "1882/1917"

Павинский В.С.

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

АНАЛИЗ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА ЗА ПЕРИОД 1882-1917 гг.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ДОСТИЖЕНИЯ

V. Pavinsky

N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

THE STUDY OF THE ORTHODOX PALESTINIAN SOCIETY'S SCIENTIFIC ACTIVITY IN 1882-1917: MAIN TRENDS AND ACHIEVEMENTS

Аннотация. Статья посвящена анализу научной деятельности Православного Палестинского общества. Автор выделяет два основных направления деятельности: анализ древних рукописей, археологические раскопки. Как наиболее значимые оцениваются раскопки на Русском месте. Описываются результаты экспедиции Н.П. Кондакова. В статье рассматривается также издательская деятельность. Научная деятельность общества в этот период была развернута столь широко, что ее систематизация представляет собой серьезную научную проблему, а существующих научных работ явно недостаточно для представления полной картины научной деятельности Православного Палестинского общества за указанный период.

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское общество, научная деятельность, древние рукописи, археология, издательская деятельность.

Abstract. The article is devoted to studying the scientific activity of the Orthodox Palestinian Society. The author identifies two basic lines of its activity: the analysis of ancient manuscripts and archeological excavations. The excavation on the Russian place is considered the most significant. The outcomes of N.P. Kondakov's expedition are described in the article. The author of the article also considers Society's publishing activity. The research activity of the Society during the period under study was conducted on such a large scale that its systematization presents a serious scientific problem which needs further investigation.

Key words: the Imperial Orthodox Palestinian Society, scientific activity, ancient manuscripts, archeological excavations, publishing.

Задача данной статьи – анализ приоритетных для Православного Палестинского общества направлений научной деятельности в период с 1882 по 1917 г. Сложность анализа деятельности Палестинского Православного общества связана со значительным объемом фактологического материала: многочисленных отчетов, записок, разрозненных сообщений.

Научная деятельность Общества в этот период была развернута столь широко, что ее систематизация представляет собой серьезную научную проблему, а существующих научных работ явно недостаточно для представления полной картины научной деятельности Православного Палестинского общества за указанный период.

Такая ситуация определяет новизну исследования, расширяющего представления о результатах научной деятельности Общества. Мы обращаемся к методу историографического анализа, определяем преемственность в развитии научной мысли, определяем вклад конкретных научных исследований в развитие востоковедения.

Из общеисторических методов при подготовке исследования наиболее активно использовались сравнительно-исторический метод и метод источниковедческой критики, позволивший проанализировать источниковую базу. Использование принципов объективности, историзма позволили рассмотреть особенности развития научной деятельности Православного Палестинского общества в диахроническом аспекте.

В.Н. Хитрово считал научную и издательскую деятельность основной задачей общества. Поэтому при разработке устава Православного Палестинского общества им был взят за основу устав Русского географического общества. Первый параграф устава гласил, что научная и издательская деятельность является основной задачей Общества наряду с оказанием помощи паломникам и поддержанием православия в святых местах [2, 181].

Согласно уставу Общества, его приоритетными задачами в области научной деятельности с 1882 по 1917 г. можно считать изучение еще не исследованных памятников священной старины в Святой земле, а именно организацию археологических раскопок в Палестине и сопредельных с нею странах; дальнейший сбор географических и этнографических данных; поиск древних рукописей в храмах и церквях Палестины и на Синае.

С 1882 по 1917 г. в работе Общества принимали участие практически все крупнейшие русские востоковеды – специалисты по истории, археологии, этнографии, филологии Палестины и других стран Ближнего Востока: В.Р. Розен, Н.П. Кондаков, Н.Я. Марр, Н.А. Медников, В.Г. Васильевский, И.Ю. Крачковский и многие другие.

Важнейшей задачей Палестинского Православного общества был поиск древних

рукописей в храмах и церквях Палестины и на Синае, их обработка, систематизация и издание; составление комментариев и подготовка к публикации многочисленных хождений русских и иностранных паломников к святым местам.

Наибольший интерес в этом плане представляла экспедиция под руководством А.А. Цагарели в Палестину и на Синай, организованная Православным Палестинским обществом в 1883 г. Как итог этой поездки Обществом была опубликована книга А.А. Цагарели «Памятники грузинской старины в Святой земле и на Синае», в которой наряду с очерком пути дан исторический обзор взаимоотношений, складывавшихся между Грузией и Святой землей, описаны грузинские памятники.

В приложении приводятся каталоги грузинских рукописей, хранящихся в монастырях Палестины и Синае. Всего А.А. Цагарели было обнаружено 226 грузинских рукописей религиозного содержания, датированных VII в. н.э. и более поздним временем.

Им был найден также неполный, но хорошо сохранившийся текст Библии на грузинском языке, датированный концом XI – началом XII в. Исследования А.А. Цагарели внесли вклад главным образом в изучение грузинской письменности. Им было доказано, что связи Грузии с Палестиной сложились задолго до того, как Грузинская православная церковь в VI в. была приписана к Антиохийской патриархии.

Для анализа, перевода и научного комментирования древних палестинских рукописей в 1902 г. на Синай была отправлена экспедиция в составе Н.Я. Марра, И.А. Джавахова, византиниста А.А. Васильева. Экспедиция была организована Православным Палестинским обществом совместно с Петербургским университетом и Восточным отделением Археологического общества.

Большую работу по описанию 1900 греческих рукописей из библиотеки Иерусалимской патриархии проделал по поручению Православного Палестинского общества известный византинист А.П. Папандопуло-Керамевс.

При этом для Общества было характерно стремление ознакомить как можно больше людей с результатами научных исследований, что предполагало издание древнехристианских рукописей, описаний хождений русских и иностранных паломников к святым местам.

Научно-издательская деятельность Православного Палестинского общества получила всемирное признание благодаря «Православному Палестинскому сборнику», серии которого с 1881 по 1917 г. составили 63 выпуска.

В «Палестинских сборниках» того периода печатались как научные исследования, так и наиболее ценные памятники древнерусской и средневековой европейской литературы, представлявшие описания хождений паломников в Святую землю. С 1886 г. Общество выпускало «Сообщения», публиковавшие материалы научного характера. До 1917 г. Общество издало 93 научных труда, снискавших ему широкую известность.

За период с 1882 по 1917 г. в «Православных Палестинских сборниках» были изданы оригиналы и переводы 11 греческих и четырех латинских хождений. Среди них «Бордосский путник» (IV в. н.э.), Епифаний (IX в. н.э.), Савва Сербский (XIII в. н.э.), Иоанн Фока (XII в. н.э.) и др. В сборниках были напечатаны все 13 древнерусских паломничеств допетровского и послепетровского времени.

Как важная составляющая организаторами Общества рассматривалась археологическая деятельность. Проведение раскопок было связано с покупкой земель, для них необходимых, соответственно с финансовыми возможностями. Таким образом, основная проблема при проведении раскопок – ограниченность денежных средств.

При этом Православным Палестинским обществом было проведено два полновесных археологических исследования: раскопки на Русском месте в Иерусалиме и археологическое путешествие по Сирии и Палестине под руководством Н.П. Кондакова.

Как объект была выбрана территория между храмом Воскресения и иерусалим-

ской базарной площадью. Основным результатом этих раскопок можно считать остатки Константиновой базилики и второй иерусалимской стены. Был также обнаружен порог «Судных врат», через которые Христос шел на распятие к Голгофе.

Раскопки, произведенные Православным Палестинским обществом на Русском месте, сослужили реставрации Константиновых сооружений ту службу, что, кроме более точного измерения расстояний, прояснили план пропилеев, доказали, что открытая площадь не была смежной с пропилеями и отделялась от них внушительным сооружением, которым могла быть только базилика.

Ось сооружений представляла не прямую, а ломаную линию. Раскопки объяснили причину такого отклонения тем, что при сооружении базилики строители воспользовались теми древнееврейскими стенами, которые были найдены на Русском месте, и ось которых не совпадала с осью западных Константиновых сооружений.

Результаты, полученные экспедицией Н.П. Кондакова, практически не освещенные в научной литературе, можно систематизировать следующим образом: в ходе поездки были проведены раскопки на Елеонской горе, в результате которых обнаружен эллинистический саркофаг. Экспедицией была собрана коллекция старинной керамики и монет. Итоги экспедиции Н.П. Кондакова до сего времени не получили должной оценки ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

Заслуга Православного Палестинского общества состоит также в привлечении внимания исследователей к проблемам новой истории Ближнего Востока. Русское востоковедение ориентировалось на изучение преимущественно древней и средневековой истории этих стран. Первым показал необходимость изучения современной арабской культуры И.Ю. Крачковский. Исследователь впервые приступил к систематическому научному изучению арабской литературы, исследовал классическую арабскую литературу, поэзию и метрику. В его трудах системати-

ческий характер приобретает внимание к арабской диалектологии. По замечанию И.И. Конрада, им впервые создается исчерпывающая история русской арабистики [3, 248].

Следуют особо выделить научную деятельность Н.А. Медникова, связанную исключительно с двумя учреждениями: Православным Палестинским обществом и Петербургским университетом. В 1887 г. Н.А. Медников начинает титанический труд по собиранию и разработке арабских источников по истории Палестины, работа над которым заняла 15 лет [4, 92].

Совместно с И.П. Помяловским он редактирует русскую обработку карты Палестины, участвует в комиссии Общества по пересмотру программ и инструкций для учебных заведений Православного Палестинского общества, в заседаниях педагогического съезда при разработке программ по арабскому языку. В целом, ряд деятелей Общества проявляют себя как выдающиеся методисты. Проводится множество педагогических конференций и семинаров.

Сфера научных интересов Православного Палестинского общества была чрезвычайно широка. Медицинские исследования, проводимые Обществом, способствовали оказанию помощи местному населению и паломникам. В 1890 г. Д.Ф. Решетило по поручению общества изучил причины болотных лихорадок в Палестине, активно участвовал в поисках способов их диагностики и лечения [5, 112].

Изучение истории, археологии, этнографии, культуры Палестины, Сирии, Ливана и других стран Ближнего Востока в России в XIX – начале XX вв. достигло значительных успехов. В этом немалая заслуга принадлежит Православному Палестинскому обществу.

В анализируемый нами период в научной деятельности Православного Палестинского общества доминировало два направления. Активно проводились археологические рас-

копки (прежде всего раскопки на Русском месте в Иерусалиме и археологическое путешествие по Сирии); большое внимание уделялось систематизации, описанию, научной обработке и изданию древних рукописей, найденных в Палестине и на сопредельных с ней территориях; работа по поиску и исследованию древних рукописей. Вся эта деятельность требовала организации масштабных экспедиций, уделявших также внимание сбору географических и этнографических данных. По всем указанным направлениям были достигнуты значительные результаты.

Успехи научно-исследовательской деятельности Общества во многом определялись тем обстоятельством, что в его работе принимали участие крупнейшие русские ученые, путешественники, общественные деятели того времени.

Согласно В.В. Бартольд, «в XIX веке изучение Востока сделало в России может быть еще более значительные успехи, чем в Западной Европе» [1, 232], и в этом немалая заслуга принадлежит Православному Палестинскому обществу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бартольд В.В. Сочинения. М., 1977. Т. IX.
2. Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907) : историческая записка, сост. по поручению Совета О-ва проф. А.А. Дмитриевским. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1907.
3. Конрад И.И. Запад и Восток. М., 1988.
4. Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам // Православный Палестинский сборник. СПб., 1903. Т. XVII. Вып. 50. Ч. I-IV.
5. Решетило Д.Ф. Болотные лихорадки в Палестине. Исследование причин и определение микроорганизмов болотных лихорадок // Православный Палестинский сборник. СПб., 1901. Т. IX. Вып. 3.
6. Цагарели А.А. Памятники грузинской старины в Святой земле и на Синае // Палестинский сборник. СПб., 1888. Т. IV. Вып. 10.

УДК 94(520).033.55

Трегубенко А.В.

Санкт-Петербургский государственный университет

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ЯПОНИИ (1945-1947)

A. Tregubenko

Saint Petersburg State University

SOVIET-AMERICAN CONFRONTATION IN JAPAN (1945-1947)

Аннотация. Статья посвящена исследованию советско-американского противостояния в ходе послевоенной оккупации Японии в 1945-1947 гг. На основе архивных материалов автор анализирует основные проблемы взаимодействия СССР и США по вопросам устройства послевоенной жизни Японии, выявляет стратегические цели сторон в данном процессе. Особое внимание автор уделяет рассмотрению глубинных целей участия Советского Союза в оккупации. Результаты исследования позволяют утверждать, что данный период явился определяющим для установления влияния США на Японских островах, ознаменовавшегося подписанием Сан-Францисского мирного договора и Договора безопасности 1951 г., а также заложил основы «холодной войны» в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: холодная война, оккупация Японии, СССР, США, Сан-Францисский мирный договор.

Abstract. The article studies Soviet-American confrontation during the occupation of Japan in the period from 1945 till 1947. On the basis of the archives the author analyses the key issues of the USSR-USA interaction regarding postwar life in Japan, reveals strategic goals of the both parties in the process. Particular attention is paid to the Soviet Union's true aims in the occupation of Japan. The results of the research allow to assert that the period was of crucial importance for strengthening the US influence in Japan, which epitomized in the San Francisco Peace Treaty and Security Treaty signed in 1951, and vaging Cold War in Asia-Pacific Region.

Key words: cold war, occupation of Japan, the USSR, the USA, the San Francisco Peace Treaty.

Традиционно принято считать, что определяющим для судеб послевоенного мира явилось взаимодействие стран-победительниц во Второй мировой войне – прежде всего СССР и США, – по вопросу мирного урегулирования в Европе. Аналогичный процесс в Азиатско-Тихоокеанском регионе стал, однако, не менее значимым. Будучи неразрывно связанными с европейскими, вопросы устройства послевоенной жизни в Азии, а также методы их решения определили начало и степень противостояния в «холодной войне», имели долгосрочные последствия для двусторонних отношений СССР и США.

Особый интерес для исследования представляют первые годы советско-американского взаимодействия по вопросу послевоенной оккупации Японии: не утратив еще потенциала сотрудничества, недавние союзники определяли в 1945-1947 гг. принципы отношений на долгие годы вперед. От их действий зависела судьба целого региона, а как оказалось впоследствии, и всего мира.

Кроме того, именно в 1945-1947 гг. определились долгосрочные стратегические партнеры Советского Союза и Соединенных Штатов в АТР, причем не в соответствии с изначальными планами «великих держав»: США, не возлагавшие в 1945 г. особых надежд на сотрудничество с Японией, именно благодаря закреплению в этой стране по Сан-Францисскому мирному договору и Договору безопасности 1951 г. обрели стратегическое влияние в АТР; СССР, не

оказывавший до 1947 г. серьезной военной поддержки китайским коммунистам [17], получил в 1949 г. верного союзника в лице КНР. При этом в советско-японских отношениях на долгие годы закрепились проблемы и предубеждения, которые и сегодня продолжают оказывать «сдерживающее воздействие» [9] на развитие российско-японского сотрудничества.

Вопросы послевоенного мирного урегулирования в отношении Японии не раз становились предметом исследования многих ученых мира. Однако большинство из них концентрировали внимание на рассмотрении отдельных аспектов этого процесса, как то: политика США в отношении Японии в конце 40-х – начале 50-х гг., выявление истоков территориального спора между СССР и Японией [19; 21], осуществление репатриации и т. п.

Иностранные авторы уделяют большое внимание изучению причин успеха американской политики в Японии. В большинстве случаев они подчеркивают, что США удалось вовлечь страну в сферу своего влияния не столько за счет мощной экономической поддержки, сколько благодаря инновационному подходу к проведению политики, внедрению новых идей и технологий [20]. Кроме реформы системы управления, анализу подвергаются даже такие факторы влияния США в Японии, как появление бесплатной подписки на популярные журналы и расширение библиотечной сети [22]. В целом надо признать, что послевоенное развитие американо-японских отношений подробно изучено западными исследователями. Рассмотрение же вопросов мирного урегулирования СССР и Японии ограничивается историей территориального спора.

В отечественной историографии роль Советского Союза в послевоенном урегулировании с Японией, цели, которые преследовало советское руководство, принимая в нем участие, степень и способы поддержки коммунистической партии Японии – т. е. все то, что определяло советский вклад в развитие событий на Дальнем Востоке – остаются малоизученными. Основной пласт литературы

по данному вопросу составляют монографии советских авторов, которые подробно перечисляют инициативы советских дипломатов в органах союзного контроля над Японией. Шаги советской дипломатии, не подвергаясь критическому разбору, предстают при этом исключительно справедливыми, оправданными и целесообразными. Ответственность за провал мирного урегулирования возлагается на Соединенные Штаты [14; 18; 11].

Современные российские авторы крайне кратко освещают события данного периода, придерживаясь, однако, схожих идеологических установок. Так, например, А.А. Кошкин подчеркивает «заслугу Сталина как руководителя государства, отстаивавшего геополитические и военно-стратегические интересы нашей страны» [13, с. 5], оправдывая при этом применение любых методов. Аналогичной точки зрения придерживаются и авторы сборника «Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке» [16].

Особую позицию занимает Е.Л. Катасонова, исследующая проблему пребывания японских военнопленных в СССР [12]. Пытаясь понять, какое влияние она оказала на отношения СССР с союзниками и Японией в 1945-1956 гг., автор приводит ранее не публиковавшиеся документы, доказывающие, что японской стороне до настоящего момента не представлены достоверные сведения о количестве захваченных Советским Союзом в 1945 г. японских граждан. Вопросу пребывания японских военнопленных на территории СССР также посвящена работа В. Николаева [15].

Российские архивные материалы по данной теме остаются малодоступными для исследователей. Источники Архива внешней политики Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации содержат в большинстве случаев переписку советских дипломатов в Японии с МИД СССР и Государственным Департаментом США по техническим вопросам, обзоры прессы и пр., тогда как конкретные инструкции МИД советским

дипломатам, указания о степени и формах поддержки коммунистической партии Японии остаются нерассекреченными.

Таким образом, в зарубежной и отечественной историографии очевидно присутствует неисследованный вопрос, вследствие чего вся картина послевоенных советско-американских отношений может быть понята некорректно.

В данной работе мы ставим своей целью определить степень влияния советско-американского противостояния в Японии в 1945-1947 гг. на стратегическую расстановку сил в АТР и начало «холодной войны» в регионе. Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: рассмотреть основные события советско-американского взаимодействия в 1945-1947 гг. по вопросам оккупации Японии, выявить стратегические цели сторон в данном процессе.

В первые послевоенные месяцы СССР, опасаясь повторного нападения со стороны Японии, предложил Соединенным Штатам заключить двусторонний договор безопасности. На встрече Государственного секретаря США Д. Бирнса и Народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова 22 сентября 1945 г., последний заявил, что «Советское Правительство считает своевременным заключение между США и СССР договора против возможного возобновления агрессии со стороны Японии» [5, 37]. Забегая вперед, следует сказать, что переговоры по данной инициативе вскоре зашли в тупик, т.к. в советско-американских отношениях появились более важные вопросы. По мере их усложнения идея договора сама собой утратила актуальность.

Беспокойство советской стороны вызывал порядок капитуляции и разоружения японской армии. Высказывая озабоченность тем, что при капитуляции американским войскам «офицеры и рядовой состав как Военно-морского флота, так и Армии Японии не объявляются военнопленными, а демобилизуются и уходят по домам» [5, 38], СССР настаивал на «пленении японской армии», как происходило в советской зоне ответственности.

Основным вопросом, который предстояло решить союзникам в первые месяцы после капитуляции Японии, было учреждение органов союзного контроля над страной. Американская сторона предлагала создание Дальневосточной консультативной комиссии в составе США, Великобритании, СССР и Китая, решения которой носили бы рекомендательный характер. Советский Союз, не желая, по словам И. Сталина, «фигурировать в качестве бесплатного приложения, [...] государства, разделяющего ответственность за политику по отношению к Японии, но не имеющего на нее влияния» [4, 79], высказывал категорический протест. Поскольку в рамках Совета министров иностранных дел сторонам не удалось прийти к единому мнению, США пошли на односторонний шаг, объявив в начале октября 1945 г. о создании Дальневосточной консультативной комиссии, от работы в которой СССР отказался. Только после очередного раунда напряженных переговоров в декабре 1945 г. сторонам удалось прийти к компромиссу и учредить Союзный Совет для Японии и Дальневосточную комиссию. Органы союзного контроля начали работу в феврале 1946 г.

В 1946 г. союзники обсудили вопросы переустройства политической и экономической жизни Японии, как-то: проведение аграрной реформы, разработка принципов рабочего законодательства, учреждение новой конституции, порядок выборов в парламент страны, проблемы отстранения от власти лиц, причастных к организации и ведению агрессивной войны и др.

Соединенные Штаты исходили из представления том, что контроль над Японией и инвестиции в ее переустройство должны осуществляться ровно настолько, чтобы обеспечить демократизацию ее политического строя и предотвратить социальные последствия тяжелого экономического положения в стране. Задача масштабного экономического и промышленного развития возлагалась при этом на будущее японское правительство, США в таком случае могли сосредоточить внимание на китайском вопросе.

В соответствии с директивами представителям СССР в Союзном Совете для Японии и Дальневосточной комиссии, основными задачами советских дипломатов являлись: воздействие «на внутривнутриполитические процессы [в Японии] в смысле содействия наиболее широкой демократизации этой страны», «создание [в стране] правительства, состоящего из представителей всех демократических партий и организаций Японии» [3, 158-159], пересмотр «с точки зрения государственных интересов СССР имеющихся директив, приказов и распоряжений с целью их изменения дополнения или отмены» [2, 162]. При этом необходимо отметить, что слова «демократия», «демократический» в советском и американском дискурсе 1940-50-х гг. были неизбежно связаны с различием по содержанию.

Советские дипломаты подвергли критике осуществление аграрной реформы, т. к. она не предполагала, по мнению СССР, «передачи феодально-помещичьей земли крестьянам» [2, 163]. Отказ председательствующего в Союзном Совете для Японии Д. Ачесона в ходе заседания 10 июля 1946 г. включить в проект предложения К.Н. Деревянко по рабочему вопросу на том основании, что большинство его рекомендаций уже воплощены в законодательстве страны, был назван «рядом антисоветских выпадов» [1].

Действия японских властей по демилитаризации государственного аппарата страны и наказанию главных военных преступников также были признаны неудовлетворительными. Назвав демобилизационное бюро «убежищем для официально распущенного японского генерального штаба» [7, 643], советские представители составили собственный список лиц, подлежащих т. н. «чистке». Невыполнение его требований было названо впоследствии покровительством американских властей бывшим японским военным преступникам.

Важным событием во внутренней жизни Японии, вызвавшим немалые прения среди союзников, участвовавших в ее оккупации, явилось провозглашение новой конституции страны. Разработанный штабом верховного

главнокомандующего оккупационными войсками совместно с правительством Японии проект вносил радикальные изменения в основной закон: предоставлял гарантии прав человека, закреплял отказ Японии от войны как средства решения международных споров, реформировал законодательные органы государственной власти, ограничивал власть императора.

Вопрос о сохранении императорской власти вызвал коренные разногласия союзников. После провозглашения капитуляции Японии СССР продолжал настаивать на упразднении императорского трона, предании императора Хирохито суду как военного преступника и установлении в стране республиканской формы правления. В США, напротив, полагали, что любой суд над этой символической фигурой мог бы вызвать тяжелое разочарование. В итоге было принято решение оставить императорскую власть в Японии в качестве символа с условием, что император сделает публичное заявление, в котором опровергнет божественное происхождение своей власти.

Одной из самых острых проблем советско-американского взаимодействия в ходе оккупации Японии было взыскание со страны репараций, и прежде всего, определение того, что входит в это понятие. Вопрос приобрел актуальность в первые послевоенные месяцы, когда СССР настаивал на передаче ему «четверти кораблей японского флота, начиная с миноносцев», а также «надводных судов менее крупного тоннажа», при том, что «крупные корабли японского военно-морского флота, такие как линкоры и крейсера, равно как и японские подводные лодки» [8, 66] должны были быть потоплены. Кроме того, СССР предлагал не включать в счет репараций военные трофеи, захваченные странами-победительницами. Это означало, что сверх уже «изъятых стратегических предприятий и вывезенных неотъемлемых частей промышленности» [10] Маньчжурии, находившейся под советским контролем, Советский Союз намеревался получить значительные суммы в счет репараций с Японии. Для защиты сво-

их прав на имущество в Маньчжурии СССР отказался допустить на подконтрольные ему территории Северной Кореи и Маньчжурии миссию американского экономиста Э. Поули, призванную оценить оставшуюся японскую собственность и разработать на этом основании репарационную программу.

Острой проблемой на протяжении всего периода 1945-1947 гг. продолжала оставаться репатриация японских военнопленных. В нарушение 9 пункта Потсдамской декларации, гласившего, что «японским вооруженным силам после того, как они будут разоружены», должно было быть предоставлено право «вернуться к своим очагам с возможностью вести мирную и трудовую жизнь», [6] репатриация с территории СССР не была завершена даже к 1951 г.

Таким образом, к середине 1947 г. потенциал сотрудничества между сторонами был исчерпан. На предложение Соединенных Штатов созвать 19 августа 1947 г. конференцию для выработки условий мирного договора с Японией, Советский Союз ответил отказом. Формальным основанием для этого явился предложенный формат и порядок голосования. Мирный договор с Японией, по мнению советской стороны, мог быть разработан четырьмя державами – СССР, США, Великобританией, Китаем, – наделенными правом вето при голосовании, в рамках Совета министров иностранных дел. Американцы же предлагали созвать конференцию в составе одиннадцати государств-членов Дальневосточной комиссии с правом принятия решений двумя третями голосов.

События первых лет оккупации Японии явились подтверждением того, что между бывшими союзниками начала разыгрываться борьба за долгосрочное стратегическое влияние в регионе. Цели участия Советского Союза в оккупации Японии не ограничивались возвращением отторгнутых некогда у него территорий. У США были свои интересы к сохранению преимущественного влияния в Японии; не об этом ли говорят существующие на Окинаве и сегодня американские военные базы? США, осознав, что в короткие

сроки осуществить демократизацию Японии и переложить ответственность за дальнейшее развитие страны на ее правительство не удастся, перешли после 1947 г. к более жесткой политической линии. Период с 1948 по 1951 гг. характеризовался сворачиванием в Японии либеральных реформ, фактическим прекращением работы органов союзного контроля, преследованием КПЯ, жесткой конфронтацией между СССР и США. Логика «холодной войны» начала работать в полную силу. Поэтому в 1951 г., даже будучи приглашенным к подписанию Сан-Францисского мирного договора, Советский Союз не мог изменить его условий, а соответственно, не мог на них согласиться.

Период с 1945 по 1947 гг. остался в истории временем больших надежд и неиспользованных возможностей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Вопрос о рабочем законодательстве в Союзном Совете для Японии. 5 февраля 1946 г. // Правда. 1946. 18 июля.
2. Директивы представителю СССР в Дальневосточной комиссии для Японии. 5 февраля 1946 г. // Советско-американские отношения. 1945-1948. Под ред. Г.Н. Севостьянова; сост. В.В. Алдошин, Ю.В. Иванов, В.М. Семенов. М.: МФД, 2004. С. 162-164.
3. Директивы члену Союзного Совета для Японии от СССР о его задачах по выполнению условий капитуляции Японии. 24 января 1946 г. // Советско-американские отношения. 1945-1948. Под ред. Г.Н. Севостьянова; сост. В.В. Алдошин, Ю.В. Иванов, В.М. Семенов. М.: МФД, 2004. С. 157-161.
4. Запись беседы И.В. Сталина с послом США в СССР У.А. Гарриманом о работе Совета министров иностранных дел и по вопросам, относящимся к Японии. 25 октября 1945 г. // Советско-американские отношения. 1945-1948. Под ред. Г.Н. Севостьянова; сост. В.В. Алдошин, Ю.В. Иванов, В.М. Семенов. М.: МФД, 2004. С. 78-85.
5. Запись беседы Народного Комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с Государственным Секретарем США Д.Ф. Бирнсом о выполнении условий капитуляции Японии. 22 сентября 1945 г. // Советско-американские отношения.

- 1945-1948. Под ред. Г.Н. Севостьянова: сост. В.В. Алдошин, Ю.В. Иванов, В.М. Семенов. М.: МФД, 2004. С. 37-39.
6. Заявление глав правительств Соединенных Штатов, Соединенного королевства и Китая (Потсдамская декларация) от 26 июля 1945 г. // Системная история международных отношений в четырех томах. 1918-2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 2. Документы. 1918-1945. М.: Московский рабочий, 2003. С. 226-227.
7. Заявление представителя СССР в Союзном Совете для Японии генерал-лейтенанта Деревянко по поводу деятельности демобилизационного бюро при японском правительстве от 5 октября 1946 г. // Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы. Январь-декабрь 1946 года. М., 1952. С. 641-645.
8. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова государственному секретарю США Д.Ф. Бирнсу по вопросу о японском военно-морском флоте. 19 октября 1945 г. // Советско-американские отношения. 1945-1948. Под ред. Г.Н. Севостьянова: сост. В.В. Алдошин, Ю.В. Иванов, В.М. Семенов. М.: МФД, 2004. С. 66.
9. Российско-японские отношения. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. [2009]. URL: <http://www.in.mid.ru/ns-russia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/90a286d60a41792fc32575ae002aa997> (дата обращения 21.07.2011).
10. Ambassador Edwin W. Pouley to the Acting Secretary of State. 1946. 22 June. // Foreign Relations of the United States [электронный ресурс] / Официальный сайт Государственного Департамента США. URL: <http://www.state.gov/r/pa/ho/frus/> (дата обращения 21.07.2011).
- Литература:*
11. Березин В.Н. Курс на добрососедство и сотрудничество и его противники. Из истории нормализации отношений СССР с послевоенной Японией. М.: ИМО, 1977. 144 с.
12. Катасонова Е.Л. Японские военнопленные в СССР. Большая игра великих держав. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2003. 427 с.
13. Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М.: ОЛМА-Пресс, 2004. 478 с.
14. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М.: ИМО, 1962. 560 с.
15. Николаев В. Страницы истории. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях // Азия и Африка сегодня. 2003. № 11. С. 61-62.
16. Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке / Авт.-Сост. А.А. Кошкин. М.: Вече, 2010. 464 с.
17. Самохин А.В. Дальневосточная политика И.В. Сталина: Китай в военно-политическом противостоянии СССР и США. 1945-1953. Хабаровск: Частная коллекция, 2007. 230 с.
18. Эйдуc X.Т. СССР и Япония. Внешнеполитические отношения после Второй мировой войны. М.: Наука, 1964. 223 с.
19. Ferguson J. Japanese-Russian Relations, 1907-2007. London, 2008. 280 p.
20. Hein L. Statistics for Democracy: Economics as Politics in Occupied Japan // Positions: east asia cultures critique. 2003. Vol. 11. № 3. P. 765-778.
21. Japan and Russia. The Tortuous Path to Normalization 1949-1999, by Rozman Gilbert (Editor). New-York, 2000. 400 p.
22. Kushner B., Masaharu S. Digesting Postwar Japanese Media // Diplomatic history. 2004. Vol. 29. No.1. P. 27-48.

УДК 327(091)“20”

Бирюков А.М.

*Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт (г. Коломна)*

**АМЕРИКАНО-СОВЕТСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ КОНЦА
1970-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-х ГОДОВ И РОЛЬ
СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА**

A. Biryukov

*Moscow Region State Institute
of Humanities and Social Studies, Kolomna*

**THE AMERICAN-SOVIET CONFRONTATION IN LATE
1970s – EARLY 1980s AND THE ROLE OF THE GULF COUNTRIES**

Аннотация. В статье рассмотрен комплекс американо-советских проблем в сложный период двусторонних отношений. Показаны идеологические, военно-политические и экономические факторы противостояния сверхдержав. Особое место уделено позиции ряда стран Персидского залива, принимавших активное участие в разрешении острой нефтяной проблемы, оказавшей сильное воздействие на изменение характера отношений США и СССР в середине 1980-х гг. Выделяется дискуссионный вопрос о реальности плана американских властей по подготовке спада мировых цен на нефть ради резкого ослабления советского государства как на мировой арене, так и в решении вопросов внутренней политики.

Ключевые слова: США, СССР, «холодная война», нефтяной фактор, страны Персидского залива, Саудовская Аравия, Иран.

Abstract. This paper considers a range of the American-Soviet problems in the shadow of the Cold War. The powers confrontation is revealed through ideological, military and political factors. The author pinpoints the role of some Gulf countries which took an active part in solving the petroleum problem, and thus bringing some changes to US-Soviet relations in the mid-eighties. The study also focuses on the disputable question of the Reagan administration's plan for oil price shock to weaken the Soviet state in both foreign and domestic policies.

Key words: the USA, the USSR, Cold War, oil factor, Gulf countries, Saudi Arabia, Iran.

Важнейшим мировым политическим процессом второй половины XX в. была «холодная война», основным проявлением которой было противостояние двух ядерных сверхдержав. Это противостояние имело широкие формы соперничества идейно-политических и социально-экономических систем, концентрированным выражением которых были сами государства-лидеры «свободного мира» и «социалистического лагеря».

В своих глобальных планах и Кремль, и Белый дом старались опередить друг друга в закреплении своего политического присутствия в странах «третьего мира» – например, мерами торгово-финансового характера (поставки продовольствия и предложение дешёвых кредитов), военно-технического сотрудничества и идейно-политической помощи. Постепенно сближение доходило и до размещения военных баз, и до участия предприятий старшего партнёра в освоении местных ресурсов. Как результат – новый союзник плотно втягивался в орбиту интересов одной из сверхдержав по всему комплексу двусторонних отношений.

Даже в тех регионах, где у одного из соперников могло не быть конкретных интересов, противостояние продолжалось из логики политического противостояния – «уйдём мы – придут они». В тех же случаях, когда явная заинтересованность действительно имела,

© Бирюков А.М., 2011.

борьба сверхдержав за контроль над отдельными странами и целыми регионами принимала активный характер. Такого рода прямым интересом являлся нефтяной фактор, ярко проявившийся в политике ряда стран региона Персидского залива, обретших независимость в 1950-1960-х гг. и обладающих значительными запасами углеводородного сырья.

С одной стороны, Советский Союз, традиционно поддерживавший борьбу колониальных народов за независимость, изначально обладал определённым авторитетом для новых государств, особенно для тех, где у власти укрепились светские республиканские режимы. Эти государства обращались к СССР за военной и/или политической помощью, что создавало вполне очевидную зависимость и давало Москве возможность усиливать там своё присутствие. Другие страны, напротив, искали американской помощи – например, для борьбы с влиятельными нефтяными ТНК. Значительную роль, как представляется, играло то, что СССР, являясь нефтеизбыточным государством, претендовал больше на политическое влияние; США же демонстративно преследовали экономический интерес в вопросах цены на нефть и условий поставок. Понятно, что и Москва, и Вашингтон старались установить максимально плотный контроль по всему комплексу нефтяных проблем стран региона – после Второй мировой войны совершенно очевидной стала взаимосвязь «большой нефти» и мировой политики. Можно предположить, что советский интерес (при наличии своих достаточных ресурсов нефти) к странам Персидского залива, странам иной политической, социальной и духовной культуры был бы умеренным, если бы не американская активность, базирующаяся на кардинально ином экономическом принципе – обязательном и постоянном поиске источников масштабного нефтеимпорта. Таким образом, для создания объективной картины противостояния мировых держав в бассейне Персидского залива следует первоначально признать, что политика и США, и СССР в данном реги-

оне проводилась с разных базовых позиций.

Первоначально играя в мировой политике незначительную роль, страны Персидского залива очень удачно – в рамках своих региональных интересов – осуществили создание ОПЕК, что позволило быстро и эффективно консолидировать общие усилия и, приняв участие в возникновении мирового топливно-энергетического кризиса, резко повысить уровень своего влияния до мирового. Можно утверждать, что страны данного региона использовали борьбу сверхдержав за мировое лидерство в своих интересах и, проведя при настороженном внимании США и СССР национализацию нефтепромышленности, в результате добились значительного и очевидного успеха, выступив фактически с позиции третьего «центра силы» в контроле над мировыми ресурсами углеводородов.

Мировой топливно-энергетический кризис привёл также к значительному усилению международных позиций СССР и соответствующему ослаблению американского глобального влияния. Это вынудило правительство США лихорадочно реализовывать различные варианты политической компенсации – от «политики разрядки» Р. Никсона до борьбы за права советских евреев Дж. Картера. Если бы Кремль пошёл на облегчение условий эмиграции евреев в Израиль, то это бы крайне негативно отразилось бы на престиже СССР в регионе Ближнего и Среднего Востока. Советские лидеры определили характер требований Картера как провокационный и нашли контрмеры, значительно усилив своё присутствие в регионе активной политической поддержкой дружественных сил в Афганистане (это проявилось в успехе Саурской революции 1978 г.). Более того – Москва практически одновременно с этим предпринимала меры, направленные на ослабление американского присутствия на Среднем Востоке через поддержку противников шахского режима в Иране, главном союзнике США в регионе (есть основания считать, что Москва прорабатывала различные варианты своего участия в будущей судьбе Ирана, вплоть до ввода войск (например, для

защиты от угрозы гражданской войны «братского народа» иранского Азербайджана).

Степень угрозы американским интересам в регионе Среднего Востока оказалась настолько серьёзной, что Вашингтон – в свою очередь – пошёл на распространение слухов о своём вторжении в Афганистан с целью разместить на отрогах Гиндукуша крылатые ракеты, способные угрожать «мягкому подбрюшью» СССР (намёк на ситуацию с размещением ракет в Турции в 1961 г.); наряду с существованием в Иране американских станций слежения за пусками советских ракет новая угроза СССР с территории Афганистана должна была оказаться «последней каплей» [3, 62]). В результате концепция советского геополитического присутствия на Среднем Востоке была перестроена на оказание «интернациональной помощи» афганскому народу, хотя в случае удачи «иранского проекта» Афганистан автоматически оказался бы под плотным контролем СССР.

Прямое советское присутствие в Афганистане Вашингтон компенсировал углублением своих отношений с Саудовской Аравией. Длительное время саудиты целенаправленно ограничивали отношения с Вашингтоном продажей нефти и покупкой оружия, в т. ч. высокотехнологичного, но в условиях роста нестабильности в регионе (новый курс иранской теократии на панисламизм, иракские претензии на роль лидера арабского национализма, советизация Афганистана) Эр-Рияд пошёл на непростой, но заранее обдуманый шаг – принятие как политического решения «мнения о том, что если безопасности страны и целостности нашей территории будет грозить опасность, а нашим войскам будут противостоять значительно превосходящие силы противника, мы не раздумывая обратимся за помощью к любому дружественному государству, с которым у нас есть общие интересы, – в том числе и к США» [8, 27]. Под «общими интересами» обеих стран следует понимать: а) взаимную зависимость от экспорта-импорта нефти; б) взаимный интерес в экспорте-импорте вооружений; в) процесс реинвестирования нефтедолларов, получен-

ных Саудовской Аравией в оплату нефти от США (преимущественно) в наиболее крупные и надёжные американские фирмы; г) потребность Эр-Рияда в американском военно-политическом покровительстве для защиты от угроз со стороны просоветского Ирака и теократического Ирана и потребность Вашингтона в гарантировании поставок углеводородного сырья из бассейна Персидского залива. Американский исследователь Стивен М. Горелик так охарактеризовал американский интерес и политику по его защите: «...после пика в американском производстве нефти в 1970-х гг. США начали сильно зависеть от нефтяного импорта, и нефтяная зависимость стала главной целью американской внешней политики. США содержат войска, чтобы защитить Ближний Восток и застраховаться от разрушения системы глобального нефтяного снабжения» [перевод мой – А.Б.] [13, 12].

Особый интерес представляет процесс реинвестирования саудовским правительством доходов от продажи нефти в экономику западных стран. Установление особых финансовых отношений не только открыло для Эр-Рияда доступ к новейшим военным технологиям Запада, но и более того – приобретая акции основных промышленных гигантов Запада, саудиты становились и де-юре, и де-факто совладельцами этих компаний со всеми вытекающими из этого юридического состояния возможностями и правами [11, 45].

С годами эта взаимовыгодная связь только усиливалась – Эр-Рияд, фактически участвуя на стороне США в их попытке ослабить СССР понижением мировой цены на нефть в середине 1980-х гг., в значительной степени гарантировал свои авуары в Европе и Америке; США и другие страны Запада, решительно выступив на защиту Саудовской Аравии и Кувейта в августе 1990 г., защищали не только свои сырьевые, но и финансово-промышленные интересы. Неофициальный, но прочный американо-саудовский блок по борьбе с советским нефтяным влиянием сформировался, как представляется, на рубеже 1970-1980-х гг.; активная фаза его деятельности в

рассматриваемый период пришлась на середину 1980-х годов, на период президентства Р. Рейгана.

Рейган и его советники, формулируя новое содержание политики США в отношении СССР, увидели вполне очевидное – СССР не меньше зависел от внешнего рынка нефтепродуктов, чем США; только на нём советское правительство могло превратить свою нефть в валюту. Огромные ресурсы нефти Западной Сибири до момента их продажи на мировом рынке были скорее потенциалом, чем реальной мощностью. Рейгану удалось выйти из-под влияния «магии цифр», описывающих сырьевое могущество Советского Союза, и перенести борьбу на своё поле, где цены на нефть определялись в долларах, а верным партнёром выступала политически преданная Саудовская Аравия. Визиты в страны ОПЕК вице-президента Дж. Буша (до вступления в должность – крупного нефтепромышленника) и директора ЦРУ У. Кейси могли быть последними уточнениями перед началом игры с ценой на нефть – если бы действительно удалось снижением мировой цены хотя бы на 1 доллар лишить СССР валютных поступлений в размере 0,5-1 млрд. долларов в год, то риск можно было бы считать оправданным [14].

Впрочем, вопрос об умышленности действий президентской администрации по применению против СССР «нефтяной бомбы» далеко не прост. Так, видный американский консервативный историк, старший научный сотрудник Гуверовского института войны, революции и мира Питер Швейцер, реконструируя последовательность тех политических событий, так описал полученный эффект: «...в августе 1985-го в сердце советской экономики внезапно был загнан нож. Хотя она это не сразу почувствовала. Саудовская Аравия открыла шлюзы и залила мировой рынок нефтью» [10, гл. 17]. По мнению Швейцера, обвал мировых цен на нефть с последующими драматическими событиями внутри СССР (вплоть до его распада) есть результат многосторонней и многоходовой операции администрации президента Рейгана и дирек-

тора ЦРУ Кейси, в рамках которой увязывались и гонка вооружений (ракетно-ядерных и космических), и афганская проблема, и роль нефтяного фактора, и зоологический антикоммунизм.

У Швейцера есть серьёзные критики – ряд западных исследователей не склонен поддерживать версию о целенаправленном обвале мировых цен на нефть Соединёнными Штатами и Саудовской Аравией ради выведения из «большой игры» Советского Союза. Так, автор фундаментального труда «Добыча: всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть» Дэниел Ергин [4, гл. 32] фактически игнорирует политическую мотивацию спада нефтяных цен, сосредоточивая своё внимание на «экономической версии» – на факте переполнения мирового рынка дешевой саудовской, советской и североморской нефтью. С Ергиним солидаризируется и старший вице-президент итальянского нефтегазового концерна Епi Леонардо Мауджери («Нефтяной век: мифология, история и будущее самого спорного мирового ресурса»), обвиняющий Швейцера в том, что тот, опираясь на личные беседы с сотрудниками бывшей рейгановской администрации, построил свои умозаключения на «unproven declarations» («неподтверждённых, недоказанных заявлениях») [15, 296]. Оба исследователя склонны видеть в действиях администрации Рейгана, скорее обратный эффект – стремление не допустить дальнейшего снижения цен (ниже \$10) с перспективой поднятия их до уровня \$18 за баррель [4, гл. 36]. В этом есть своя экономическая логика – удешевление нефти ведёт к потере интереса государства к разработке новых источников энергии (битуминозные сланцы, кукурузный этанол) и борьбе за более эффективное использование уже имеющихся; дешёвая иностранная нефть ведёт к заметному ослаблению собственной нефтегазовой промышленности. «Главное здесь очевидно: дешёвая нефть может быть хороша в краткосрочной перспективе, но долговременные последствия этого могут быть действительно болезненными» [перевод мой – А.Б.][12].

Тем не менее в пользу версии Швейцера говорит сама история – советская экономика, перегруженная с начала 1980-х гг. срочными заданиями в рамках «гонки вооружений» на земле и в космосе, в 1985 г. явно ощутила «нефтяной» удар. Это имело свои результаты как в рамках общего противостояния Запада и Востока, так и на уровне борьбы сверхдержав за лидерство. Ослабла военно-политическая помощь СССР своим союзникам и по всему миру, и в регионе Среднего Востока (Ирак, Афганистан). В СССР пошёл всё ускоряющимися темпами процесс парализации власти, хотя причины экономических трудностей и меры по их возможному преодолению представителям высшей власти были вполне понятны [9, 305-307].

Быстрое ослабление СССР позволило уже в конце 1980-х гг. администрациям Рейгана и Буша-старшего расширить зону своего политического влияния на те регионы, которые ранее находились в зоне советских интересов (это продолжилось и в рамках политики глобализации 1990-х гг.). Однако быстро выяснилось, что принятая Соединёнными Штатами на себя ответственность за весь мир непомерно тяжела. Общее ухудшение условий жизни в рамках наступившей «свободы по-американски» привело к обострению классовой борьбы уже на международном уровне – население стран «золотого миллиарда» предстало для полуголодного большинства жителей Земли коллективным эксплуататором, достойным того, что бы начать против него «мировую классовую войну». «Далеко не радостно чувствуют себя и те силы на Западе, которые, стремясь убрать одного противника, проглядели, как вместо него пришел другой, принес с собой насилие, террор и угрозу их собственным интересам» [6]. Если СССР в роли «внешнего врага», на необходимость противостояния которому можно было списать почти всё американские социально-экономические проблемы, был в основном понят и предсказуем (в силу единства политического и культурного наследия европейской цивилизации) [2, 51], то новый внешний враг характеризовался принадлеж-

ностью к иной политической культуре, иному образу действий, что и было доказано 11 сентября 2001 г. Особенно болезненным для США оказалось то, что угроза пришла со стороны давнего союзника – Саудовской Аравии, «Родины ислама», где длительное американское военное присутствие воспринималось населением как тяжкое оскорбление ислама. Именно Саудовская Аравия стала одним из инициаторов проекта по отказу от доллара как нефтяной валюты – странами Персидского залива было решено создать свою, региональную, условно названную «нефтяной риал» [5; 1]. Иран, которому ослабление СССР позволило найти пристойный выход из войны с опиравшимся на советскую военную помощь Ираком, в последующие годы продолжал занимать резкую антиамериканскую позицию; при этом отношения Тегерана с Москвой начали заметно улучшаться по целому ряду направлений – от сотрудничества в ядерной энергетике до совместного противостояния планам США закрепиться в бассейне Каспийского моря. Кремль с интересом отнёсся к предложениям иранских властей о возможности перехода нефтеэкспортирующих стран при международных расчётах за нефть с долларов на евро (пробные торги начались в марте 2006 г.) [7]. Несомненно, что реализация этих проектов в рамках политики обретения большей глобально-экономической самостоятельности странами-экспортёрами нефти – дело близкого будущего.

Эти разнообразные и сложные процессы, как представляется, были во многом порождены событиями американо-советского противостояния конца 1970-х – первой половины 1980-х гг., в котором нефтяной фактор сыграл, безусловно, одну из главных ролей. Исходя из этого, представляется возможным сделать ряд выводов.

Во-первых, характер мероприятий американской администрации первой половины 1980-х гг. соответствовал общему курсу противостояния сверхдержав; ряд важных мировых процессов позволил придать заключительному этапу «холодной войны» заметный топливно-энергетический характер.

Во-вторых, глубокий анализ советской экономики позволил американским политикам выявить в ней не только ряд серьёзных внутренних проблем, но и разработать и применить комплекс эффективных действий по её ослаблению с использованием общемировых экономических процессов.

В-третьих, следует особо выделить позицию главного союзника США в бассейне Персидского залива – Саудовской Аравии, которая, выступая с позиций претендента на региональное лидерство, будучи экономически тесно связанной с Соединёнными Штатами и воспринимая СССР как конкурента в глобальной торговле нефтью, сыграла свою роль в ослаблении советского военно-политического присутствия в Заливе и нефтеэкспортного – в мире.

В-четвёртых, вопрос о существовании особого плана администрации Р. Рейгана по провоцированию спада мировых цен на нефть специально для нанесения непоправимого ущерба Советскому Союзу на данный момент следует считать недостаточно исследованным; при этом его решение представляется исторически исключительно важным.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арабский залив объединяется: Сколько будет стоить «нефтяной риал»? [Электронный ресурс]. Rosinvest.com [сайт]. URL: <http://www.rosinvest.com/news/367419/> (дата обращения: 15.08.2011).
2. Видал Гор. Почему нас ненавидят? Вечная война ради вечного мира. М.: АСТ, 2003. 155 с.
3. Вудворд Боб. Признание шефа разведки. М.: Политиздат, 1990. 480 с.
4. Ергин Дэниел. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: «ДеНово», 1999. 936 с.
5. Ковалев Алексей. Арабское евро для Персидского залива [Электронный ресурс]. Pravda.ru [сайт]. [2003]. URL: <http://www.pravda.ru/economics/rules/globalcooperation/23-12-2005/71735-gulf-0/> (дата обращения: 01.08.2011).
6. Красильников Рэм. Пиррова победа Вашингтона [Электронный ресурс]. Независимое военное обозрение: [сайт] [1997]. URL: http://nvo.ng.ru/spforces/2000-11-24/7_victory.html (дата обращения: 15.07.2011).
7. Малинин Сергей. Получится ли у Ирана сбросить доллар с нефтяного пьедестала [Электронный ресурс]. Pravda.ru [сайт]. [2003]. URL: <http://www.pravda.ru/economics/materials/oil/79400-bourse-0> (дата обращения: 10.06.2011).
8. Султан Халед ибн. Воин пустыни. Личный взгляд на войну в заливе командующего Объединёнными вооружёнными силами. М.: Дар-эль-Кэмам, 1996. 478 с.
9. Фалин Валентин. Конфликты в Кремле. М.: «Центрполиграф», 2000. 394 с. С. 305-307.
10. Швейцер Петер. Победа: роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Мн.: СП Авест, 1995. 464 с.
11. Bahgat Gawdat. American Oil Diplomacy in the Persian Gulf and the Caspian Sea. Gainesville, University Press of Florida, 2003. 231 p.
12. Bryce Robert. Paying the price for cheap oil [Электронный ресурс]. The Guardian [сайт]. URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/cifamerica/2008/oct/30/us-economy-oil-environment> (дата обращения: 07.08.2011).
13. Gorelik Steven M. Oil Panic and the Global Crisis. Predictions and Myths. Chichester, Wiley-Blackwell, 2010. 257 p.
14. Maass Peter. The Triumph of the Quiet Tycoon [Электронный ресурс]. The New York Times [сайт]. URL: <http://www.nytimes.com/2004/08/01/magazine/the-triumph-of-the-quiet-tycoon.html?pagewanted=4&src=pm> (дата обращения: 15.08.2011).
15. Maugeri Leonardo. The Age of Oil: The Mythology, History, and Future of the World's Most Controversial Resource. Westport-London: Praeger, 2006. P. 296.

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 378 (091)

Феребов А.Н.

Московский государственный областной университет

ФОРМИРОВАНИЕ СОСЛОВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

A. Ferebov

Moscow State Regional University

MOSCOW UNIVERSITY STUDENTS' CLASS IDENTITY FORMATION IN EARLY 19th CENTURY

Аннотация. В предлагаемой статье охарактеризовано стремление государственной власти привить студентам социально-психологические качества личности, свойственные представителям дворянского сословия. Главной целевой аудиторией такого воздействия были студенты недворянского происхождения. При этом была очевидна невозможность полной замены у них черт сословной идентичности. Поэтому перед университетом была поставлена задача воздействовать только на формирование у учащихся дворянских поведенческих навыков. Столичное расположение университета повышало требования к отточенности манер человека. Потому такая «светская тренировка» была полезна и для студентов-дворян из материально не обеспеченных, особенно провинциальных, семей. Студенты разного социального происхождения осознавали необходимость овладения навыками дворянского поведения и стремились перенимать их.

Ключевые слова: Московский университет, сословная идентичность, сословное происхождение студентов, дворянство, светское общество, податное сословие.

Abstract. The article reveals the Russian government's aspiration to inculcate in students social and psychological features peculiar to Russian nobility. The target audience of such influence was mainly students of common origin. As it became obvious that full replacement of the traits of class identity was impossible, therefore University was set a task to merely foster noble manners in lower class students. The fact that University was located in the capital raised the requirements for perfect manners. Thus, such «high society training» was also useful for students-noblemen from poor, especially provincial families. Students of different social origin realized the necessity of mastering skills of noble behavior and aspired to acquire them.

Key words: Moscow University, class identity, students' social origin, nobility, society, obligated class.

До сих пор изучение социализирующего воздействия Московского университета первой половины XIX в. исследователи вели в области научной и профессиональной подготовки,

формирования социально-политических взглядов студентов. Проблема особенностей сословной идентичности лиц, принадлежавших к университету, была затронута только в отношении профессоров первой четверти XIX в. [1, 77-78; 15, 84-92].

Касательно социального положения выпускников университета авторы ограничивались указанием на предоставленное им по уставам 1804 и 1835 гг. право на получение классного чина при вступлении в службу. В результате этого они «уже лишались исходных сословных различий» [13, 26]. Однако, например, приобретение указанного права на чин приводило к изменению сословной принадлежности студентов недворянского происхождения, составлявших в рассматриваемый период от 30 до 68 % учащихся Московского университета. Вопрос о приготовлении студентов к предстоящей им роли представителей определенного социального слоя России остается открытым.

При этом речь может идти только о приготовлении студентов к вхождению в дворянскую среду. Как известно, университетский аттестат до 1832 г. давал права личного дворянства, а после 1832 г. – личного почетного гражданства. Однако у выпускников низкого сословного происхождения оставалась возможность получить личное дворянство вскоре после окончания университета до середины XIX в. Согласно манифесту 1845 г. «О порядке приобретения дворянства службою» на это имели право лица, получившие 14 класс в военной службе [4, 158]. Ряд же законов – 1806, 1807, 1829 и 1835 гг., даровал всем выпускникам университетов право на ускоренное, обычно через 6 месяцев, приобретение первого офицерского чина в военной службе по вступлении в нее [18, 391-392, 408, 411-412; 19, 265, 762].

Нацеленность на приобщение студентов к нормам дворянской культуры была предопределена и тем, что обучение в университете было завершающим этапом в воспитании многих молодых потомственных дворян. Вряд ли родители поместили бы для этого своих детей в заведение, целенаправленно

готовившее учащихся к тому, чтобы соответствовать, например, купеческому окружению. Напротив, по словам Ф.И. Буслаева, «...купцы, по крайней мере у нас в Москве, смотрели тогда на университет недоверчиво и косо и даже боялись его для своих сыновей, чтобы они в студентах не “обофицерились”» [2, 100]. Дворяне, опасаясь влияния «неприличного общества» на своих детей, неоднократно изъявляли желание, чтобы разночинцам был закрыт доступ в университеты [17, 66; 25, 74]. Потому о целенаправленном формировании какой-либо иной, кроме дворянской, сословной идентичности речи в первой половине XIX в. быть не могло.

Целью данной статьи является выявление в организации образовательного процесса Московского университета первой половины XIX в. способов целенаправленного формирования у студентов сословно-идентифицирующих черт, характерных для представителей дворянства, и выяснение успешности такого воздействия.

Следует заметить, что применительно к изучаемому периоду перед университетом не могла быть поставлена задача полной замены всех черт социальной идентичности выходца из низших сословий на дворянские. Распространенные в то время в России педагогические воззрения указывали, что социально-психологические качества человека формируются в детстве [12, 308, 337]. Университет же занимал последнюю по времени прохождения юношами ступень системы народного просвещения. Следовательно, в университеты должны были поступать молодые люди со сформированными психологическими качествами личности, обладавшие опытом жизни на определенном уровне иерархизированного общества. Потому задачей университетов было, прежде всего, формирование в дворянском духе внешних форм проявления личности, т. е. поведенческих навыков студентов. Такая «светская тренировка» была необходима и для студентов-дворян из материально недостаточных семей, где им не могли дать должного воспитания. Ведь нахождение университета в столичном

городе, безусловно, повышало требования к отточенности манер человека.

Исходя из вышеизложенного, при выполнении поставленной цели представляется продуктивным использование семиотического подхода к исследованию бытового поведения, широко известного благодаря работам Ю.М. Лотмана [6]. Нормы дворянского воспитания подробно описаны в исследованиях О.С. Муравьевой, В.В. Пономаревой и Л.Б. Хорошиловой [8; 14].

Первым внешним признаком социальной принадлежности человека первой половины XIX в., заметным постороннему наблюдателю, была одежда. Еще при Павле I для студентов Московского университета была определена форма, цветовой окрас которой последующие императоры изменяли. В первой четверти XIX в. университетское начальство слабо следило за ее ношением студентами. В правление Николая I на это стали обращать пристальное внимание.

С правлением Николая I связано и четкое формулирование в узаконениях причин и целей установления формы для студентов. Во-первых, она облегчала надзор за их дисциплиной. Во-вторых, она символизировала уготованное студентам положение государственных служащих [21, 589-590]. Особенная роль при этом с 1837 г. была придана шпаге, благодаря которой, по мнению министра народного просвещения, студенты, «резко отличаясь тогда от воспитанников средних учебных заведений», почитали бы себя «как бы в службе», в ней «как бы соединяется понятие о сохранении чести носимого мундира» [20, 1246-1247]. При этом понятие о «честь мундира» неоднократно доводилось до студентов в середине 1830-х – 1850-е гг. через их инспектора. Так, проект правил для студентов Московского университета 1854 г. гласил: «Сохраняя честь носимого мундира, Студенты должны всегда и везде служить образцом благородства и вежливости, строго соблюдать правила порядка...»¹.

Надо отметить, что предписания о подоб-

¹ Центральный исторический архив Москвы (далее: ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 271. Д. 34. Л. 3-4; Оп. 251. Д. 1.

ном отношении к форме находило положительный отклик в студенческой среде середины 1830-х – 1840-х гг. [2, 14; 5, 342; 7, 233; 9, 152; 23, 71]. На фоне изобилия свидетельств об «отсутствии формы» в более ранний период этот факт показывает успешность правительственной политики в данном вопросе [7, 88, 93; 9, 151]. Причем перемена в отношении к мундиру произошла среди студентов как из дворян, так и из других свободных от податей сословий.

Что касается студентов податного происхождения, то в условиях сословного устройства российского общества идея «чести носимого мундира» должна была быть для них неразрывно связана с повышением своего социального положения. «Офицерская шпага», как заметил А.М. Феофанов, «являлась символом личного достоинства» и, врученная недворянам при производстве в студенты, как бы уравнивала их «в правах с благородным сословием» [24, 160]. На такое значение шпаги внимание министерства народного просвещения было обращено в 1810-х гг. Циркулярами 1811 и 1814 гг. выходцам из податных сословий было запрещено носить шпаги, как «право, принадлежащее только свободным состояниям». В связи с этим С.В. Рождественский отметил, что «лишение права носить шпагу имело для учащихся из податных состояний известное моральное значение, ставя их в более низкое положение сравнительно со студентами дворянами, как полноправными гражданами университета» [16, 19-21]. Тем самым социализирующее значение столь яркого по сословному содержанию элемента одежды, как шпага, для студентов низкого происхождения было исключено. Однако свидетельства более позднего времени показывают, что, по мнению государственной власти, сословно-идентифицирующие черты у студентов должна была образовывать не столько шпага, сколько мундир в целом и манера его ношения. В 1849 г. Николай I, отчитывая попечителя Московского университета за случаи нерадения студентов в ношении формы, заметил: «Я бы желал, чтоб эти молодые

люди уважали мундир... этот мундир, который **уравнивает** богатых и бедных, **знатных и незнатных**. Я бы желал, чтобы... им было внушаемо, что **они готовятся вступить** в службу, **в свет, в общество и что в обществе, с этой наружностью, они будут играть самую жалкую роль**» [3, 250] (выделено мной – А.Ф.). Таким образом, император подчеркивал, что соблюдение правил ношения формы ведет к соответствию требованиям предопределенного для выпускников университета ближайшего общественного, точнее, дворянского окружения.

Внешним отражением социальной принадлежности человека первой половины XIX в. были и его манеры, характер телодвижений. Выработка способности управлять своим телом была важнейшим элементом воспитания дворян, характеризовавшим цельность их натуры, в том числе владение своим внутренним миром. Лучшим средством для выполнения этой задачи были уроки танцев.

Университетское законодательство начала XIX в. не оговаривало целенаправленного внимания к данной стороне воспитания студентов. Однако в штатах Московского университета всегда была предусмотрена должность танцмейстера [18, 148-149, 265; 19, 745]. Предписания более четкого характера появились позже в связи с усилением внимания к поведению студентов. «Инструкция директору Казанского университета» 1820 г. определяла, что нравственному воспитанию студентов, в числе прочего, надлежит «объявить и возделывать» их «наружное обращение» [18, 1203]. Более развернуто эта задача была описана в «Инструкции Инспектору студентов Императорского Московского Университета» 1834 г. Инспектор был обязан «замечать учащимся всякую странность и неприличие в приемах, походе и телодвижениях» и требовать, чтобы все, «для коих он сочтет сие нужным, являлись в танцевальный класс», где бы им «показываемо было, каким образом должно входить, кланяться и держать себя в обществе благовоспитанных людей» [20, 831].

Говоря о реализации данных положений, следует отметить редкость упоминаний быв-

шими студентами о занятиях танцами в университете. Такие сведения известны только для начала XIX в. [7, 56, 64, 76; 22, 45-46]. Более поздних свидетельств учащихся нет, хотя отчеты Московского университета 1840-х гг. показывают, что должность учителя танцев была занята [10, 3; 11, 3].

При этом студенты второй четверти XIX в. вполне осознавали необходимость владения «благопристойными манерами». Для студентов недворянского происхождения это было связано, в том числе, с частным преподаванием уроков детям благородных семей. К примеру, Ф.И. Буслаев, сразу после выпуска ставший учителем сына гофмаршала барона Л.К. Боде, вспоминал: «перенесенный так внезапно... из разнокалиберного товарищества казеннокоштных номеров в аристократическую семью, живо почувствовал я угловатую неуклюжесть своих бурлацких манер, которые на каждом шагу могли бы нарушать условные правила светских приличий и благовоспитанности... Самолюбие не позволяло мне резко отличаться доморощенными привычками в этой новой среде...» [2, 139-140]. Стоит отметить, что он, благодаря семейному знакомству с другой родовой дворянской фамилией, еще в бытность студентом получал в приятельской атмосфере «уроки, как вести себя в обществе прилично, по-светски, с соблюдением собственного достоинства» [2, 43-44]. Как видно, результаты этих уроков оказались недостаточными для полной «огранки» манер несветского человека. Но они вполне могли обеспечить более органичное вхождение студентов недворянского происхождения, а также не получившим должного воспитания студентам-дворянам, в новую для себя среду, дать представление о требуемых в ней формах поведения. Это позволяло им почувствовать себя если не «своими среди своих», то «соответствующими» данному социальному кругу.

Немалую роль для существования в дворянском обществе первой половины XIX в. играло и владение французским языком, бывшем в нем разговорным. По уставам в Московском университете были положены должности лекторов новейших европейских

языков: французского, немецкого, английского, итальянского. Казалось бы, это должно было обеспечить студентам благоприятные условия для овладения иностранными языками. Однако, по мнению студентов, например, 1820-х гг., «ординарные лекции иностранных литератур были доступны студентам изучившим эти языки дома с своими гувернерами..., а не для гимназистов, которые с большими ошибками могли делать перевод с этих языков на русский» [9, 144]. К 1840-м гг. ситуация не изменилась. Методические проблемы преподавания иностранных языков в это время были отмечены П.Д. Шестаковым: «лектора, играя роль профессоров, читают историю литературы на французском или немецком язык», тогда как, «имея в виду небогатые знания новых языков, выносимые учениками из гимназии, лектор должен, не мудрствуя лукаво, продолжать дело гимназического учителя, т.е. укреплять студентов в знании языка, путем переводов с этого языка на русский» [27, 660].

Делопроизводственные документы Московского университета уточняют характер интереса студентов к изучению европейских языков. Следует отметить, что к 1840-м гг. в Московском университете установилась балльная система определения знаний студентов. На основе среднего балла, высчитываемого особым способом из полугодовых и годовых отметок по особому набору предметов для каждого факультета, студентов могли перевести на вышестоящий курс или оставить на второй год. По той же системе определяли присуждаемую выпускнику степень, от которой зависели приобретаемые им права при вступлении в государственную службу. Однако баллы за новейшие иностранные языки при этих вычислениях не учитывались. Летом 1848 г. декан 1-го Отделения философского факультета С.П. Шевырев подал в Совет донесение, в котором отметил, что такое положение привело к низкой заинтересованности студентов в изучении английского и итальянского языков¹. По свидетельству

А.Н. Афанасьева, окончившего университет как раз в 1848 г., можно уточнить, что эта незаинтересованность, в отношении, правда, немецкого языка, проявлялась в непосещении соответствующих занятий [7, 262]. Предложение С.П. Шевырева о включении отметок по иностранным языкам в расчеты переводных и выпускных баллов не было поддержано. Анализируя данную ситуацию, следует отметить отсутствие упоминаний о пренебрежении студентами занятиями французским языком, который на рубеже 1840-х – 1850-х гг. преподавали два лектора [26, 565]. Это обстоятельство показывает повышенное внимание студентов к овладению французским языком. Причем речь вряд ли может идти о студентах из знатных дворянских фамилий, для которых французская речь была родной с детства. Означенный интерес следует связывать со студентами недворянского происхождения и студентами из малообеспеченных, особенно провинциальных, дворянских семей.

Таким образом, организация передачи студентам Московского университета первой половины XIX в. сословно-идентифицирующих черт поведения, соответствовавших предстоящей им роли представителей дворянского общества, была составной частью процесса их социализации. Его составными элементами были привитие студентам принятых в дворянской среде норм внешнего вида, навыков светского обращения и овладение языком общения. Восприятие студентами недворянского происхождения и детьми малообеспеченных дворян означенных способностей было затруднено разными обстоятельствами, однако они стремились к их приобретению, сознавая необходимости этого для настоящей и дальнейшей жизни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с., ил.
2. Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М.: Фон-Бооль, 1897. VIII, 387 с., ил.
3. Голохвастов Д. К Истории Московского Универ-

¹ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1250. Л. 1-4 об., 9-12.

- ситета. Дмитрий Павлович Голохвастов // Русский Архив. 1887. Кн. 2. С. 245-251.
4. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи XVIII – начало XX век. М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.
 5. Костенецкий Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни // Русский архив. 1887. Кн. 1. С. 321-349.
 6. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). 2-е изд., доп. СПб.: «Искусство-СПб», 2008. 413 с., ил.
 7. Московский университет в воспоминаниях современников. (1755-1917) / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. 735 с.
 8. Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. М.: LINKA – PRESS, 1995. 271 с.
 9. Назимов М.Л. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 год. Из воспоминаний старожила // Русский Вестник. 1876. № 7. С. 74-161.
 10. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского Университета за 1840-41 академический и 1841 гражданский годы. [М., 1842].
 11. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского Университета за 1847-1848 академический и 1848 гражданский годы. [М., 1849].
 12. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Т. 1. XVIII в. – первая половина XIX в. / Отв. ред. М.Ф. Шабаева. М.: Педагогика, 1973. 605 с.
 13. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 2. Студенчество. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 464 с.
 14. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Университетский Благородный пансион. 1779-1830 гг. М.: Новый хронограф, 2006. 432 с., ил.
 15. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Человек Александровской эпохи: Взгляд с Моховой // Университет для России. Т. 2. / Под ред. В.В. Пономаревой и Л.Б. Хорошиловой. М.: ООО «Торгово-издательский дом Русское слово – РС», 2001. С. 9-150.
 16. Рождественский С.В. Сословный вопрос в русских университетах в первой четверти XIX века. СПб.: Сенатск. тип., 1907. 28 с.
 17. Рябикова Т. Б. Численный и сословный состав студентов Московского университета // Вестник Московского университета. Серия история. 1974. № 5. С. 57-67.
 18. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование Императора Александра I. 1802-1825. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1864. 1722 стб. 46 с. разд. паг.
 19. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование Императора Николая I. Отд. 1. 1825-1839. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1864. IV с. 1224 стб., 64 с. 42 стб. разд. паг.
 20. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование Императора Николая I. Отд. 1. 1825-1839. Изд. 2-ое. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. 1576 стб. 69 с. 54 стб. разд. паг.
 21. Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. Т. 1. 1802-1834. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1866. 988 стб. 43 с. разд. паг.
 22. Снегирев И.М. Воспоминания // Русский архив. 1905. Кн. 2. С.10-56.
 23. Толстой М.В. Мои воспоминания // Русский архив. 1881. Кн. 2. С. 42-131.
 24. Феофанов А.М. Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. 253 с., ил.
 25. Шевченко М.М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: Три квадрата, 2003. 268, [2] с.: портр., факс.
 26. Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755-1855. Репринтное издание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 600 с.
 27. Шестаков П.Д. Московский университет в 1840-х годах // Русская старина. 1887. № 9. С. 641-662.

УДК 947.081.12 (с 132)

Бурцева Е.Е.

*Тульский государственный педагогический университет
им. А.Н. Толстого*

КОРПОРАТИВНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА СОЗНАНИЯ ТУЛЬСКИХ МЕЩАН В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Ye. Burtseva

Tula Leo Tolstoy State Pedagogical University

CORPORATISM AS THE MAIN FEATURE OF TULA'S LOWER-MIDDLE CLASS IN LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES

Аннотация. Статья посвящена исследованию «корпоративной составляющей» сознания мещан губернского города Тулы в последней трети XIX – начале XX вв. Автор пытается ответить на вопрос, являлась ли корпоративность характерной чертой мещанского сознания. В основе изучения поставленного вопроса лежит анализ делопроизводственных материалов органов городского и сословного самоуправления г. Тулы из фондов Государственного архивного учреждения Тульской области «Государственный архив» (ГАУ ТО). В статье выявлено, что жизнедеятельность тульских мещан протекала в соответствии с определённой, принятой внутри мещанской корпорации системой норм и правил, и корпоративность являлась характерной чертой их сознания.

Ключевые слова: мещанское общество, губернский город Тула, общественное сознание, корпорация, корпоративность.

Abstract. The article deals with the corporate component of the lower-middle class consciousness of the provincial Tula town in the last third of the 19th – early 20th centuries. The author attempts to answer the question if corporatism was the main feature of Tula lower-middle class consciousness. The study is based on the analysis of the town business administration records of self-government bodies and the Tula archives. The article reveals that the Tula lower-middle class activity was subjected to a definite, inner-corporate system of standards and regulations, which makes the author conclude that corporatism was the main feature of lower-middle class consciousness.

Key words: lower-middle class, the provincial Tula town, social consciousness, corporation, corporatism.

Модернизационные процессы, происходившие в Российской империи на рубеже XIX – XX вв., затронули не только политико-правовую и хозяйственно-экономическую сферы, но также социальную и духовную жизнь. Изменения пореформенной эпохи способствовали трансформации традиционного общественного уклада в индустриальный, для которого характерно: сокращение доли населения, занятого в сельском хозяйстве; урбанизация общества; рост грамотности населения; применение науки во всех сферах деятельности, постепенная рационализация социальной жизни и т. д. [1].

Формирование индустриальной культуры и нового мировоззрения неизбежно повлекло за собой изменение в сознании отдельных групп населения. Исследование исторического процесса во всем многообразии возможно только через осознание роли человека в нем, через понимание отношения индивида к происходящим событиям. Изучение миропонимания и мироощущения людей как исторических субъектов дает возможность понять эпоху изнутри, с точки зрения человеческого измерения общественных явлений.

Всплеск интереса к проблеме общественного сознания и менталитета горожан в отечественной науке наблюдается с 90-х гг. XX в. Внимание к ней проявляли не только историки, но и социологи, политологи, антропологи, философы, психологи и др. Обращают на себя вни-

мание работы А.И. Куприянова, написанные по материалам городов Западной Сибири [4; 5]. В последнее десятилетие в различных регионах страны появился ряд диссертаций [2; 6; 8], посвященных разноплановому исследованию ментальности городского населения.

Цель данной статьи – попытаться ответить на вопрос, являлась ли корпоративность характерной чертой сознания мещан г. Тулы в последней трети XIX – начале XX вв., выявить определяющие признаки мещанской корпорации в условиях крупномасштабных преобразований российского общества. Источниковую базу статьи составил комплекс делопроизводственных материалов органов городского и сословного самоуправления Тулы, а также публикации периодической печати рассматриваемого периода.

В статье используются следующие термины: *общественное сознание* – отображение в духовной деятельности людей интересов, представлений различных социальных групп, классов, наций, общества в целом [9]; *корпорация* – группа лиц, объединяемая общностью профессиональных или сословных интересов; *корпоративность* – преданность интересам корпорации [10, т. 1, 1475], чувство принадлежности к единой группе.

Конечно, наиболее полным воплощением традиционной корпорации являлась крестьянская община, система ценностей которой оказалась наименее восприимчива к развернувшемуся процессу модернизации [3, 7]. Крестьяне, переселяясь в города и пополняя собой мещанское сословие, привносили в городскую среду нормы корпоративного мышления.

Важную роль в жизни горожанина играла сословная принадлежность, определяющая круг его основных прав и обязанностей. В 1785 г. по «Жалованной грамоте городам» мещане получили право корпоративного объединения и сословного самоуправления, которое обладало определёнными организационными особенностями. Так, мещане г. Тулы составляли Тульское мещанское общество, имеющее свое управление. Первоначальное мещанское управление осуществлял

мещанский староста – должностное лицо, представлявшее первичную организацию мещан.

Значительные изменения произошли после принятия Городового Положения 1870 г.: в городах учреждались мещанские управы. Являясь коллегиальными органами управления, управы занимались повседневными текущими делами обществ. В составе Тульской мещанской управы был председатель и два его помощника – члены управы, у которых также было по помощнику. Все они избирались на общем собрании общества на три года. Избирались также члены Сиротского суда, члены ревизионной комиссии и члены попечительского совета. Для нормальной деятельности мещанских органов самоуправления привлекались и наёмные служащие. Центральным органом мещанских обществ в городах являлось собрание, обладавшее распорядительной властью. На нём мещане обсуждали общинные дела, утверждали бюджеты и различные предложения, избирали должностных лиц для управления обществом. Общие собрания мещан г. Тулы обычно проходили 3-4 раза в год, иногда их количество достигало 8-12¹.

Деятельность мещанского общества была достаточно обширной: оно поддерживало общественный порядок, следило за паспортным режимом, учитывало население, занималось решением хозяйственных вопросов, оказывало помощь нуждающимся, содержало школы, богадельни, приюты и т. д. Городовое положение 1892 г. сохранило сословные организации в городе, не изменив их функции.

Состав мещанства регулировался сохранением обязательной приписки к мещанскому обществу города. Причисление осуществлялось решением общего собрания и оформлялось приемным приговором после предоставления увольнительного свидетельства.

¹ Государственное архивное учреждение Тульской области «Государственный архив» (далее ГАУ ТО «Государственный архив»). Ф. 506 (Тульская Мещанская Управа).

ства от прежнего общества. В свою среду мещане принимали далеко не всех желающих; для них было важно, чтобы принимаемый человек был благонадежным, поведения хорошего, веры православной, наказание за преступление, если таковое совершил, отбыл. Кроме того, чтобы мог заплатить положенный взнос обеспечения, составлявший в последней трети XIX в. в Туле от 15 руб. до 25 руб., в начале XX в. размер взноса в некоторых случаях достигал и 100 руб.¹ Приём в корпорацию не являлся формальностью, а предполагал, что каждый новый её член соглашался с правилами и нормами, существующими в мещанском обществе, и обязывался их выполнять.

Так, 3 августа 1900 г. на заседании Тульского мещанского общества слушали прошение Леонида Михайловича Гурьяна, иудейского вероисповедания, о принятии его в среду тульского мещанского общества. «Он изъявил согласие пожертвовать на благотворительные учреждения по усмотрению Управы 50 руб. Причем представил бессрочную паспортную книжку ...»². И при подаче прошения высказал намерение, что «хочет быть из иудейского вероисповедания присоединен к православной Греко-Российской Церкви чрез совершение над ним таинства крещения ...»³. Только после такого пожелания мещанское общество вынесло решение: «принять ... Л.М. Гурьяна в свою среду ...»⁴. Следует отметить, что прошения о вступлении в мещанское общество от лиц неправославного вероисповедания, как правило, не удовлетворялись, и такие просители обычно получали отказ⁵. Тем не менее они могли быть всё же приняты в мещанское общество, если были в состоянии внести повышенный

взнос обеспечения, который достигал для них 150 руб.⁶

Принятые в среду мещанского общества новые члены, независимо от национальности и вероисповедания, становились «своими» и приобретали стандартные для всех права и обязанности. То есть, по сути, членство являлось социальной основой корпоративных отношений и выступало предпосылкой возникновения правомочий у участников корпорации.

Несмотря на отмену подушной подати во второй половине XIX в. (1863 г.), мещанство оставалось податным сословием; оно продолжало платить сословные общественные сборы, устанавливавшиеся «по приговорам» мещанского общества. В 1878 г. в Туле, например, был установлен сбор в размере 1 руб. 22 коп., что было признано «вполне достаточным на покрытие всех нужд и потребностей Мещанского Общества»⁷. При этом повинности неимущих членов корпорации зачастую раскладывались на состоятельных, что значительно увеличивало платежи последних, ведь в мещанском обществе действовал принцип коллективной ответственности.

В рассматриваемый период мещанская корпорация осуществляла контроль за перемещением своих членов, имела «разрешительное право» на их профессиональную деятельность, на поступление в учебные заведения и в число монашествующих: общее собрание выписывало специальные «увольнительные свидетельства». В 1880-е – 1890-е гг. мещанское общество Тулы выдавало такие свидетельства, например, для поступления на службу в почтово-телеграфное ведомство⁸, для обучения разным наукам в Императорской Московской консерватории⁹, для поступления в Богородицкое сельскохозяйс-

¹ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 14. Л. 21.

² ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 9. Л. 194.

³ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 9. Л. 194.

⁴ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 9. Л. 194.

⁵ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 14. Л. 80; Д. 5. Л. 55, 67.

⁶ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 14. Л. 23.

⁷ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 3. Д. 4. Л. 8.

⁸ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 9. Л. 354.

⁹ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 1. Л. 86.

твенное училище¹, «на предмет поступления в число монашествующих послушниц тульского Успенского девичьего монастыря»².

Для ведения некоторых видов деятельности необходимым условием являлось получение от общества поручительства о благонадежности. Так, тульская мещанка Мария Павловна Сушкина приобрела право заниматься торговлей книгами и картинами, дозволенными цензурой, только после предоставления губернскому начальству удостоверения мещанского общества о том, что она «поведения очень хорошего, ни в чем предосудительном замечена не была, ведет образ жизни приличный своему званию»³.

Жизнедеятельность членов мещанской корпорации соответствовала определенным, принятым внутри неё правилам, распространявшимся не только на социально-профессиональную деятельность, но и на частную жизнь. Установление таких корпоративных правил осуществлялось для удовлетворения внутренних интересов мещанской организации, чтобы посредством их согласовывать интересы людей и общества. Как и для прочих разновидностей социальных норм, для корпоративных характерно то, что они носят обязательный характер, предназначены для многократного использования, представляют собой стандарты поведения, имеют общий характер регуляционного воздействия.

В случае нарушения тех или иных корпоративных норм морали и нравственности общество обладало возможностью воздействовать на своих членов. Именно в мещанское общество обратилась тульская мещанка Евдокия Федоровна Сенчук с просьбой посодействовать в решении семейных проблем: не выдавать её мужу вида на жительство, так как он, «С.М. Сенчук, бросил её с 5 детьми и не выдает им на содержание»⁴, собираясь

совсем уехать из города. Мещанское общество поддержало женщину, постановив мужу Е.Ф. Сенчук «письменных видов на жительство не выдавать»⁵.

Членами мещанского общества признавалась правомерность контроля со стороны своей корпорации. Ведь корпоративность как категория сознания предполагала признание человеком права контролировать его со стороны корпорации, поскольку именно в этом контроле он усматривал важное условие своего существования [6]. Так, «отец тульского мещанина Илья Арсеньевич Мальцев просил мещанское общество об учреждении опеки над своим сыном за его расточительный образ жизни». По данному прошению было произведено дознание, в ходе которого выяснено, что сын его «Петр Ильич Мальцев действительно ведет нетрезвый образ жизни, ежедневно напивается допьяна, буйствует, развратничает, тащит из дома имущество, продает и деньги пропивает и даже занимается кражами ... , за что предан суду и состоит под особым надзором полиции»⁶. После чего собрание общества постановило: учредить опеку над личностью и имуществом П.И. Мальцева «за его нетрезвый и расточительный образ жизни». Из приведённого выше примера следует, что отец не только допускал вмешательство мещанского общества в решение семейного конфликта, но и считал такое вмешательство вполне легитимным.

На заседаниях Тульского мещанского общества подобные прошения рассматривались довольно часто. Прежде чем вынести решение по каждому конкретному делу, мещанской управой для получения максимально достоверных сведений проводилось тщательное дознание. Оно не было простой формальностью, а являлось обстоятельным расследованием и носило личностно дифференцированный характер. Средством воздействия на членов корпорации за нарушение установленных норм являлось, на-

¹ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 9. Л. 352.

² ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 3. Д. 4. Л. 36.

³ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 5. Л. 74.

⁴ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 9. Л. 254.

⁵ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 9. Л. 254.

⁶ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 9. Л. 369.

пример, ограничение свободы или отдача порочных тульских мещан в работы (казенные, общественные и частные). О применении таких мер свидетельствуют приговоры, сохранившиеся в архивном фонде Тульской мещанской управы¹.

Особый надзор со стороны мещанской корпорации осуществлялся за теми её участниками, которые ранее находились под арестом и желали вновь вернуться в «среду мещан». Так, по решению тульского окружного суда мещанин Иван Нефедович Архангельский «за открытое похищение пальто» был осужден на 1 год и «отдан в Исправительное Арестантское отделение», а по отбытии наказания и «непринятия обществом обратно в среду свою», был сослан в Сибирь «на водворение»². С целью вновь быть принятым в тульское мещанство И.Н. Архангельский предоставил в мещанскую управу: своё прошение «о дозволении ему на родину в Тулу»; предписание Тульского Губернского Правления от 30.10.1900 г. «об истребовании от общества приговора о желании или нежелании принять его в свою среду»; отношение Тобольского Губернатора в Хозяйственный Департамент МВД, в котором было заверено, что «И. Н. Архангельский поведения хорошего». Лишь после рассмотрения всех предоставленных документов тульское мещанское общество решило вновь принять И.Н. Архангельского в свою среду. Стоит обратить внимание, что во всех приведённых примерах общество руководствовалось не формальными нормами закона, а своими корпоративными представлениями о нравственности. Подобные явления характерны для традиционного сознания и корпоративной социальной структуры [6].

Своеобразным «лицом» корпорации являлся руководитель, представлявший всё общество в целом. Поэтому мещанское общество весьма заботилось о достойном имидже руководства и очень болезненно реагирова-

ло на любые попытки очернить своих представителей. Ярким примером тому может служить реакция Тульского мещанского общества на «совершенно не основательную корреспонденцию о злоупотреблениях будто бы в Тульском Мещанском Обществе»³, напечатанную в популярной на тот период газете «Русский Курьер» в № 225 за 1882 г. Публикация эта, по мнению членов Тульского мещанского общества, «заклучала в себе ряд неверных и вымышленных фактов, на которых и основаны все суждения и выводы корреспонденции, направленной против некоторых деятелей Мещанского общества и главным образом против бывшего Мещанского старосты, ныне председателя Тульского Мещанского общества Взаимного Кредита М.В. Морозова»⁴. Тульское мещанское общество посчитало своим долгом представить опровержение, которое было напечатано в № 247 «Московских Ведомостей» за этот же год. А «М.В. Морозову, безукоризненная деятельность коего на пользу Тульского Мещанского Общества, хорошо известна всем членам, ... было выражено искреннее сожаление ...»⁵. То есть в лице бывшего мещанского старосты М.В. Морозова «обидели» всё общество в целом, и оно, оправдывая руководителя, в большей степени защищало самое себя.

Предполагалось, что член общества не может совершать действий, идущих вразрез с интересами корпорации. Даже в тексте клятвы, которую перед вступлением в должность давали избранные мещанские старосты, по сути, присутствовал принцип, сформулированный ещё римскими юристами, *Salus publica suprema lex* (общественное благо – высший закон), в силу которого частные интересы должны уступать интересам общественным: «Буду рассматривать представленный на обсуждение мне предмет без всякого

¹ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 1.

² ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 9. Л. 191.

³ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 3. Д. 7. Л. 34.

⁴ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 3. Д. 7. Л. 34.

⁵ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 3. Д. 7. Л. 34.

лицеприятия, по чистой моей совести и чести, без пристрастия и собственной корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы, если же инаго поступлю, то как нерадивый о благе общественном, в коем и мое собственное заключается, подвергаю себя нареканию собратий моих, а в будущей жизни ответу пред Богом и страшным судом Его»¹.

Ещё одним проявлением корпоративности являлась социальная помощь мещанского общества по отношению к своим членам. Общий уровень жизни мещан в рассматриваемый период был довольно низок: почти на каждом собрании Тульского мещанского общества рассматривались прошения о материальной помощи, о помещении в богадельню, об определении детей в приют или о «сложении недоимок, которые образовались из-за крайней нужды и бедственного положения»². Приговоры собраний, как правило, удовлетворяли просьбу просителей, которые действительно нуждались в деньгах или не могли уплачивать подати по причине старости, уменьшения семейства или бедности. Если же заявленные в прошении причины расценивались мещанским обществом как неосновательные и неуважительные, то оно отказывало в назначении пособия или в оказании помощи. Отказы формулировались следующим образом: «в ходатайстве П.Ф. Козьмину о принятии его в богадельню отказать, так как он, имея 56 лет, в силах зарабатывать себе пропитание»³; или «в ходатайстве А.И. Владимировой об определении её в богадельню отказать, так как у неё есть сын, который обязан содержать мать»⁴.

На оказание корпоративной взаимопомощи расходовались значительные средства, сумма их достигала зачастую более половины годовых бюджетов общества. На доходы, получаемые от капиталов, аренды зданий и

общественных сборов, Тульское мещанское общество, например, содержало школу, Михайловский детский приют (где в 1897 г. воспитывалось 36 детей-сирот [10]), богадельню (где «содержалось 20 лиц престарелых обоего пола»⁵), церковь, выплачивало пенсии и пособия бедным, старым, больным, сиротам и т. п.

Примерно с 90-х гг. XIX в. финансовое положение мещанского общества г. Тулы год от года ухудшалось, так как поступавших средств было явно недостаточно для нормального функционирования, и доходы едва покрывали расходы. В первое десятилетие XX в. ситуация с финансами стала ещё напряженней: «доходы Управы стали настолько ограничены, что их не достаёт даже на раздачу жалованья служащим в Управе и в Приюте»⁶. Но и в трудные для общества времена, согласно прежним, устоявшимся традициям, «по примеру прежних лет, по заведенному порядку»⁷ оно продолжало выполнять свои функции и, по мере возможности, оказывать помощь нуждающимся.

Помимо всего прочего, мещанская корпорация характеризовалась относительной замкнутостью, причем как психологической и информационной, так и пространственной. Практически вся жизнедеятельность мещан протекала внутри их корпорации – мещанского общества и была ограничена групповыми корпоративными интересами. Мещанам как носителям традиционных общественных взглядов, был свойственен определенный консерватизм и аполитичность. Что, отчасти, обусловило возникновение и другого понятия термина «мещанин». Наряду со значением сословной принадлежности, это слово в русском языке определяется как человек «с мелкими, ограниченными собственническими интересами и узким идейным кругозором» [11, т. 2, 207].

¹ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 10. Л. 3.

² ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 12.

³ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 8. Л. 67.

⁴ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 15. Л. 47.

⁵ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 12. Л. 28.

⁶ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 11. Л. 234.

⁷ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 9. Л. 383.

Мещане были, пожалуй, той категорией населения, представители которой в наименьшей степени поняли и поддержали революционные события XX в. Подобные социальные катаклизмы вызывали у них недоумение, тревогу, осуждение и неприязнь, о чем можно судить, исходя из материалов внеочередного собрания Тульского мещанского общества, состоявшегося 19 декабря 1905 г.: «События в последнее время в Туле приостанавливают обычные занятия жителей и угрожают жизни каждого лица не только на улице, но и в доме, и в церкви во время богослужения. Группа вооруженных революционеров, забастовщиков 11 декабря произвела нападение на школу, церковь, при вокзале Московско-Курской железной дороги. Революционеры стреляли в окна церкви, ранили несколько человек молящихся, те же вооруженные лица явились в тульские ж/д мастерские и, угрожая оружием, разогнали всех рабочих ... ». Вызывает интерес не только отношение тульских мещан к этим событиям, но и решение, которое они приняли единогласно: «Мы, члены Тульского Мещанского Общества ... должны против вооруженных революционеров и забастовщиков вооружаться и для сего просим Г. Начальника Тульской Губернии, на время, пока не водворится порядок в губернии, отпустить в распоряжение Председателя Мещанской Управы 500 казенных револьверов с 50 боевыми патронами к каждому для раздачи таковых благонадежным отцам под расписку с обязательством возвращения оных по водворению порядка в Туле»¹.

А вот война была в понимании мещан бедой общей, когда необходимы сплоченность, помощь и действия. Летом 1914 г. тульские мещане из своих скудных средств выделили 200 руб. в тульское местное управление Российского общества Красного Креста на лечение раненым воинам. Не остались без внимания и поддержки со стороны мещанских обществ семьи запасных солдат, призванных

на войну: им оказывалась денежная помощь и были списаны все недоимки².

Сведения о деятельности мещанского общества г. Тулы встречаются в архивных материалах и после февраля 1917 г. На продолжавшихся летом этого года собраниях общества были избраны делегаты «в исполнительный комитет и в совет рабочих от союза мещан Тулы: Н.Н. Рязанцев, Н.С. Казаков, Д.И. Курбатов»³. То есть мещанство и в новых политических условиях надеялось на дальнейшее существование, используя прежние механизмы решения своих проблем.

Мещанское общество г. Тулы продолжало функционировать вплоть до ноября 1917 г. и было упразднено на основании «Декрета об уничтожении сословий и гражданских чинов». Его устойчивость как социальной структуры объясняется не только наличием у него капиталов и имуществ, обязательной административной припиской к соответствующему обществу, но, во многом, и востребованностью для членов, а также традиционализмом, свойственным мещанскому мировоззрению. Жители городов продолжали оставаться в привычном для них мире сословных отношений, частью которых было сословное управление. По мнению известного историка Б.Н. Миронова, общество от окончательного распада, помимо всего прочего, сдерживали традиции и пережитки сословного менталитета [7, 503].

Таким образом, Тульское мещанское общество соответствовало большинству признаков, свойственных корпоративным организациям вообще, а именно: наличие общих экономических и социальных интересов; существование общей для членов корпорации системы норм и правил; возможность контроля; замкнутость (психологическая, информационная, пространственная); традиционность и т. д. Существовавшая и действовавшая в интересах своих членов мещанская корпорация являлась самоор-

¹ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 11. Л. 20-23.

² ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 15. Л. 19, 69.

³ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 506. Оп. 4. Д. 15. Л. 152.

ганизирующей и самоподдерживающейся структурой.

В силу инертности общественного сознания, сословные традиции в мещанской среде продолжали оставаться весьма жизнестойкими, ведь перестройка сознания происходит значительно медленнее, чем набравшие темп в ходе модернизационных процессов изменения в других сферах жизнедеятельности. В целом сознание мещан губернского города Тулы в рассматриваемый период оставалось во многом традиционным, и характерной чертой его являлась корпоративность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аберкромби Н., Хилл С, Тернер Б.С. Социологический словарь / пер. с англ. И.Г. Ясавеева; под ред. С.А. Ерофеева. М.: Экономика, 2004. 619 с.
2. Бушмаков А.В. Изменения ментальности городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX века: Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 215 с.
3. Вронский О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX-XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. Тула: ТО ИРО, 1999. 153 с.
4. Куприянов А.И. Конфликты поколений и власть: частная жизнь в XIX веке (на примере казуса Де-прерадовича) // Actio nova. М., 2000. С. 245-253.
5. Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М.: «АИРО-XX», 1995. 157 с.
6. Лямин С.К. Менталитет населения прединдустриального города 60 – 70-х гг. XIX в. (по материалам Тамбова): Дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003. 204 с.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – XXв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. 548 с.
8. Пюрияйнен Д.М. Население уездного города Сарапула во второй половине XIX – начале XX в.: социокультурный аспект: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2009. 22 с.
9. Социологический энциклопедический словарь / Ред.-координатор Г.В. Осипов. М.: НОРМА - ИНФРА, 2000. 480 с.
10. Статистические сведения Тульской Губернии за 1897 // Памятная книжка Тульской Губернии за 1899 г. Тула, Типография Губернского Правления, 1899. С. 42.
11. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 1-4.

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 930.85

Лиджеева К.Ф., Олчанова Ц.В.

Калмыцкий государственный университет (г. Элиста)

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В КАЛМЫКИИ В ПРОЦЕССЕ ЭТНО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 1920-х гг.

K. Lidzheeva, Z. Olchanova

Kalmyk State University, Elista

THE PROBLEMS OF EDUCATIONAL POLICY IN THE NORTHERN CAUCASUS AND KALMYKIA IN ETHNO-ADMINISTRATIVE TRANSFORMATIONS OF THE 1920s

Аннотация. Моделирование этнической территории и связанное с ним становление образовательной сферы в таком многонациональном крае, как Юг России, в начальный период советской модернизации 1920-х гг., было достаточно сложным и противоречивым процессом. Их реализация была связана с решением государством административно-территориального вопроса, в межэтническом же взаимодействии проявлялись тенденции как интеграции, так и дезинтеграции. Цель статьи – рассмотрение проблем образовательной политики в указанный период на Северном Кавказе и в Калмыкии в связи с этноадминистративными изменениями.

Ключевые слова: модернизация, трансформация, образование, Северный Кавказ, Калмыкия.

Abstract. Modeling ethnic territory and related educational sphere in such a multinational region as the South of Russia in the early period of Soviet modernization of the 1920s was quite a difficult and controversial process. Its implementation was connected with solving administrative-territorial issue by the Soviet government. Inter-ethnic interaction was marked both by integration and disintegration. The purpose of this article is to consider the problems of educational policy in the northern Caucasus and Kalmykia in connection with ethno-administrative changes of the period.

Key words: modernization, transformation, education, the northern Caucasus, Kalmykia.

Началом адаптации народов Юга России к модернизационным изменениям, имевшим место в России во второй половине XIX века, стало в том числе распространение среди них современных на то время форм образования и культуры. В Ставропольской гимназии в период с 1850-го по 1887 гг. прошли обучение 1739 представителей Северного Кавказа [1, 77]. В дальнейшем различные виды образовательных учреждений появились во всех округах Кубанской, Терской и Дагестанской областей, но тем не менее, по данным переписи населения 1897 г., грамотность населения Дагестана составляла 9,2%, Адыгеи – 7,0%, Карачая – 4,6%, Ка-

барды – 3,2%, Балкарии – 1,4% [8, 342-343]. К концу XIX в. ощутимых качественных сдвигов так и не произошло, а получение светского образования оставалось делом весьма проблематичным. В отчете попечителя Кавказского учебного округа за 1914 год приводятся следующие данные: во всех мужских гимназиях и прогимназиях округа из общего количества учащихся 14137 человек, учеников-горцев всего было 230, или 1,6%, в 25 реальных училищах – из 8310 учащихся горцев было всего 526 или 6,3%, в технических училищах учащихся-горцев всего 23 человека (3,3%), в 23-х промышленных училищах округа из 1925 учащихся горцев всего 43 чел. (2,0%); в среднем же, из получающих общее и профессиональное образование, представители Северного Кавказа составляли всего 3,06% от общего количества учащихся, причем имеется ввиду только обучение мальчиков и юношей, об образовании девочек речи даже не идет [1, 77]. Специфические особенности имело и просвещение поволжских калмыков Астраханской губернии, большая часть которых продолжала придерживаться кочевого быта, а количество владеющих русской грамотой в начале XX в. едва достигало 0,2 – 0,3 % [2, 124].

Еще одной трудной проблемой являлась подготовка профессиональных учителей из числа народов Юга России в педагогических учебных заведениях округа (учительских институтах, учительских семинариях и т. д.). Так, в Кавказском учебном округе в указанный период было учреждено всего три учительских института (ранее их совсем не было). Кроме того, у большинства народов отсутствовала письменность на родном языке, попытки решения данного вопроса общественностью не получили должной государственной поддержки. Несмотря на такие обстоятельства, все-таки постепенно складывалась небольшая прослойка местной интеллигенции. Необходимо сказать, что политика правительства в области культуры и просвещения на рубеже XIX-XX вв. являлась частью более масштабной политической цели. Прежде всего, осуществление

государственных задач в Южной России способствовало консолидации народов. Не случайно данный период становится эпохой трансформации этнической карты территории, изменения этнических территорий и демографической структуры края.

При проведении государственной политики административно-территориального размежевания прежде всего предполагалось, что совпадение границ с этническим расселением станет залогом стабильности. Начавшееся укрупнение поселений в ходе проведения земельной реформы способствовало преодолению внутриэтнических делений. Процессы переселения людей на Северный Кавказ с горных территорий, где плодородные земли практически отсутствовали, на равнину, привели к ощутимым изменениям в этнической карте и идентичности северокавказских обществ. В результате таких миграций здесь появились достаточно большие, крупные поселения, что способствовало процессам межэтнической консолидации. Данный процесс отразился и в Калмыкии, где укрупнение аймаков также способствовало «расконсервации» мелких аймачных общин. Они теперь уже формировались по территориальному признаку и количественному составу населения. Таким образом, российское правительство признавало состоявшийся кризис прежнего этнического принципа административно-территориального деления, и это разграничение, установившееся в Южнороссийском регионе, было осуществлено в результате преобразований с учетом этнодемографических особенностей местностей, но, прежде всего, с соблюдением необходимого условия для развития – принципа единой территории.

После октябрьских событий 1917 г. народы Юга России были включены в соответствующие автономные образования, основной задачей которых становилась ликвидация фактического неравенства и обеспечения народам более широких возможностей собственного развития. Достижению этой цели способствовало то обстоятельство, что в этот процесс вовлекалось местное население.

ние, определенную роль сыграла и необходимость упрочения здесь позиций советской власти. Но при этом, чтобы не стимулировать «националистических тенденций», просматривалось стремление к возможно более крупным территориальным объединениям с учетом национальной специфики. Примером тому было образование Горской автономной Советской Социалистической Республики (ГАССР) как своеобразной модели государственного регулирования в условиях полиэтничности, которая оказалась недолговечной, несмотря на присутствие в регионе внутренних интеграционных тенденций.

Если обратиться к политическому опыту первых лет существования автономий, то его, скорее всего, нужно оценивать с позиции их соответствия национальным интересам северокавказских народов. Выделяя основные черты, осуществленного этими народами исторического выбора, А.Х. Боров указывает на ряд элементов [1, 77]. Прежде всего, это был не только выбор в пользу государственного единства с Россией, но и выбор перспективы развития, то есть общественного и культурного прогресса, а не попыток возврата к прошлому. Разумеется, исход событий вряд ли зависел от небольших народов, остававшихся на периферии российской модернизации конца XIX – начала XX вв. Но тем не менее народы региона во главе с собственными просвещенными элитами в известной мере, так или иначе, стремились включиться в модернизационные процессы. Кроме того, это был выбор в пользу национально-государственной, а не региональной («горской») автономии. Но этот выбор имел и другой смысл. В условиях интенсивной преобразовательной политики новой власти национально-государственная «форма» развития процессов социальной и культурной модернизации превращалась в единственную гарантию поддержания своей культурно-исторической идентичности.

На протяжении первого десятилетия советской власти основным направлением в ее политике было приобщение и привлечение местного населения к советским поли-

тическим и общественным институтам. Но вместе с тем административно-территориальная структура в эти годы не определялась только национальным фактором, а главным курсом в решении таких вопросов была «советизация» общества, а не интересы национального самоопределения различных групп населения внутри республики или области. Поэтому реализация многих принципов национально-государственного строительства, в частности моноэтничность административных единиц, была крайне затруднительна. Значимые этносоциальные изменения здесь были связаны с форсированием советскими органами власти процессов межэтнической консолидации малых народов с более многочисленными народами. Компромиссный вариант в виде образования двойных автономий не только не решал проблему, но и выявлял новые противоречия, поскольку были объединены народы, имеющие различное происхождение и культурные традиции, что не являлось причиной межэтнических конфликтов само по себе, но было фактором их обострения. В результате более десяти народов в 1930-е – 1950-е гг. утратили самостоятельность [4, 196-199]. Поэтому невозможно изолировать «национальную» политику советской власти в регионе от ее идеологических целей и экономических задач. При решении административно-территориальных вопросов в то время предполагалось, что при районировании основой должны стать пролетарские центры, а окружающая их территория обеспечивает нормальное развитие главных отраслей промышленности. Их, как известно, на Кавказе и в Калмыкии практически не было, и, кроме того, установление административных границ было тесно связано также с земельным вопросом, к решению которого власть приступила в начале 1920-х годов [7, 14].

В целом на протяжении 20-х гг. XX в., при сохранении национального оттенка, проблема межэтнических отношений и этнополитической структуры советских автономий, в том числе и на юге страны, не являлась основополагающей. Фундаментальное зна-

чение приобретали не взаимные отношения народов, а те изменения в условиях их существования, которые заключались в социально-экономической и культурной политике советского государства. В данный период политика в области просвещения и культуры была наиболее заметной реализацией всего нового, что внедрялось советской властью. Естественно, она преследовала собственные идеологические и политические цели, а также противостояла ряду жизненно важных для южнороссийских народов этнокультурных традиций, объявленных «пережитками прошлого». Вместе с тем она решала и задачи повышения культурного уровня, формировала инфраструктуру культурного развития населения.

Ключевым аспектом национальной политики в первые десятилетия советской власти была политика коренизации советских органов власти через развитие местных языков, использование их в политической и хозяйственной жизни. Это позволяло создать модель развития, при которой не было необходимости отказываться от национальной культуры ради прогресса. Особое внимание при «проведении коренизации культурно-просветительской сети» обращалось на создание письменности у народностей, не имеющих ее, унификацию алфавитов, издание учебной литературы, подготовку учителей, знающих язык, быт, обычаи и историю народа, которые могли бы осуществлять обучение и воспитание детей в духе интернационализма. Начало полной коренизации, например, адыгейской аульской школы было положено в 1927/1928 учебном году по плану, разработанному краевым отделом народного образования для всего Северного Кавказа.

Национальный язык в рамках единой территории был, есть и будет единственным реальным признаком всякой национальности. Реализация литературного языка как единой языковой культуры определенной национальности означает действительное самоопределение и культурное возрождение. Но внедрению грамотности среди населения, а также обучению детей в школе на родном

языке препятствовало отсутствие своей национальной письменности. Используемый арабский алфавит не отражал особенностей языков народов Северного Кавказа. Вместе с исламской религией здесь распространялся тот алфавит, который употреблялся для переписки священных книг. Арабские буквы с их надстрочными и подстрочными диакритическими знаками затрудняли чтение и письмо, усложняли издание книг на национальном языке. Поэтому письменность у ряда северокавказских народов в конце 1920-х гг. была переведена на латинскую, затем на русскую основу письма. Аналогично обстояла ситуация и со сменой старокалмыцкой письменности «Тодо бичиг» (ясное письмо). При сравнении данных периода модернизационных процессов на рубеже XIX – XX вв., которые приведены в начале, со статистикой периода советской модернизации, соответственно видна существенная разница.

В качестве примера можно привести Кабардино-Балкарскую автономную область. Например, на III съезде Советов Кабардино-Балкарии, состоявшемся в декабре 1923 г., местным органам власти было поручено повсеместно организовать общеобразовательную школу. В конце 1925 г. здесь функционировали 157 школ первой ступени, в которых обучалось 9560 учеников, или 25,6% всех детей школьного возраста против 0,08% в 1920 г., квалифицированные работники из разных национальностей Северного Кавказа готовились в учебных заведениях многих городов страны, в частности, в 1921 г. за пределами своей области училось всего 200 кабардинцев и балкарцев, а в 1925-26 гг. уже 685 человек [1, 121]. Особое внимание уделялось подготовке учителей. Так, на различных курсах в 1923-1926 гг. было подготовлено 270 кабардинцев и балкарцев [подсчитано по: 6, 105]. Благодаря государственной поддержке была создана письменность на кабардинском и балкарском языках, что сыграло важную роль в повышении их грамотности. Например, если к 1917 г. грамотность среди кабардинцев и балкарцев составляла 2-3 %, то к середине 1920-х гг. она возросла у кабардин-

цев до 11,2% и у балкарцев – до 7,5% [8, 47]. Активная работа наблюдалась в этот период и в Калмыкии, где были достигнуты неплохие результаты. Если в 1924 г. в области было 75 начальных школ, 4 школы II ступени, 8 детских домов, 2 техникума, а школьным обучением было охвачено 6750 (около 20%) детей школьного возраста, то в 1927 г. было уже 140 начальных школ, 5 школ II ступени, 8 детских домов и 2 техникума, а школьным обучением было охвачено 9640 учащихся [5, 242.].

В Южнороссийском регионе, как и по всей стране в этот период, внимание уделялось массовому обучению, и, прежде всего, просвещению женщин. На основе данных переписи 1920 г., на Северном Кавказе на тысячу женщин приходилось всего 215 грамотных [3, 24]. Поэтому эта работа считалась главным условием, без которого невозможно было бы привлечь женщин к общественно полезному труду, участию в управлении государством. Конечно, внедрение светской системы воспитания и образования проходило непросто, так как население, жившее веками в соответствии со сложившимися традициями, не могло сразу воспринять смысл и назначение новых модернизационных изменений. К концу 1920-х гг. в области началась антирелигиозная кампания, сопровождавшаяся закрытием мечетей, медресе, хурулов, религиозных школ, репрессиями против духовенства. Подобная ситуация складывалась и в других национальных образованиях Юга России.

Таким образом, этнический фактор и национальная идея в первое десятилетие Со-

ветского государства являлись механизмом укрепления и стабилизации советской государственности в Южнороссийском регионе, но к началу 1930-х гг. начал осуществляться переход к «социалистическому огосударствлению», причем понимаемому преимущественно в «узком» смысле народнохозяйственной «целесообразности» [9, 3].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик: Эльбрус, 2007. 298 с.
2. Ефремова Е.Ф. Очерки истории школьного образования Калмыкии. Дис... канд. пед. наук. Л., 1969. 236 с.
3. Информационный бюллетень общества «Долой неграмотность». 1925. 25 октября.
4. Карпов Ю.Ю. Россия и этносоциальные процессы на Северном Кавказе в новое и новейшее время // Россия и Кавказ сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб.: Журнал «Звезда». 2001. С. 190-202.
5. Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.
6. Сабанчиева В.С. Становление советской системы подготовки учителей Кабардино-Балкарии // Педагогика. 2009. № 6. 103-109 с.
7. Хлынина Т.П. Казачество и проблемы национально-территориального размежевания на Северном Кавказе (1920-е гг.): URL: <http://www.slavakubani.ru> (дата обращения 23.07.2011. 17:05).
8. Хурцаева Э.Ш. Разработка политики советского государства в сфере народного образования и её реализация на Северном Кавказе в 20-30-е гг. XX в.: Дис... канд. ист. наук. М., 2004. 202 с.
9. Цуциев А.А., Дзугаев Л.Б. Северный Кавказ. 1780-1995. История и границы. Владикавказ: Проект-Пресс, 1997. 78 с.

УДК 930.2

Нигматуллин С.Х.

Московский государственный областной университет

**ФОРМА ЛИЧНОГО ЛИСТКА ПО УЧЕТУ КАДРОВ
КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР
В 1930-1950-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ДОКУМЕНТОВ
МОСКОВСКИХ ШКОЛ)**

S. Nigmatullin

Moscow State Regional University

**THE FORM OF "PERSONAL DATA SHEET OF THE STAFF" AS REFLECTION
OF SOVIET SOCIAL AND REPRESSIVE POLICIES IN 1930-1950s
(BY EXAMPLE OF MOSCOW SCHOOL RECORDS)**

Аннотация. В настоящей статье рассматривается форма и изменения личного листка по учету кадров, использовавшиеся в СССР в 1930-1950-х гг. Личный листок по учету кадров – это первичный учетный кадровый документ, заполнявшийся работником при устройстве на работу. Состав и детализация запрашиваемых в листках сведений являются следствием проводимой в стране социальной политики. В разные годы в личных листках встречаются уникальные вопросы, которые могут характеризовать тот или иной исторический период. Например, в 1930 – нач. 1940 гг. запрашивались сведения о прохождении партийных чисток, в годы Великой Отечественной войны сведения о родственниках и близких, проживающих за границей.

Ключевые слова: личный листок по учету кадров, исторический источник, СССР.

Abstract. This article deals with changes of form of "Personal Data Sheet of the Staff" which was used in the USSR in 1930-1950s. "Personal Data Sheet of the Staff" was the first document filled in by a job applicant in the Soviet Union. The required data testify to the country's social policy of the period. In different years "Personal Data Sheet of the Staff" contained different items characterizing Soviet government's current interests. For instance, the information about party repressions was asked in late 1930s and the questions about relatives abroad were posed during 1940s.

Key words: "Personal Data Sheet of the Staff", a historical source, the USSR.

В настоящей статье рассматривается перечень запрашиваемых в личном листке по учету кадров сведений, использовавшихся в 1930-1950-х гг., и их связь с проводимой тогда в СССР социальной политикой (политическими репрессиями, усилением контроля над гражданами во время Великой Отечественной войны¹, борьбой с культом личности Сталина и началом «Хрущевской оттепели»). Материалом для исследования послужили личные дела руководителей и учителей московских школ² из Центрального объединённого архива учреждений системы образования г. Москвы (далее – ЦОА УСО г. Москвы).

Трудовые отношения в СССР регулировались централизованно, на общегосударственном уровне³, и вопросы личного листка можно рассматривать, как перечень сведений о гражданах, в сборе которых было заинтересовано политическое руководство страны. Личный лис-

© Нигматуллин С.Х., 2011.

¹ Примечательно, что в личных листках не фигурировали вопросы участия граждан СССР во Второй мировой войне, в них выделялось только участие в Отечественной войне.

² ЦОА УСО г. Москвы. Ф. 292 (Департамент образования города Москвы).

³ Назначения и увольнения сотрудников в школах требовали обязательного согласования кандидатур в Московском городском отделе народного образования (Мосгороно).

ток по учету кадров был одним из инструментов, обеспечивающих проведение тотального контроля. Представления о «добропорядочных» и «неблагонадежных» гражданах в разные годы советской власти были различными, что влияло на отношение к гражданам, их родственникам и фактам их биографии. Например, до 1956 г. при приеме на работу в личных листках запрашивались сведения о занятиях родителей гражданина до Октябрьской революции. Так, устраиваясь на работу, в 1955 г. гражданин должен был указать, чем занимались его родители 38 лет назад. Понятно, что эти сведения не могли характеризовать его как специалиста и несли в себе отпечаток политической обстановки в стране. Выявление и анализ соответствующих специфических вопросов дает дополнительный материал для понимания конкретного исторического периода¹. Исследование документов позволяет провести разделение запрашиваемых сведений на две группы:

1. основные сведения, необходимые для руководства организации независимо от исторического периода и внешних факторов, например: фамилия, имя и отчества работника; уровень его образования; опыт работы и пр.;

2. сопутствующие сведения, которые в принципе не являются важными для принятия управленческих решений, но в рамках определенной исторической действительности они приобретают такое же значение, что и основные. Например, прохождение партийных чисток или наличие родственников за границей.

Личный листок по учету кадров появился в советских организациях в 1930-е гг. Он служил первичным учетным документом на гражданина в организациях-работодателях, заполнялся при его приеме на работу и яв-

лялся основой для личного дела работника. Личный листок оформлялся на типографском бланке с вопросами (от 20 до 42) и пустым местом для внесения ответов. До появления в 1956 г. общесоюзной формы личного листка в организациях использовались различные формы листка. В ходе исследования было выявлено более 20 таких разновидностей формы документа, в целом состав запрашиваемых в них сведений был одинаковым, за исключением отдельных изменений: последовательности расположения вопросов, уровня детализации запрашиваемых сведений и наличия уникальных вопросов.

В личных листках запрашивались: общая информация о гражданине; данные о его родственниках и близких; его партийная принадлежность; его образование и опыт трудовой деятельности; сведения о пребывании за границей; сведения об участии в выборных органах; сведения об участии в революционной деятельности; военной службе, в том числе во время Гражданской и Великой Отечественной войн (включая службу у противников СССР); сведения о наградах и поощрениях; сведения о привлечении к уголовной, административной и дисциплинарной ответственности и пр. Выявлена закономерность к снижению со временем количества запрашиваемых сведений и их детализации.

В составе общих сведений о гражданине запрашивались: фамилия, имя, отчество гражданина; его пол; дата и место рождения; национальность; домашний адрес; основная профессия (занятие) и стаж работы по этой профессии; паспортные данные; сведения о здоровье.

Вопрос о месте рождения в 1930-1950-х гг. запрашивался в двух вариантах. Первый вариант был расширенный и включал в себя вопрос о месте рождении по существовавшему «в то время» административному делению и по существующему «в настоящее время» административному делению. Вторым вариантом (появился в начале 1940-х гг.) включал в себя запрос только о месте рождения «по существующему административному делению». Наличие уточнений о том, по какому

¹ Отметим, что при анализе состава запрашиваемых сведений дополнительно должны также учитываться данные об их заполнении. Если сведения были необходимы, то они обязательно предоставлялись и вносились в учетные документы, если они были не нужны, то могли и не заполняться (например, по причине отсутствия новых и использования старых бланков документов).

административному делению давать информацию, является следствием масштабных изменений в административном делении в нашей стране. С 1956 г. место рождения запрашивалось уже без уточнений¹. Вопрос об основной профессии (занятие) и стаже работы по этой профессии существовал до принятия в 1956 г. общесоюзной формы. Примечательно, что к нему был комментарий по заполнению, по которому для членов и кандидатов члены ВКП(б) (или КПСС) основная профессия должна была указываться на момент вступления в партию. Реже встречаются формы документов с расширенным комментарием, где еще указывалось, что «для беспартийных – к началу работы в государственном аппарате». Паспортные данные начали запрашиваться с начала 1940-х гг. Вопрос о паспортных данных просуществовал до 1956 г. Несмотря на то, что за период своего существования запрос был широко распространен, он присутствовал не во всех формах личного листка. Его появление в личных листках во многом было связано с усилением в стране паспортного режима и контроля за гражданами в условиях военного времени. Следствием участия СССР во Второй мировой войне стало появление в листке в 1946 г. вопроса о состоянии здоровья: «ранения, контузии, какие и когда получил»². Сведения запрашивались до 1956 г.

Рассмотрим вопросы о родственниках и близких. Стандартно во всех личных листках запрашивалось «социальное происхождение»³. До 1956 г. вопрос имел следующую дополнительную детализацию: «Бывшее сословие (звание) родителей», «Основное занятие родителей до Октябрьской революции» и «после Октябрьской революции». После 1956 г. осталась только вопрос о социальном происхождении и небольшое место для ответа

(на одно-два слова)⁴. Другим стандартным для всех форм листка был вопрос о семейном положении. В некоторых вариантах формы личного листка, выпускавшегося во время Великой Отечественной войны, дополнительно сразу после вопроса о семейном положении нужно было указать: «Место службы или работы жены (мужа) и занимаемая должность». В личных листках, появившихся во время Великой Отечественной войны, запрашивались подробные сведения о наличии родственников и знакомых за границей, в том числе работавших в иностранных миссиях. Эти вопросы были актуальны для военного времени, когда существовала угроза появления в тылу диверсантов или шпионов. После войны этот вопрос утрачивает свою актуальность и постепенно исчезает из листков.

Вопросы о партийной принадлежности запрашивались во всех формах личного листка, но с разным уровнем детализации запрашиваемых сведений⁵. До 1956 г. запрашивались: «Партийность», «Какой организацией принят в члены ВКП(б)» (или КПСС), «Партстаж», «№ партбилета» или «№ кандидатской карточки», «стаж пребывания в ВЛКСМ с ____ по ____», «Состоял ли в других партиях (каких, где и по какое время», «Состоял ли ранее в ВКП(б)» (или КПСС), «с какого и по какое время», «и причины исключения или выбытия», «Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал в оппозициях (каких, когда)», сведения о наличии партвзысканий. Ответ о партийных взысканиях вносился в специальную таблицу, с четырьмя графами: «Дата (месяц и год)», «Кем наложено партвзыскание», «За что (сущность дела)», «Какое наложено партвзыскание». Формулировка вопроса о партийной принадлежности к другим партиям с уточнением «Состоял ли...», а также последующее его исключение из листка является следствием формирования в нашей стране однопартийной системы.

¹ См. например: ЦОА УСО г. Москвы. Ф. 292. Оп. 2 л/с. Д.67 Л.133.

² См. например ЦОА УСО г. Москвы. Ф.292. Оп. 2 л/с. Д.40 Л.23об.

³ См. на пример ЦОА УСО г. Москвы. Ф. 292. Оп. 2 л/с. Д.1. Л. 4.

⁴ См. например ЦОА УСО г. Москвы. Ф. 292 Оп. 2 л/с. Д.10. Л. 129.

⁵ См. например ЦОА УСО г. Москвы. Ф.292. Оп.2 л/с. д.5. Л. 271.

В листках, выпускавшихся до начала Великой Отечественной войны, встречаются вопросы о партийной чистке и результатах их прохождения. Они являются следствием борьбы за власть и сопутствующими ее политическими репрессиями.

В последующем с изменениями формы личного листка количество запросов сократилось и оставляемое место для их заполнения уменьшилось. С 1956 г. запрашивались только: «Партийность», «Партстаж» (с указанием месяца и года вступления), номер партбилета или к/карточки, «Состоите ли членом ВЛКСМ, с какого времени и № билета»; «Имеете ли партвызыскания» (да/нет); «Когда, кем, за что и какое наложено взыскание» (вместо таблицы для ответа отводились пустые строки для заполнения).

Сведения об образовании запрашивались во всех вариантах личного листка, стандартно вопрос состоял из двух частей. В первой части нужно было указать уровень образования: высшее, среднее, начальное. Во второй части была уточняющая таблица для заполнения. До 1956 г. полученное образование в личных листках делилось на «общее и специальное» и «партийно-политическое»; соответствующие разделители для заполнения таблицы располагались вертикально с левой стороны таблицы¹. В целом это разделение еще раз характеризует существовавшее в СССР большое влияние коммунистической партии на все сферы жизни в стране. Во всех формах личного листка запрашивались: сведения о наличии ученой степени (звание), научных трудов или изобретениях; знании иностранных языков и языков народностей СССР.

Сведения о пребывании за границей запрашивались в двух частях. Для начала необходимо было ответить на вопрос: «Были ли за границей (да/нет)», в конце 1940-х гг. в эту формулировку было включено дополнение: «(включая службу в Красной армии)». В случае утвердительного ответа необходимо было дать дополнительные сведения в табли-

це с указанием страны, цели и времени пребывания.

Сведения о трудовой деятельности запрашивались подробно и во всех формах личного листка, так как это одни из основных сведений необходимых для принятия решения о приеме гражданина на работу. Сведения вносились в таблицу. Отношение к профсоюзу запрашивалось в личных листках до 1956 г. Исчезновение вопроса о членстве в профсоюзе в целом может свидетельствовать о низкой значимости отсутствия независимости от Коммунистической партии.

Сведения об участии в выборных органах (центральных, республиканских, краевых, областных, окружных, городских), запрашивалась во всех видах листов в табличном виде. Вопросы об участии в выборных органах являются следствием государственной формы управления в СССР с помощью различных Советов (выборных органов власти) и пропаганды идей народной власти.

Сведения об участии в революционной деятельности запрашивались в личных листках до 1956 г. Примерно с 1943 г. встречаются очень редко, что свидетельствует о снижении ее значимости, тем более что в большинстве случаев поле ответа не заполнялось или давался отрицательный ответ. Окончательно запрос исчез в 1956 г.

Вопросы о военной службе и о деятельности во время Гражданской и Великой Отечественной войн запрашивалась в основном до 1956 г.² К ним относилась информация о непосредственном участии в боевых действиях, службе у противников СССР, случаях плена или нахождения на оккупированных территориях.

До и во время Великой Отечественной войны в личном листке запрашивалась информация о службе в «старой» армии; Красной гвардии; Красной армии; участии в Гражданской войне. Кроме того, в листках запрашивалось сведения о службе в войсках и учреждениях белых правительств, с подроб-

¹ См. например: ЦОА УСО г. Москвы. Ф.292. Оп.2 л/с. д.5. Л. 227.

² См. например: ЦОА УСО г. Москвы. Ф.292. Оп.2 л/с. Д.10 Л.17.; Д.70 Л.256, 257; Д. 100. Л. 164; Д.164. Л.106.

ностями: «если служил, то указать с какого и по какое время, где и в каких должностях». В некоторых личных листках, заполненных во время Великой Отечественной войны, запрашивались еще сведения о нахождении на территории, занятой «белыми». Вопрос об участии в белом движении интересен тем, что указывает на важность для советского правительства фактов участия отдельных граждан в антибольшевистском движении и стремление контролировать их действия.

В послевоенных формах личных листов добавились вопросы, связанные с прошедшей войной, и появились совмещенные вопросы об участии в войнах, проходивших на территории СССР. Запрашивались сведения: об участии в партизанском движении и подпольной работе; о службе в Красной армии; о службе в войсках, учреждениях или воинских формированиях, боровшихся против СССР; об участии в Гражданской и Отечественной войнах; о нахождении плену и на оккупированных территориях. Перечень вопросов указывает на большую значимость в СССР фактов участия гражданина в войнах, которые велись на его территории. Выделение в отдельный вопрос участия в партизанском движении или подпольной работе является следствием их массовости и высокого значения для общества в целом. Но помимо положительных вопросов в листке, запрашивалась информация, которая могла скомпрометировать гражданина. Изменения формулировки об участии в белом движении на участие в «войсках, учреждениях или воинских формированиях, боровшихся против СССР», является следствием проводимой в стране мероприятий по выявлению граждан, совершивших преступления в годы Великой Отечественной войны, в том числе предателей Родины и участников движениях коллаборационистов. Вопросы о плене и нахождении на оккупированной территории также являются следствием поиска шпионов и предателей.

В измененных бланках (начиная с 1956 г.) вопрос о военной службе и об участии в войнах перестает быть самостоятельным. Сведения о службе в армии и участии в пар-

тизанском движении нужно было вносить в таблицу о трудовой деятельности. Вопросы об участии в белом и других движениях, направленных против СССР, о плене и нахождении на оккупированной территории вообще исчезают из нового листка, что является следствием изменении внутренней социальной политики в СССР.

Во всех формах личных листов запрашивались сведения об отношении к воинской обязанности, наличии наград и поощрений.

Сведения о судимостях запрашивались до изменения бланков в 1956 г.¹

Учитывая эти изменения состава и детализации запрашиваемых сведений, можно выделить следующие основные этапы эволюции формы личного листка.

1. Формы личного листка, выпускавшиеся до и в первые годы Великой Отечественной войны. В составе форм можно выделить следующие вопросы, характеризующие внутреннюю социальную политику в СССР в этот период: о родителях и их занятиях до и после Октябрьской революции; о политических взглядах, в том числе «колебаниях в проведении линии партии», участие в оппозициях и членство в «других» партиях; о прохождении партийных чисток; о партийном образовании; об участии в революционной деятельности; о службе в армии и участии в боях Гражданской войны; об участии в белом движении; о награждениях и поощрениях; о привлечении к судебной ответственности и наличии партвзысканий.

2. Формы личного листка, выпускавшиеся во время Великой Отечественной войны. В этот период сохраняется большинство вопросов предыдущих форм личных листов, за рядом исключений: из листка исчезает вопрос о прохождении партийных чисток; появляются вопросы о родственниках и знакомых, проживающих за границей; запрашивается адрес и место работы супруга (супруги); запрашиваются паспортные данные.

3. Формы личного листка, выпускавшиеся после окончания Великой Отечественной

¹ См. например: ЦОА УСО г. Москвы. Ф.292. Оп.2 л/с. Д. 5. Л.279 об.

войны и до 1956 г. В этих форм листовк включаются вопросы о родственниках и близких, проживающих за границей, и появляются вопросы, связанные с войной: об участии в партизанском и подпольном движениях; участии в боях; службе в войсках, учреждениях или воинских формированиях, боровшихся против СССР; фактах попадания в плен или проживании на оккупированной немцами территории; состоянии здоровья (травмах полученных на войне).

4. Общесоюзная форма личного листка по учету кадров появилась в 1956 г. В форме личного листка происходят значительные изменения. Во-первых, производится унификация документа. Во-вторых, снижается количество запрашиваемых сведений и уровень их детализации. Исключается большинство вопросов, не относящихся напрямую к трудовой деятельности (сведения о родителях и их занятиях до и после Октябрьской революции, сведения о партийном образовании; сведения об участии в войнах; травмах, полученных на войне и т.д.) и сведения, которые могут использоваться или являются следствием политических репрессий (политические взгляды, о «колебаниях в проведении линии партии», участие в оппозициях и членство в «других» партиях; сведения о прохождении партийных чисток; сведения об участии в революционной деятельности; сведения об участии в белом движении и службе у противников СССР; сведения о привлечении к судебной ответственности; фактах попадания в плен или проживании на оккупированной немцами территории и т.д.).

В целом отмечается высокая зависимость формы документа от исторического периода,

в котором он использовался. Во многом это является следствием изменений внутренней государственной политики. В личных листках существовало много вопросов, не относящихся непосредственно к трудовой деятельности, со временем терявших свою актуальность. Наиболее явно это видно в смене бланков в 1956 г. Обращает внимание то, что смена бланков совпадает с годом проведения XX съезда КПСС, итоги проведения которого во многом изменили внутреннюю политику нашей страны. После смерти Сталина И.В. и прихода к власти Хрущева Н.С. в 1953 г. началось постепенное снижение массового государственного поиска «неблагонадежных» граждан. Отличительной чертой нового бланка является его большая ориентированность на граждан. В частности, помимо исключения из личного листка вопросов, ответы на которые могли служить поводом для подозрений в «неблагонадежности» нового работника, в документе изменилась и форма обращения к лицу, заполнявшему документ. В новых бланках 1956 г. к гражданам выражалось больше уважения. В частности, несмотря на то, что личный листок заполнялся гражданином собственноручно: до 1956 г., формулировки вопросов строились в третьем лице («Он», «Его» и пр.); после 1956 г. вопросы стали формулироваться напрямую с использованием местоимений «Ваш», «Вашей», «Вами» и пр.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Красавин А.С. Документирование трудовой деятельности работников органов государственного управления (история и современное состояние) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. С. 84-85.

УДК 342.97(470)«1945...»

Федин С.А.

Международный юридический институт (Астраханский филиал)

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В 1945-1953 гг. И БОРЬБА С НИМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ (НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

S. Fedin

Astrakhan Branch of the Institute of International Law

1945-1953 CONSUMER COOPERATION CRIMES AND LAW ENFORCEMENT (BASED ON MATERIALS OF THE LOWER VOLGA REGION)

Аннотация. Значительное количество растрат и хищений в послевоенный период совершалось в учреждениях, входивших в систему потребительской кооперации. Убытки от преступной деятельности работников кооперативной торговли составляли миллионы рублей. Размер причиненного ущерба значительно превышал сумму полученного возмещения. В статье анализируется состояние преступности, а также методы борьбы правоохранительных органов с растратами и хищениями в системе потребительской кооперации.

Ключевые слова: «Облрыболовпотребсоюз», потребительская кооперация, растраты и хищения, ревизии, правоохранительные органы.

Abstract. A significant number of embezzlements and thefts in the postwar period were committed within the system of consumer cooperation. Losses from cooperative traders' criminal activity amounted to millions of rubles. The damage incurred far exceeded the refund received. The article examines the state of crime, as well as methods of law enforcement bodies fighting embezzlement and theft in the system of consumer cooperation.

Key words: «Oblrybolovpotrebsoyuz», consumer cooperation, embezzlement and theft, audit, law enforcement bodies.

В условиях современной криминогенной обстановки и реформирования правоохранительной системы России представляется актуальным обращение к историческому опыту. Конечно, сегодняшняя Россия во многом отличается от послевоенной страны, но, тем не менее, ряд аналогий допустим. В настоящее время одной из важнейших задач государства в правоохранительной сфере является повышение эффективности противостояния преступности в регионах. Для успешной реализации этой задачи необходимо принимать во внимание исторический опыт, поэтому изучение истории деятельности местных органов правопорядка является актуальным как в научном, так и в практическом аспекте. Актуальность определяется и недостатком научных работ, посвященных данной проблематике в исследуемый период. В основу статьи легли архивные материалы из ранее закрытых фондов.

В послевоенный период значительное количество растрат и хищений совершалось в торговых и снабженческо-сбытовых учреждениях, входивших в систему потребительской кооперации. Об этом, в частности, свидетельствуют официальные данные Министерства торговли. Так, за 9 месяцев 1946 г. правоохранительными органами по государственной торговле было выявлено хищений и растрат на сумму 131,5 млн. руб.; в то время как в потребительской кооперации – на 269,8 млн. руб.² В условиях послевоенной разрухи, нищеты и наступившего голода растраты и хищения в системе потребительской кооперации вызывали особую озабоченность власти. Не случайно в этот период был принят ряд законодательных и нормативных правовых актов [1] по предотвращению растрат, хищений, нарушений правил

© Федин С.А., 2011.

² Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 286. Л. 225.

торговли и усилению государственного контроля над розничными ценами, что должно было способствовать совершенствованию правового обеспечения деятельности правоохранительных органов. Следовательно, основное внимание аппаратов БХСС, других служб милиции, прокуратуры и суда было сосредоточено на борьбе с крупными и организованными хищениями в кооперации.

В апреле 1946 г. на заседании бюро Астраханского обкома ВКП(б) рассматривался вопрос о неудовлетворительном состоянии борьбы с растратами и хищениями в системе «Облрыболовпотребсоюза», где отмечалось, что «... за 1945 год в системе «Рыболовпотребсоюза» допущено на 792 тыс. руб. растрат, массовых хищений товаров и злоупотреблений. На 01.01.46 г. числится не переданных в следственные органы дел по растратам на 144 тыс. рублей ..., а лица, допустившие растраты и хищения, зачастую сохраняются на прежней работе и повторяют преступления»¹.

Несмотря на принятые жесткие решения обкома, хищения и растраты продолжались. С января 1946 по апрель 1950 гг. в системе «Облрыболовпотребсоюза» было совершено 1158 случаев крупных растрат и хищений на общую сумму 7021000 руб. Наибольшее их число относилось к 1947 г., когда было выявлено 329 случаев растрат на общую сумму 2263000 руб. В 1948 и начале 1949 гг. имелось некоторое снижение, но во втором полугодии 1949 г. произошло резкое увеличение этого вида преступлений. По сравнению с первым полугодием количество выявленных растрат и хищений возросло на 27%, а в денежном выражении – вдвое (979000 руб.)². Таким образом, на протяжении всего 1949 и начала 1950 гг. из квартала в квартал происходил неуклонный рост данных преступлений.

В соответствии с требованием Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25.01.1939 «О работе потребительской кооперации» и другими руководящими документами [2]

¹ Государственный архив современной документации Астраханской области (далее ГАСД АО). Ф. 325. Оп. 3. Д. 18. Л. 73-74.

² ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 7. Д. 64. Л. 104.

дела о растратах и хищениях должны были передаваться в органы расследования немедленно после обнаружения преступления [4]. Это требование в системе «Облрыболовпотребсоюза» не выполнялось. Многие руководители проявляли волокиту в оформлении материалов на растратчиков и задерживали передачу их следственным органам. Например, в Каспийском рыбкоопе у заведующего базой Нестерова растрата в сумме 18265 руб. была выявлена в июне 1949 г. Материал для расследования поступил только в мае 1950 г. Его задерживали под предлогом производства выверки между бухгалтерией и заведующим базой. В Степновском рыбкоопе в июне 1949 г. была выявлена растрата у заведующего магазином; в июле 1949 г. у кассира; в сентябре 1949 г. у другого заведующего магазином, но все материалы были переданы в прокуратуру только в марте 1950 г., т. е. через 6-9 месяцев³. По состоянию на 01.01.1950 г. в «Облрыболовпотребсоюзе» числится не переданных в следственные органы 15 дел о растратах и хищениях на общую сумму 97930 руб.

Специфика преступности в потребительской кооперации состояла в том, что эти преступления совершал определенный круг материально ответственных лиц (если не считать мелких «несунов»), который был известен. Это были заведующие коопами и складами, кассиры, продавцы, бухгалтеры и т. п. Над этими должностными лицами нависали различные контролирующие меры, которые должны были отвращать от посягательств на кооперативную собственность и тем самым предупреждать преступления.

К таким мерам относились плановые и внеплановые ревизии. Они могли касаться документации или инвентаризации имущества или того и другого одновременно. Внезапное снятие кассы предписывалось инструкциями как необходимая мера, которую следовало применять часто, с объявлением ревизии или без нее. ОБХСС, являвшийся составной частью милиции, наводил страх на материально ответственных лиц уже самим

³ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 7. Д. 64. Л. 105.

фактом своего существования. Прокуратура, имеющая прерогативы, могла действовать по установленному плану, но и использовать эффект внезапности [3].

Хорошая информированность материально ответственных лиц о сроках производства квартальных ревизий давала им возможность принять меры к маскировке хищений. Как правило, это делалось путем выписки бесто-варных накладных, сокрытия части товаров от оприходования. Кроме того, материально ответственные лица часто организовывали выпивки и угощения для ревизоров.

Все это приводило к некачественным ревизиям, а во многих случаях сами ревизоры способствовали сокрытию растрат, как это было в Лиманском сельпо, где председатель ревизионной комиссии Кряков вместе со старшим бухгалтером сельпо Волковой скрыли растрату у заведующего базой Крылова в сумме 25004 руб. А в рыбкоопе им. Ф. Энгельса инвентаризационная комиссия скрыла растрату у заведующего магазином Корвашевой в сумме 32530 руб. и др.¹

Рыбкоопы были засорены материально ответственными лицами, имевшими судимость за хозяйственные и должностные преступления. По данным прокуратуры, например, в 1949 г. в Тюринском рыбкоопе было выявлено 7 материально ответственных лиц, ранее судимых (а один дважды судимый) за растраты, но продолжавших работать². Аналогичная ситуация была в Марфинском, Татаро-Башмаковском, Тумакском, Красноярском рыбкоопах.

Руководители рыбкоопов слабо проводили работу по выявлению растратчиков, а в отдельных случаях покровительствовали им. Так, в Тумакском рыбкоопе с бывшего заготовителя Панова не была взыскана недостача в сумме 5688 руб. и материал не направлен в следственные органы. В Кировском рыбкоопе у заведующего базой Чернова была

установлена недостача в сумме 9156 руб., но материал в следственные органы не передавался, а Чернов оставлен на работе и т. д.³

Допускалась практика списания с материально ответственных лиц ценностей, как «брак», «сверхнормативные потери», по недооформленным документам. В отдельных случаях списание бухгалтериями происходило без утверждения правлением рыбкоопа. Например, за 1949 г. в рыбкоопе им. Микояна такими способами списано 38500 руб., 66500 руб. в Капустиноярском, 39700 руб. в Тюринском, 6443 руб. в Лиманском рыбкоопах⁴.

В Красноярском районе по Джанайскому рыбкоопу в марте и апреле 1950 г. были выявлены растраты у заведующих магазинами Айтмухамбетовой, Утеповой и Джаломбаевой на сумму 53574 руб. Джанайский рыбкооп вообще являлся «показательным». В 1948 г. председатель рыбкоопа Джамодавлетов за растрату в сумме 72000 руб. осужден на 12 лет лишения свободы; заведующий базой рыбкоопа Абдрахманов за растрату в 14000 руб. осужден на 10 лет лишения свободы, а также были привлечены к уголовной ответственности главный бухгалтер и кассир. В 1949 г. по этому же рыбкоопу за растрату в 9000 руб. приговорен к 10 годам лишения свободы заведующий базой Кусаинов. Кроме того, по состоянию на 1 марта 1949 г. были выявлены растраты у заведующих магазинами Мендыбаева в сумме 3126 руб., Аджиханова в сумме 1779 руб., Сурова в сумме 1934 руб. Однако материалы на них в следственные органы своевременно не передавались⁵.

Из приведенных данных видно, что в Джанайском рыбкоопе в течение трех лет происходили крупные растраты и хищения государственных средств и, несмотря на это, ни правление «Облрыболовпотребсоюза», ни его ревизионный отдел не принимали мер к пресечению преступлений.

Еще один пример укрывательства крупного хищения, которое имело место в Лиманском рыбкоопе. 26 мая 1950 г. у заведующего

¹ Архив информационного центра УМВД Российской Федерации по Астраханской области (далее ИЦ УВД АО). Ф. 58. Оп. 4. Д. 61. Л. 17.

² Государственный архив Астраханской области. Ф. Р-1702. Оп. 1. Д. 17. Л. 18.

³ ИЦ УВД АО. Ф. 58. Оп. 4. Д. 61. Л. 93.

⁴ ИЦ УВД АО. Ф. 58. Оп. 4. Д. 64. Л. 3.

⁵ ИЦ УВД АО. Ф. 58. Оп. 3. Д. 17. Л. 35-36.

складом Никешина была обнаружена растрата в сумме 57456 руб., а также совершенное им хищение мануфактуры, костюмов и брюк на сумму 27972 руб. Этому предшествовало несколько инвентаризаций, проводившихся силами местного рыбкоопа. Так, при снятии остатков на 01.07.1949 г. у Никешина была обнаружена недостача только в 3533 руб. Этот факт не вызвал тревогу у руководства «Облрыболовпотребсоюза» и глубокую ревизию не провели. При инвентаризации на 01.08.1949 г. уже была обнаружена недостача товаров на сумму 43396 руб. и только через полгода после этого правление «Облрыболовпотребсоюза» назначило на проверку такого ревизора, который выявил растрату в сумме 57456 руб. и хищение товаров на сумму 27972 руб.¹

Анализируя приведенные данные о состоянии преступности в системе потребительской кооперации, необходимо отметить, что преступность этого вида постоянно росла. Основной причиной, способствовавшей растратам и хищениям товарно-материальных ценностей, являлась неудовлетворительная работа ревизионных комиссий. Ревизии проводились нерегулярно и часто поверхностно, а внезапные ревизии проходили очень редко. Сращивание отдельных работников ревизионного аппарата и бухгалтерии с материально ответственными лицами вело к сокрытию недостач и хищений. В результате нарушения закона о найме работников на должности с материальной ответственностью допускались к работе лица, не внушавшие доверия, ранее судимые за корыстные преступления или без представления необходимых документов, что способствовало проникновению в потребительскую кооперацию преступных элементов.

Органами милиции, прокуратуры и суда нарушались сроки рассмотрения дел о растратах и хищениях. В прокуратуре и судах находилось более 160 дел по растратам и хищениям в потребкооперации с нарушением установленных сроков рассмотрения этих дел. Но определенная работа по борьбе с растратами и хищениями все-таки велась. На-

пример, судебной коллегией Астраханского областного суда осуждена на 10 лет лишения свободы председатель правления Харабалинского рыбкоопа Афанасьева, которая с января 1946 по март 1947 гг. растратила кооперативных денег на сумму 58074 руб.² На 15 лет лишения свободы Астраханским областным судом осужден заведующий базой Харабалинского рыбкоопа Тюрин, который с октября 1945 по июль 1947 гг. растратил и присвоил продуктовых и промышленных товаров на сумму 148857 руб.³ Председатель артели «Новый труд» Лялина Е.И. преступно халатно относилась к работе, в результате чего с 1946 по 1948 гг. в артели было растратчено кооперативных денег на сумму 475243 руб. В октябре 1948 г. Лялина осуждена областным судом на 4 года лишения свободы.⁴ В январе 1951 г. осужден на 10 лет лишения свободы завскладом мостовосстановительного отряда № 3 Можаровский за недостачу материальных ценностей на сумму 29794 руб.⁵ Прокуратурой Камызякского района были установлены злоупотребления со стороны председателя районного рыбкоопа Юданова. В течение 1949 г. он набрал у материально ответственных лиц продуктов на сумму 3345 руб. Вместе с Юдановым были привлечены к уголовной ответственности и осуждены народным судом Камызякского района еще трое руководителей.⁶ Аналогичных примеров можно привести немало.

После отмены карточной системы некоторые работники коопов стали практиковать обвешивание, обмеривание и обсчет покупателей. В Астраханской области практиковалась продажа товаров по завышенным ценам, их фальсификация, пересортица и другие виды обмана потребителей. В изменившихся условиях милиционеры сосредоточили внимание агентурно-осведомительной сети на выявлении продавцов, занимавшихся обманом потребителей. По этим фактам матери-

¹ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 8. Д. 32. Л. 111.

² ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 16. Л. 61.

³ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 16. Л. 84.

⁴ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 6. Д. 22. Л. 43.

⁵ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 10. Д. 14. Л. 139.

⁶ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 7. Д. 44. Л. 42-43.

алы передавались прокурорам для привлечения виновных к ответственности, а в тех случаях, когда это было связано с агентурной разработкой, расследование поручалось работникам ОБХСС.

Однако руководство милиции области понимало, что, несмотря на некоторые успехи, ликвидировать существовавшие преступные схемы разовыми мерами невозможно. Поэтому в начале 1950-х гг. для усиления эффективности борьбы с хищениями, взяточничеством, обманом потребителей, начальникам районных отделений милиции вменялось в обязанность пополнять агентурно-осведомительную сеть за счет вербовки «дельцов», коммерсантов, работников заготовительных организаций, экспедиторов, работников магазинов, заведующих палатками и ларьками. Наряду с этим приобреталось осведомление из среды специалистов торговли (экономистов, плановиков, товароведов и т. п.), необходимых для негласных консультаций по различным вопросам. Через агентуру также велось наблюдение за деятельностью ревизоров, устанавливались факты их бездеятельности, сращивания с преступным элементом, взяточничества и злоупотреблений. По агентурным данным выявляли руководителей, скрывавших материалы на расхитителей и растратчиков и добивались передачи их в органы прокуратуры¹.

Картина деятельности правоохранительных органов была бы неполной, если ограничиться только анализом материалов по раскрытию, расследованию преступлений и осуждению виновных, не рассмотрев состояния с возмещением материального ущерба от растрат и хищений. Анализируя статистические данные о ходе возмещения ущерба, можно сделать вывод о том, что работа прокуратуры, милиции и судебных органов в этом направлении была малоэффективной.

В качестве примера приведем данные за 1951 и 1952 гг. – последние годы рассматриваемого нами периода. Так, правоохранительными органами области в 1951 г. из 1422464 руб. расхищенных средств возвращено только 28449 руб., т. е. 2 %, а в 1952 г. из

1020022 руб. возвращено 214204 руб. (21 %). Для сравнения, на предприятиях легкой промышленности расхищено всего 60242 руб., а возвращено – 68 %².

Таким образом, следует признать, что, несмотря на принимаемые меры, на протяжении всего рассматриваемого периода правоохранительным органам так и не удалось справиться с преступностью в кооперативной торговле. Если к 1948 г. общеуголовная преступность, в том числе и большинство видов экономической преступности, в стране и в Нижнем Поволжье пошли на спад, то растраты и хищения в потребительской кооперации только набирали обороты. Убытки от преступной деятельности работников кооперативов в Астраханской области составляли миллионы рублей. Размер причиненного ущерба от растрат и хищений значительно превышал сумму полученного возмещения. Процесс выявления преступлений осложнялся тем, что сотрудникам милиции и прокуратуры приходилось противодействовать не только явным расхитителям, но и контролировать работу ревизоров, которые во многих случаях к проведению ревизий и инвентаризаций относились формально, нередко халатно, а в отдельных случаях сами участвовали в хищениях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богданов С.В. Особенности развития законодательства по борьбе с экономической преступностью в СССР 1945-1953 гг. [Электронный ресурс] // Виртуальный клуб юристов [сайт] [2011] URL: <http://www.yurclub.ru/docs/criminal/article150.html> (дата обращения 12.08.2011 г.)
2. Борьба с хищениями и злоупотреблениями в государственной торговле и кооперации. Сборник документов / Сост.: Козлова И.О., Мочек Ю.И. М.: Госюриздат, 1956. 72 с.
3. Кондратьева Т.С. Материально ответственные лица при режиме социалистической собственности. [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас [2005] [сайт] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/42/ko12.html> (дата обращения 12.08.2011 г.)
4. Ордынский С.С. Расследование хищений в торговых организациях. Методическое пособие. М.: Госюриздат, 1954. 184 с.

¹ ИЦ УВД АО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 27. Л. 12-15.

² ГААО. Ф. Р-1702. Оп. 1. Д. 16. Л. 22.

УДК 324

Кучанов И.С.

Государственная публичная историческая библиотека России (г. Москва)

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ-2003: ТРИУМФ «ПАРТИИ ВЛАСТИ» ИЛИ ПОТЕРЯННАЯ ПОБЕДА КПРФ?

I. Kuchanov

State Public Historical Library, Moscow

2003 PARLIAMENTARY ELECTIONS: “RULING PARTY” TRIUMPH OR CPRF’S LOSS?

Аннотация. Статья посвящена переломному моменту в истории постсоветского парламентаризма – выборам в Государственную думу РФ четвёртого созыва, на которых впервые «партия власти» одержала абсолютную победу над оппозицией. Противоборство двух крупнейших партий («Единой России» и КПРФ) в ходе избирательной кампании 2003 г. рассматривается сквозь призму материалов из Коллекции современных политических документов ГПИБ России. Их сопоставление и анализ позволили прийти к выводу, что позиционирование «Единой России» в агитационных материалах в качестве «партии ответственного большинства» стало одним из слагаемых её успеха. В свою очередь, изначально выигрышная для КПРФ стратегия, направленная на превращение выборов во всенародный референдум по широкому кругу актуальных социально-экономических вопросов, не возымела должного эффекта.

Ключевые слова: парламентские выборы, власть, оппозиция, политические партии, электоральные рейтинги, агитационные материалы.

Abstract. The paper highlights the critical moment in the history of post-Soviet parliamentarism – the election to the State Duma of the fourth convocation at which for the first time the “ruling party” celebrated a resounding victory over the opposition. The confrontation between two leading parties, “United Russia” and “Communist Party of Russian Federation” (CPRF) in the course of 2003 election campaign is scrutinized through the prism of unique materials forming part of the Collection of the newest history political documents accumulated in the State Public Historical Library. Their comparison and analysis brought the author to the conclusion that the idea of positioning “United Russia” as “the party of responsible majority” which is clearly reflected in pre-election materials made a considerable contribution to the triumph of the party. On the other hand, initially advantageous CPRF’s strategy aimed at transforming the elections into all-people’s referendum on a wide range of current socio-economic issues ultimately failed.

Key words: elections, power, opposition, political parties, electoral ratings, pre-election materials.

Выборы в Государственную думу четвёртого созыва 7 декабря 2003 г. по праву можно назвать переломным моментом в истории постсоветского парламентаризма. Впервые партия, поддерживающая президента и правительство, достигла столь впечатляющих успехов: на счету «Единой России» 37,57% голосов по пропорциональной системе и лидерство в 103 одномандатных округах. При этом её основные соперники из КПРФ довольствовались лишь 12,61% по партийным спискам и победой 12 депутатов-одномандатников. Эти результаты особенно интересны в сравнении с данными опросов общественного мнения, проводившихся всего лишь за полгода до выборов и прогнозировавших получение левой оппозицией относительного большинства депутатских мандатов. Противоборство двух крупнейших политических партий накануне думских выборов 2003 г. и станет предметом данной работы.

Чем можно объяснить кардинальную смену приоритетов российских избирателей за столь короткий срок? Для ответа на этот вопрос обратимся к документам, хранящимся в фондах Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИБ) России.

Вначале познакомимся с неопубликованными ранее материалами выпуска «Политические индексы» (№ 6 (8) от 12 мая 2003 г.), подготовленными специалистами Центра иссле-

дования политической культуры России (ЦИПКР) для КПРФ. Второй раздел этого документа содержит электоральные рейтинги политических партий и вероятных кандидатов в президенты, представленные тремя социологическими центрами – Фондом «Общественное мнение» (ФОМ), Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и собственно ЦИПКР. Приведём данные по лидерам опросов (см. табл. 1-2)¹:

Следует отметить, что достоверность представленных данных не вызывает сомнения хотя бы в силу минимальных расхождений в цифрах (в пределах статистической погрешности) трёх Центров, ориентирующихся на различные элитные группы. Так, если ФОМ традиционно тяготеет к «партии власти», а ЦИПКР не скрывал связи с КПРФ, то специалисты ВЦИОМ на тот момент не

имели ярко выраженных политических пристрастий.

Наиболее очевидные выводы, которые можно сделать из приведённых цифр, следующие.

1. Основная борьба за победу на парламентских выборах разгорится между партиями «Единая Россия» и КПРФ, а на президентских выборах действующему главе государства будет противостоять представитель левой оппозиции. Целью остальных политических сил является лишь прохождение в Государственную думу (преодоление пятипроцентного барьера) и получение третьего места на выборах высшего должностного лица страны.

2. Избиратели по-прежнему воспринимают В.В. Путина в качестве безальтернативного кандидата; за него готовы проголосовать сторонники большинства политических сил.

Таблица 1

Электоральные рейтинги политических партий

Партия / Социологический Центр	ФОМ 26-27.04.2003 (в % от всех избирателей)	ВЦИОМ 24-28.04.2003 (в % от участников выборов)	ЦИПКР 17-24.04.2003 (в % от участников выборов)
КПРФ	22	28	27
«Единая Россия»	21	21	24
ЛДПР	6	7	4
СПС	3	6	4
«Яблоко»	4	6	6

Таблица 2

Электоральные рейтинги вероятных кандидатов в Президенты

Политики / Социологический Центр	ФОМ 26-27.04.2003 (в % от всех избирателей)	ЦИПКР 17-24.04.2003 (в % от всех избирателей)
Путин В.В.	48	44
Зюганов Г.А.	15	13
Жириновский В.В.	4	3
Явлинский Г.А.	2	4
Тулеев А.Г.	2	2

¹ Таблицы составлены на основании данных: ГПИБ России. Коллекция современных политических документов. НП4/73. Инв. №1058985.

3. Личные рейтинги лидеров оппозиционных партий примерно на 1/3 меньше, чем у возглавляемых ими формирований. Причём если в случае с КПРФ и «Яблоком» это можно объяснить идеологическим характером партий, то в случае с вождистской ЛДПР мы видим, что в глазах части её электората В.В. Жириновский однозначно проигрывает в популярности действующему Президенту.

4. Поддержка избирателями В.В. Путина автоматически не переносится на «Единую Россию», однако у этой партии существует достаточно большой резерв для электорального роста.

Рассмотрим более подробно положение двух ведущих партий на момент начала предвыборной кампании. После завершения второго электорального цикла (1999-2000 гг.) происходил процесс, получивший название «навязанный консенсус» российских элит, имевший своим следствием резкое ограничение электоральной конкуренции [1, 30-36]. По мнению В.Е. Гельмана, за это время «правящая группа смогла успешно навязать всем иным политическим акторам страны (парламент, партии, крупный бизнес, СМИ, региональные элиты) новые «правила игры». Они вынуждены были либо отказаться от своей политической автономии и от любых претензий на конкуренцию с правящей группой, либо лишиться ресурсов, необходимых для политической конкуренции» [2, 31].

«Подчинив себе региональную бюрократию и заставив её поддерживать «Единую Россию», федеральная власть ослабила, а затем и вовсе ликвидировала конкуренцию административных ресурсов, которая в какой-то степени замещала ещё не сформировавшуюся партийную конкуренцию» [6, 730], – отмечают А.В. Кынев и А.Е. Любарев.

«Единая Россия» не только унаследовала ресурсы прежних «партий власти», но и продемонстрировала высокую степень организационной преемственности, возникнув как результат слияния «Единства» и «Отечества». Однако, как считает А.В. Лихтенштейн, из-за возникших в ходе объединительного процесса сложностей «накануне парламентских вы-

боров 2003 г. «Единая Россия» не могла похвастаться сетью дееспособных региональных отделений, которые могли бы обеспечить эффективную мобилизацию электората «партии власти». В одних регионах отделения оказались ослаблены внутренними конфликтами, в других – продолжалась конкуренция между местными и федеральными претендентами на пост главы региональной «Единой России», в третьих – назревали противоречия между партийными отделениями и региональной администрацией» [7, 240].

Отражением этих сложностей можно считать относительно невысокий для «партии власти» рейтинг, колебавшийся в диапазоне от 18 до 25% до лета 2003 г. Сами по себе эти цифры были существенными, но совсем не гарантировали получение большинства в Государственной думе четвёртого созыва. Между тем руководство страны, как станет понятным позже, стремилось сконструировать качественно новый парламент, который перестанет быть «местом для дискуссий» (по словам Б.В. Грызлова) и обеспечит беспрепятственное прохождение любых инициатив исполнительной власти.

Несмотря на то, что после передела думских комитетов в апреле 2002 г. влияние левой оппозиции на работу ГД было минимизировано, для принятия многих решений требовалась поддержка не только союзной группы «Народный депутат», но и либеральных партий (СПС и «Яблоко»). Особенно заметно это стало, когда потребовалось любой ценой заблокировать инициативу КПРФ по проведению референдума по ряду ключевых вопросов экономической и социальной политики в сентябре 2002 г. Тогда, чтобы набрать более 300 голосов в поддержку поправок в закон «О референдуме РФ», запрещающих проводить референдум в год парламентских и президентских выборов, администрация Президента столкнулась с необходимостью договариваться со всеми некоммунистическими фракциями и даже с отдельными независимыми депутатами.

Возможно, именно этот случай побудил работающих на Кремль специалистов за-

няться разработкой планов создания в новом созыве ГД так называемой «полуторпартийной системы», предполагающей конституционное большинство для «партии власти» и несколько небольших фракций остальных партий, которым фактически будет уготована роль статистов. По нашему мнению, для реализации подобного сценария, который до выборов не брался спрогнозировать практически никто из аналитиков, требовалось несколько взаимодополняющих технических условий:

1) получение «Единой Россией» относительного большинства по пропорциональной системе на уровне не менее 35% с обязательным отрывом в разы от ближайшего конкурента;

2) сокращение количества партий, преодолевших 5%-й заградительный барьер, с целью увеличения рейтинга конверсии голосов в депутатские мандаты по пропорциональной системе;

3) победа в большинстве одномандатных округов и негласная договорённость с сильными кандидатами-инкумбентами от других партий о сотрудничестве или непротиводействии в ходе предвыборной кампании в обмен на вступление во фракцию «партии власти» после победы на выборах;

Для осуществления поставленных задач требовалось проведение следующих мероприятий в рамках предвыборной кампании:

1) объединение федерального и регионального административного ресурса и мобилизация их на поддержку единственной «партии власти» – «Единой России»;

2) жёсткая привязка «Единой России» к главе государства с целью недопущения перетекания «путинского электората» к другим политическим силам;

3) массированная пропагандистская кампания, направленная против КПРФ и либеральных партий с целью снижения их рейтинга.

4) активное использование «партий-спойлеров» и «кандидатов-киллеров» в одномандатных округах с целью дискредитации и раскола электората КПРФ.

Проиллюстрируем теперь означенные положения на конкретных примерах. Коллекция Исторической библиотеки содержит серию макетов листовок, выпущенных партией «Единая Россия» для печати и распространения в регионах.

Представленная на иллюстрации № 1 листовка «Единая Россия» – ответственное правительство большинства¹ не только

Ил. 1.

наглядно демонстрирует заявку партии на доминирующее положение в новом парламенте, но и показывает избирателям политические предпочтения В.В. Путина, цитаты которого «украшают» этот и многие другие агитационные материалы. Достаточно символический лозунг «Возьмём власть – ответим делом!» имеет двоякий смысл: с одной стороны, подчёркивается, что «Единая Россия» на тот момент не являлась «партией власти». По меньшей мере, это достаточно спорное утверждение. С другой стороны, здесь просматривается желание привлечь на свою сторону ту часть «путинского электората», ко-

¹ ГПИБ России. Коллекция современных политических документов. НП4/271. Инв. №1093235.

торый скептически относится к российскому парламентаризму как таковому и ждёт от законодательной власти не дискуссий, а «реальных дел», т. е. безоговорочного одобрения всех инициатив популярного президента.

Одной из центральных тем в агитационных материалах «Единой России» была критика оппозиционных партий. Достаточно нетривиальный ход осуществили кремлёвские политтехнологи, введя в оборот термин «партии старой власти», к которым были причислены все значимые оппоненты «Единой России» – КПРФ, «Яблоко» и СПС. Подобное пропагандистское клише встречается в ряде агитационных материалов (например, «Реформа ЖКХ. «Единая Россия» защитила народ»¹ и др.), но наиболее показательной является листовка «Реформа электроэнергетики будет по закону! ...а не по Чубайсу»² (иллюстрация № 2). Из неё мы узнаём, что снижение тарифов на электроэнергию в 14

регионах России и ряд других позитивных аспектов реформы – оказывается, заслуга исключительно «Единой России», а «на принятие своевременных законодательных решений по энергетике не смогли повлиять ни олигархи, ни популизм депутатов из партий старой власти: КПРФ, «Яблоко» и СПС».

Напомним, однако, что снижение тарифов на 20% в ряде регионов (Санкт-Петербург, Свердловская область, Нижегородская область и др.) с 1 ноября 2003 г. произошло совсем не по воле законодателей, а решением Правления РАО «ЕЭС России», инициатором которого стал А.Б. Чубайс, входивший в первую тройку партийного списка СПС и рассчитывавший привлечь дополнительные голоса избирателей. В рамках этой стратегии структурными подразделениями РАО «ЕЭС России» по всей стране была осуществлена массовая рассылка писем от имени А.Б. Чубайса с обоснованием пользы проведения энергетической реформы и информацией о результатах политики сдерживания тарифов³.

Поскольку, несмотря на очевидную конъюнктурность этого шага, он был позитивно воспринят избирателями, ответом «Единой России» и стал выпуск и не менее массовая рассылка упомянутой листовки. Парадокс ситуации заключается в том, что в данном случае «Единая Россия» не просто присваивает себе авторство чужой инициативы по снижению тарифов, но и обвиняет СПС в числе других оппозиционных партий в противодействии принимаемым решениям.

Параллельно политтехнологи «Единой России» при выпуске этой листовки преследовали ещё одну, не менее важную, цель – связать в восприятии избирателей имя крайне непопулярного у большинства людей А.Б. Чубайса с КПРФ и партией «Яблоко», которые, в отличие от «партии власти», изначально выступали против реформы электроэнергетики по Чубайсу.

Ил. 2.

¹ ГПИБ России. Коллекция современных политических документов. НП4/271. Инв. №1014851.

² ГПИБ России. Коллекция современных политических документов. НП4/271. Инв. №1093236.

³ Примеры писем см.: ГПИБ России. Коллекция современных политических документов. НП4/271. Инв. №№1068078 (г. Санкт-Петербург), 1068079 (г. Таганрог Ростовской области).

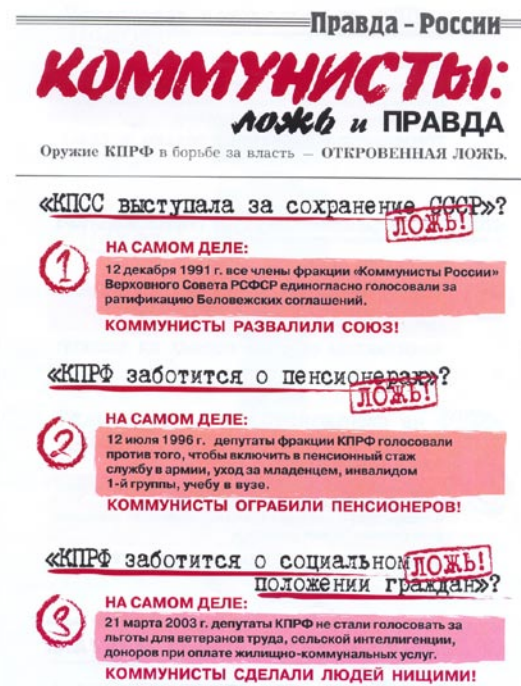
Рассматривая эту листовку, нельзя не отметить и достаточно грамотный выбор лозунгов: «Вместе мы восстановим сильную Россию!» и «Сильная Россия – Единая Россия!». Если сопоставить их с текстом, то создаётся впечатление, что виноваты в многочисленных проблемах и развале России именно «старые партии власти» (КПРФ, «Яблоко» и СПС). По этой же логике, восстановить страну получится только с «Единой Россией».

Поскольку основным оппонентом «партии власти» была левая оппозиция, то для дискредитации КПРФ по заказу «Единой России» была выпущена целая серия агитационных материалов для различных категорий избирателей. Наиболее презентабельным образцом из этой серии являлась брошюра одного из идеологов «Единой России» А.К. Исаева под названием «КПРФ: слова и дела», выпущенная в нескольких вариантах¹. Во введении обозначается и адресат данного издания: «...я знаю, что в России есть и немало думающих людей, которым не нравится «дикий капитализм», созданный в 90-е годы, и которые полагают, что КПРФ является единственным средством ему противостоять». Сложно не согласиться с автором в том, что «людям, умеющим рассуждать спокойно и непредвзято, наверное, будет интересно сравнить слова и реальные дела КПРФ».

На наш взгляд, в данной работе не имеет смысла подробно останавливаться на содержании взаимных претензий двух ведущих партий. Отметим лишь, что сравнительный анализ брошюры «Отчет фракции КПРФ (1999-2003 гг.)»² и упомянутой работы А.К. Исаева позволяет констатировать диаметрально противоположность взглядов «партии власти» и левой оппозиции практически по всем обсуждавшимся в то время проблемам (Земельный и Трудовой кодексы, социальная политика, реформа электроэнергетики и др.). Единственным серьезным исключением стал вопрос о деятельности правительства

М.М. Касьянова, критика которого объединила непримиримых оппонентов. Хотя и по этому вопросу не обошлось без некоторых различий: если объектом критики «Единой России» в основном были лишь отдельные непопулярные министры (главным образом – министр труда и социального развития А.П. Починок³), то КПРФ выражала недоверие всему кабинету министров⁴. Как бы то ни было, представляется, что выпуск брошюры А.К. Исаева был достаточно удачным и вполне допустимым в политической борьбе агитационным ходом «партии власти».

Гораздо более неоднозначным с точки зрения политической этики стало появление серии листовок под названием «Правда – России. Коммунисты: ложь и правда». Макет одной из них представлен на иллюстрации № 3. При знакомстве с листовкой⁵

Ил. 3.

³ См., например: ГПИБ России. Коллекция современных политических документов. НП4/271. Инв. №1014797.

⁴ См., например: ГПИБ России. Коллекция современных политических документов. НП4/271. Инв. №1093317.

⁵ ГПИБ России. Коллекция современных политических документов. НП4/271. Инв. №1088848.

¹ ГПИБ России. Коллекция современных политических документов. НП4/271. Инв. №№1093315, 1093316.

² ГПИБ России. Коллекция современных политических документов. НП3/4141.

бросается в глаза полное отсутствие атрибутики «Единой России» и упоминания о партии (за исключением напечатанной мелким шрифтом информации о заказчике), а также стилизация под агитационные материалы КПРФ, что было крайне нетипично для ведущей политической силы. Причина подобной «конспирации» становится понятной, если внимательно проанализировать содержание листовки. Очевидно, что такие выводы как: «Коммунисты развалили Союз!», «Коммунисты ограбили пенсионеров!», «Коммунисты сделали людей нищими!» и т. д. носят откровенно провокационный характер.

Несомненно, что целью выпуска данной печатной продукции являлась дезориентация электората КПРФ из числа городского населения и переориентация его на другие партии. О предполагаемых адресатах листовок говорит, в частности, обращение в них к теме увеличения размера надбавок за учёную степень. Наличие выходных данных позволяло распространять эти агитационные материалы совершенно открыто и в больших количествах, а обтекаемые формулировки («полуправда») практически исключали возможность доказать нарушение партией «Единая Россия» избирательного законодательства.

Для жителей райцентров и сельской местности были изготовлены не столь качественные, но намного более доходчивые свидетельства «неправоты» КПРФ. По форме и содержанию их можно однозначно отнести к проявлениям «чёрного PR» [5]. Коллекция ГПИБ содержит несколько подобных «шедевров». В их числе листовка «Ври, да не завирайся»¹, выпущенная якобы от имени Общественного комитета «За честные выборы». Она не содержит никаких выходных данных, зато наполнена оскорблениями в адрес КПРФ, в том числе: «Не солгать, так и не продать – главный принцип пропагандистской работы лидеров КПРФ...»; «Вся эта фантазия, между прочим, официальный документ партии, проникнута духом очков-

тирательства...»; «Товарищи из КПРФ!!! Уж если берётесь врать, так врите согласованно!!!» и т. д.

Ещё одним проявлением грязных политических технологий стало издание и распространение брошюры «Три ответа нашим политическим оппонентам»², авторство которой приписывалось Г.А.Зюганову. Неискущённым в политике избирателям от имени лидера КПРФ предлагались ответы на такие провокационные вопросы, как: «Почему депутаты КПРФ голосовали за распад СССР?», «Почему в партийном списке КПРФ впервые нет представителей трудового народа?» и «Почему так называемые олигархи включены в партийный список КПРФ 2003 года?».

Распознать эти фальшивки не стоило никакого труда как по стилю подачи материала, так и по оформлению (чего только стоят соседствующие рядом надписи на обороте брошюры «Прочитал сам – передай другому!» и «Цена 2 руб.»), однако эффективность их воздействия на избирателей многократно повышалась проходящей в то же время массовой антикоммунистической кампанией по центральному телевидению. Небезынтересно также отметить высокую степень сходства между этими проявлениями «чёрного PR» и описанными выше агитационными материалами «Единой России» антикоммунистической направленности. Оно выражается как в круге предъявляемых КПРФ «обвинений», так и в многократно повторяемой, но достаточно слабо аргументированной «доказательной базе».

Проанализируем теперь положение КПРФ – ведущей оппозиционной силы, против которой был направлен основной удар «партии власти». Следует отметить, что партия подошла к старту предвыборной кампании в достаточно сильной форме. Весомый объём «ядерного» электората, стабильный рейтинг на протяжении долгого времени в диапазоне 22-28%, сохраняющиеся позиции в региональной элите – вот далеко не полный перечень слагаемых возможного успеха КПРФ.

¹ ГПИБ России. Коллекция современных политических документов. НП4/271. Инв. №1009706.

² ГПИБ России. Коллекция современных политических документов. НП4/271. Инв. №1073121.

В отличие от прошлых парламентских выборов, в 2003 г. представители левой оппозиции претендовали не на 2/3 мест в парламенте, а на простое большинство. Представляется, что достижение этой цели было вполне реально, однако во многом оно зависело от выполнения следующих условий:

1) консолидация левых и патриотически настроенных избирателей вокруг КПРФ в отсутствие равнозначных политических проектов в этом сегменте политического спектра;

2) отсутствие единства в рядах «партии власти» и самостоятельная политическая «игра» губернаторов;

3) получение доступа к федеральным и региональным СМИ или их нейтралитет.

Однако на повторение ситуации четырёхлетней давности, когда на фоне жёсткой и бескомпромиссной борьбы «Единства» и «Отечества» КПРФ смогла достаточно успешно выступить (первое место с 24,29% голосов), партии рассчитывать не приходилось.

Следствием нового курса власти на создание в Государственной думе четвёртого со звыва полупартийной системы стало усиление властной вертикали на региональном уровне. Если раньше многие губернаторы успешно взаимодействовали с несколькими крупными партиями, «проводя» по их спискам своих людей, то теперь из Кремля поступил жёсткий сигнал – «работать» только на «Единую Россию». Отражением этого стало рекордное количество глав администраций во главе партийных списков «партии власти» – 37 человек, часть из которых была ранее избрана при поддержке левой оппозиции (например, губернаторы Краснодарского края и Нижегородской области).

Кардинальным отличием от кампании 1999 г. были не только монолитность «партии власти» и отсутствие у неё сколько-нибудь серьёзных конкурентов в борьбе за голоса центристского и конформистски настроенного электората, но и появление на левом фланге политического спектра новой влиятельной силы – блока «Родина». Не соглашась с точкой зрения о том, что новая полити-

ческая сила была «проектом Администрации Президента», тем не менее можно прийти к выводу, что её появление в целом отвечало интересам Кремля.

Во-первых, разрыв С.Ю. Глазьева с коммунистами и создание им нового народно-патриотического объединения с участием многих известных политиков затрудняли позиционирование КПРФ в качестве ведущей оппозиционной силы. В связи с этим кампания по раскрутке «Народного блока КПРФ» (в рамках которой происходило распространение выпущенных миллионным тиражом листовок¹) не дала ожидаемого эффекта.

Во-вторых, рост рейтинга «Родины», особенно заметный в последний предвыборный месяц, во многом (хотя и не только) происходил за счёт снижения числа желающих проголосовать за КПРФ, что приводило к «распылению» голосов оппозиционного электората. Особенно плохие последствия для коммунистов оно имело на выборах по мажоритарной схеме, где при системе относительного большинства победить кандидата от «партии власти» было возможно (и то далеко не везде) только путём сложения усилий оппозиции. Поскольку этого не произошло, в подавляющем большинстве одномандатных округов победили представители «Единой России» или самовыдвиженцы, с которыми «партия власти» вступала в латентные коалиционные соглашения [3, 53-57]. Минимальный разрыв во многих округах между победителем-единороссом (или самовыдвиженцем) и представителем КПРФ показывает, что победа «партии власти» здесь была совсем не predetermined и во многом стала следствием раскола левой оппозиции.

В-третьих, прохождение в Государственную думу «Родины» повышало легитимность парламента в глазах общества, так как впервые в парламенте оказались представлены избиратели, придерживающиеся умеренно-националистических взглядов (их представителем была партия «Народная воля» – соучредитель избирательного блока).

¹ ГПИБ России. Коллекция современных политических документов. НП4/271. Инв. №1093355.

Возвращаясь к предвыборной кампании КПРФ, следует остановиться подробнее на серии агитационных материалов «Выборы в Государственную думу станут всенародным референдумом». Безусловно, что проведение инициированного КПРФ в начале 2003 г. референдума по широкому кругу социально-экономических вопросов с заранее предпрешёнными ответами граждан радикально изменило бы политическую ситуацию в стране и во многом предопределило бы итог парламентских выборов в пользу левой оппозиции. Чтобы этого не допустить, власть смогла добиться законодательного запрета на проведение референдумов в год выборов (о трудностях прохождения этого решения через Думу уже упоминалось выше). Потерпев поражение в стенах парламента, коммунисты решили сделать тему референдума ключевым моментом в предвыборной агитации. «Власть боится народа. Референдум запрещён, но борьба продолжается», – эта фраза занимает важное место в упомянутой серии листовок.

Почему же основная масса избирателей, будучи готовой поддержать на референдуме предложение по ограничению оплаты за услуги ЖКХ десятью процентами от дохода семьи, осталась равнодушной к призывам подобного рода в ходе избирательной кампании: «Голосуйте за КПРФ на выборах в Государственную думу в декабре 2003 года – за дешёвое жильё, электроэнергию и иные коммунальные услуги...» (см. текст листовки¹ на иллюстрации № 4)? Ответ на этот вопрос подводит нас к более общим выводам относительно результатов выборов-2003.

Следует констатировать, что призыв правящей партии «Верьте только делам!» на фоне повышения с 1 октября 2003 г. зарплат бюджетникам на 33% оказался намного более действенным в борьбе за голоса избирателей, чем радикальные предложения КПРФ по изменению социально-экономического строя в стране.

Возникает ощущение, что триумф «Единой России» стал возможен не только благо-

¹ ГПИБ России. Коллекция современных политических документов. НП4/271. Инв. №1005841.

Ил. 4.

даря укреплению властной вертикали и концентрации административного ресурса. Во многом он произошёл из-за неверия людей в возможность КПРФ реализовать намеченные благие цели. Нельзя забывать и об изменении «повестки дня» избирательной кампании вслед за арестом М.Б. Ходорковского в октябре 2003 г., когда на первый план встала борьба с олигархами и за перераспределение природной ренты. Как справедливо отмечает Ю.Г. Коргунюк, «всенародная нелюбовь перефокусировалась с верховной власти – не без стараний последней – на узкую группу крупных бизнесменов, так называемых олигархов» [4, 382]. На этом фоне партийный список КПРФ, содержащий достаточно много состоятельных людей, стал достаточно уязвим для критики конкурентов.

Несомненно, эти факторы существовали и ранее, однако крайне агрессивная антикоммунистическая кампания, развязанная в электронных и печатных СМИ, а также с помощью «накрывшего» страну вала агитационных материалов, позволила разрушить «ядерный» электорат КПРФ и качественно изменить политическую ситуацию в стране.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гельман В.Я. Второй электоральный цикл и трансформация политического режима в России // Второй электоральный цикл в России, 1999-2000 гг.: коллективная монография. М.: Весь мир, 2002. С. 10-42.
2. Гельман В.Я. Эволюция электоральной политики в России: на пути к недемократической консолидации? // Третий электоральный цикл в России, 2003-2004 годы: коллективная монография. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 17-38.
3. Голосов Г.В. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 года // Третий электоральный цикл в России, 2003-2004 годы: коллективная монография. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 39-58.
4. Коргунюк Е.Г. Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд ИНДЕМ, 2007. 542 с.
5. Кучанов И.С. Материалы «чёрного PR» в коллекции ГПИБ России // Библиотека и история: материалы межд. науч. конф., Москва, 18-19 ноября 2008 г. М.: Изд-во ГПИБ, 2010. С. 263-274.
6. Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2011. 792 с.
7. Лихтенштейн А.В. Федерализм и «партии власти» в России: территориальное распределение электоральной поддержки // Третий электоральный цикл в России, 2003-2004 годы: коллективная монография. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 217-245.

УДК 327.2

Ковалева О.С.

Астраханский государственный университет

**ФАКТОР КУЛЬТУРЫ В ОБОСНОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРИОРИТЕТОВ РОССИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

O. Kovaleva

Astrakhan State University

**CULTURAL FACTOR IN SUBSTANTIATING RUSSIA'S POLITICAL PRIORITIES
IN EUROASIAN GEOPOLITICAL SPACE: HISTORY AND PRESENT**

Аннотация. В статье рассматривается культурная составляющая евразийской концепции сотрудничества на постсоветском пространстве. Автор уделяет внимание процессу возрождения интереса к идеям культуры в рамках классической доктрины евразийства, созданной в среде русской эмиграции в XX в. Проведя сравнительное исследование современной и классической доктрины евразийства, автор пришел к заключению, что с помощью сложной культурологической интерпретации политические и общественные деятели пытались и пытаются решить вполне конкретные геополитические проблемы возрождения ареала – «Россия-Евразия». В данном аспекте именно культура должна стать тем прочным фундаментом, который закладывался веками и на котором Россия должна строить сотрудничество в евразийском регионе на постсоветском пространстве. На сегодняшний день существует два аспекта делающих Россию центрообразующим элементом на данном этапе – это историческая геополитическая миссия и фактор русского языка, имеющей историческое преимущество.

Ключевые слова: культура, евразийство, политический приоритет, постсоветское сотрудничество, геополитическое пространство.

Abstract. The article considers the cultural component of the Euroasian concept of cooperation on the post-Soviet territory. The author pays attention to the revival of interest in ideas of culture within the framework of the classical doctrine of "evrazijstvo" created in the environment of Russian emigration in the 20th century. Having conducted comparative research of the modern and classical doctrine "evrazijstvo" the author has come to the conclusion that it is by means of difficult culturological interpretation that political and public figures tried in the past and are trying nowadays to solve quite concrete geopolitical problems of revival of the so-called "Russia-Eurasia" area. In the given aspect culture presents itself a strong base launched by centuries on which Russia should build cooperation on the post-Soviet territory of the Eurasian region. Nowadays there are two aspects making Russia the central element of the region: its historical geopolitical mission and the Russian language.

Key words: culture, "evrazijstvo", political priority, post-Soviet cooperation, geopolitical space.

29 марта 1994 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев впервые выступил с инициативой евразийской реинтеграции, заключающейся в создании совершенно нового объединения стран-участниц СНГ, и предложил назвать новообразованное Евразийским союзом – ЕАС. В своем проекте Н. Назарбаев предложил идею евразийства в качестве конструктивной геополитической доктрины, предусматривающей новый стратегический механизм политической и экономической интеграции стран – участниц СНГ [2, 32].

С этого момента следует отсчитывать новую эпоху, эпоху, в которой евразийство стало служить не только теорией, но и конкретной политической практикой. Споры о том, соответствует ли эта доктрина коренным интересам народов, живущих на территории СНГ, или нет, продолжают по сей день. Одни видят в ЕАС потенциального соперника Европейского

союза и сильного геополитического субъекта мировой политики, другие воспринимают ЕАС лишь как попытку возрождения Советского Союза. Тем не менее Россия, что нельзя не признать, имеет стратегические интересы в данном регионе, и насколько активно она будет участвовать в процессе создания ЕАС, зависит от ряда факторов, среди которых немаловажным является культурный фактор.

Следует определить степень влияния культурной составляющей на формирование политических приоритетов России на евразийском геополитическом пространстве. В связи с этим необходимо рассмотреть концепцию культуры в рамках классической доктрины евразийства, охарактеризовать степень востребованности идеи культуры в современной политике, выявить культурную составляющую концепции сотрудничества на постсоветском пространстве.

С помощью сложной культурологической интерпретации политические и общественные деятели пытались и пытаются решить вполне конкретные геополитические проблемы возрождения того ареала, который евразийцы считали «месторазвитием» особого типа государственности — «России-Евразии». Евразийство для современной России является политической платформой, предлагающей реальную альтернативу либерально-демократическому проекту модернизации постсоветской государственности.

Впрочем, новая и оригинальная доктрина имеет главным образом терминологическую связь с доктринами классиков евразийства и с современными евразийскими доктринами, выдвигаемыми в России.

Само понятие «евразийства» как определенной идейно-политической и геополитической концепции появилось в среде русской эмиграции. Основные утверждения евразийцев сводились к немногим основным положениям. Россия – это не Европа и не Азия, а Евразия, и поэтому она имеет особый путь развития. Авторы пытались по-новому осмыслить проблему взаимоотношений России и Запада, декларировали «возврат к себе, намерение жить, не отрываясь от своих

корней», пытались осознать процессы, происходящие в СССР, через трактовку русской революции как знака рождения новой России. Вскоре от евразийцев отошел Г.В. Флоровский, который стал богословом и подверг евразийцев резкой критике. Евразийские теории развивал философ Л.П. Карсавин. Евразийское учение о государстве разрабатывал специалист в области философии и права Н.Н. Алексеев. Участвовали в развитии идеологии евразийства Д.П. Святополк-Мирский, С.Я. Эфрон, П. Арапов.

Евразийское учение основывалось на четырех идеях: 1) Россия – это Евразия, идущая особым путём развития; 2) человечество, культуры и нации являются симфоническими личностями; 3) все идеалы утверждаются на началах Православия; 4) идеальным является идеократическое государство.

С самого начала своего возникновения евразийство выступает как определенная историческая концепция, имеющая свои философские корни. Вся многоплановая теоретическая деятельность евразийцев была подчинена одной цели – показать своеобразие «культурной личности» России, точнее, Евразии, как особого «материка», занимающего срединное положение между цивилизациями Старого Света, не похожего ни на Европу, ни на Азию, хотя и испытавшего культурное воздействие и Запада, и Востока. «Россия, – писал П.Н. Савицкий, – занимает основное пространство земель “Евразии”. Тот вывод, что земли ее не распадаются между двумя материками, но составляют скорее некоторый третий и самостоятельный материк, имеет не только географическое значение. Поскольку мы приписываем понятиям “Европы” и “Азии” также некоторое культурно-историческое содержание, мыслим как нечто конкретное, круг “европейских” и “азиатско-азиатских” культур, обозначение “Евразии” приобретает значение сжатой культурно-исторической характеристики. Обозначение это указывает, что в культурное бытие России, в соизмеримых между собою долях, вошли элементы различнейших культур» [7, 162].

Определяя русскую культуру как «евразийскую», евразийцы заявили, что они «выступают как осознатели русского культурного своеобразия» [3, 456]. Вместе с тем в их работах отмечается, что это осознание они обосновывают некоторой общей концепцией культуры и делают из этой концепции конкретные выводы для истолкования ныне происходящего. Очевидно, что идея своеобразия, самобытности русской культуры в евразийстве тесно связана с их учением о культуре [4, 201].

В евразийстве концепция культуры занимает особое место. Однако представители евразийского движения не создали каких-то специальных объемных культурологических произведений. Культурологические представления евразийцев, как правило, присутствуют в работах, которые прямо и непосредственно не посвящены проблемам общей концепции культуры.

Из российских интеллектуалов, которые развивали в последние двадцать лет концепцию «неоевразийства», наиболее известный и авторитетный – Александр Дугин. Он попытался переосмыслить геополитические теории XX в. и построить или обосновать некую новую российскую геополитическую доктрину [2, 75].

Евразийские идеи активно вовлекаются в политический процесс и выполняют функции мировоззренческого обоснования политических приоритетов России в евразийском геополитическом пространстве. В этой связи отдельные аспекты евразийства, а в частности идеи культуры, становятся востребованными самыми различными политическими партиями и движениями в России.

Одной из наиболее последовательных форм институализации евразийской парадигмы в политическом процессе постсоветской России стало создание в 2002 г. партии «Евразия», которая с момента учреждения позиционировала себя исключительно как общественно-политическая структура по распространению и пропаганде евразийских идей, подготовке квалифицированного евразийского кадрового резерва и оказанию эф-

фективного влияния на современную политическую элиту в евразийском ключе [9, 22].

Формирование идейной платформы Коммунистической партии Российской Федерации происходило также под влиянием особой идеологии, которую точнее всего определить как «неоевразийство» [1, 583].

Идеи культуры, самобытности, уникальности и особой исторической миссии России можно увидеть и в программе Либерально-демократической партии России.

В последние годы все усиленнее ведется теоретическая работа по осмыслению концепции Евразийского проекта. Речь идет о таком модернизированном изложении евразийской концепции, которое могло бы стать идеологической основой Евразийского союза как более тесного сообщества государств, развивающегося рядом с Европейским союзом и другими межгосударственными объединениями.

Главное объяснение популярности евразийства в современном российском обществе заключается в том, что идея России как самодостаточного целостного культурного мира подсознательно исповедуется большинством населения страны. Вряд ли возможно отрицать наличие на постсоветском пространстве самостоятельной, самобытной культурно-цивилизационной среды, в основе которой лежит единый внутренний неантагонистический комплекс базисных представлений славянской, тюркско-монгольской, западноевропейской и даже византийской культур. При этом именно русская культура, пополняемая элементами культур других народов Евразии, должна стать базой наднациональной, евразийской культуры [6, 224].

В современном российском обществе существует понимание необходимости максимально эффективного использования и дальнейшего укрепления жизненно важных для государств-соседей исторически сложившихся культурных связей. Ведь остается в значительной степени единая культура, основанная на русском языке, на ценностях весьма высокого свойства, которые неясным

образом этот язык передает всем, в том числе и русскому народу и другим народам, которые взаимодействовали веками [8]. На протяжении десятилетий ведущие политики и ученые, говоря о создании евразийской концепции сотрудничества на постсоветском пространстве, уделяли огромное внимание экономической, военно-технической, в лучшем случае – геополитической составляющей. Но серьезная стратегия имеет и важную культурную составляющую. Ведь необычайно важны такие аспекты, как социокультурная идентичность и социокультурная память народов, невозможно не учитывать эти особенности при создании проектов будущего [5]. Если мы обратимся к историческому опыту, то не сможем не заметить, что именно социокультурная составляющая в обосновании политических приоритетов нашей страны всегда играла одну из главных ролей. Россия как культурная область и цивилизация – вольно или невольно – всегда рассчитывала на «центральное», «связующее» место в мире – между контрастными мирами, претендовала на роль «цивилизационного моста» между Европой и Азией и брала на себя функцию объединения противоречивых частей единого целого.

Именно культура должна стать тем прочным фундаментом, который закладывался веками и на котором Россия должна строить сотрудничество в евразийском регионе на постсоветском пространстве.

Ведь на сегодняшний день существует два аспекта, делающих Россию центрообразующим звеном на данном этапе – это историческая геополитическая миссия, а второй аспект – фактор русского языка, имеющий историческое преимущество.

Идея культуры, в контексте евразийства, является главным элементом сотрудничества России со странами евразийского региона на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дугин А.Г. КИРФ и евразийство // Основы евразийства. М., 2002. С. 579-589.
2. Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М.: РОФ «Евразия». 2004. 288 с.
3. Исход к Востоку. М.: Добросвет, 1997. 262 с.
4. Очилова Т.Н. Евразийская модель культуры // Цивилизации и культуры: Альманах. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994. С. 201-205.
5. Панарин А. Будет ли создан евразийский союз? // Программа Виталия Третьякова «Что делать?» [Информационный ресурс] / канал «Культура». май 2003 г.
6. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. 292 с.
7. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф. 1997. 464 с.
8. Салмин А. Будет ли создан евразийский союз? // Программа Виталия Третьякова «Что делать?» [Информационный ресурс] / канал «Культура». май 2003 г.
9. Самохин А.В. Евразийство как идейно-политическое течение в России XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 15 с.

УДК 93/94

Новиков П.С.

Московский областной государственный университет

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ РЕЙДЕРСТВА В РОССИИ

P. Novikov

Moscow State Regional University

APPROPRIATE DIRECTIONS OF RAID DEVELOPMENT IN RUSSIA

Аннотация. Статья посвящена выявлению основных тенденций рейдерства в России и прогнозированию его развития. Автор рассматривает типы компаний, становившихся приоритетным направлением рейдерских атак. В результате анализа он приходит к заключению, что при выборе жертвы рейдер руководствуется в первую очередь соотношением: прибыль – затраты. Исходя из этого соотношения, автор делает попытку выявления профиля компаний, наиболее перспективных с точки зрения рейдера в ближайшем будущем. В статье предлагается мера, затрудняющая преступные захваты предприятий.

Ключевые слова: рейдер, предприятие, прибыль, затраты, активы.

Abstract. The article is aimed at revealing the basic laws of corporate raid in Russia and forecasting its development. The author considers the types of the companies becoming priority goals for raider's attacks. As a result of the analysis the conclusion is made that choosing a victim the raider is guided, first of all, by parity: profit – expenses. Proceeding from this parity, the author makes an attempt to reveal a profile of the most "perspective" companies from the point of view of a raider and suggests a means that complicates criminal captures of business enterprises.

Key words: raider, enterprise, costs, profits, actives.

В последнее время государство уделяет рейдерству всё больше внимания: второй год подряд вносятся «Антирейдерские поправки», о них говорит президент: «Рейдерство – это сложное и очень опасное преступление, оно, по сути, душит экономику», – заявил глава государства сегодня на встрече с министром внутренних дел Рашидом Нургалиевым. «Кроме того, в последнее время количество таких преступлений возросло» [4]. Иногда их даже сажаяют: «Эдуард Таран уснул под залог» [12], правда, за попытку дачи взятки милиционеру. На 14 лет осуждён «Рейдер №1» Владимир Барсуков (Кумарин). Однако понятно, что наказание всего нескольких рейдеров не остановит проблему в целом. Наиболее точно в конце 2009 г. высказался Дмитрий Медведев на встрече с членами Совета федерации: «Я что-то не припомню, чтобы у нас кого-то посадили в тюрьму за рейдерство» [3].

В 2009 и 2010 гг. в законодательство были внесены поправки, однако рейдерство продолжает существовать. Неужели все эти меры оказались бесполезны? Законодатели жалуются на то, что рейдерство постоянно видоизменяется, поэтому бороться с ним с помощью только законов крайне затруднительно. Всё правильно, значит нужно создавать такие законы, которые опережают возможное направление «мутации» рейдерства. Сейчас создают поправки, направленные на то, чтобы максимально затруднить рейдеру работу по уже освоенной им схеме. В ответ делец, немного подумав, изобретает новую, значит, поправки должны не только мешать работе по старым схемам, но и учитывать появление наиболее предсказуемых новых схем. То есть для создания «антирейдерских поправок» необходимо научиться предугадывать ответные действия противника. Для того, чтобы успешно бороться с рейдерством, необходимо спрогнозировать его дальнейшее развитие. А для того, чтобы спрогнозировать развитие, необходимо понять закономерности, по которым оно развивается. А закономер-

ностей, в общем-то, всего две. Рейдерство – это бизнес, пусть и противозаконный (мы не рассматриваем «белое» рейдерство как одну из частей проблемы), а задача любого бизнеса – это получение максимальной прибыли. Вот и получается: главная закономерность такова – рейдер стремится туда, где есть возможность получить наибольшую прибыль. А значит, рейдер будет атаковать ту собственность, которая наиболее прибыльна на данный момент. Отсюда вытекает вторая закономерность – рейдер идёт по пути минимального сопротивления. Просто это рентабельнее, чем меньше издержек, потраченных на захват, тем больше итоговая прибыль рейдера. Следовательно, чем слабее защита предприятия, тем выше шансы стать объектом нападения. Получается, что при выборе жертвы рейдер руководствуется главным образом соотношением: прибыль – затраты на захват.

Считается, что в середине двухтысячных рейдеры начали осваивать провинцию: ««Отработав» столицу, бизнес-захватчики – так называемые рейдеры – отправились в российские регионы» [7], «Рейдеры устремились в регионы» [13]. Специалисты корпоративного права утверждают, что данный факт связан с тем, что в Москве передел собственности состоялся, и больше делить стало просто нечего. На мой взгляд, это не совсем так. Первые случаи рейдерства состоялись не в столице, а как раз в регионах: «Впервые технологию захвата предприятия и смены руководства с помощью спецподразделения применила «Металлургическая инвестиционная компания» (МИКОМ) во главе с Михаилом Живило в Новокузнецке в феврале (16-го числа) 1996 года» [6]. Был захвачен Кузнецкий металлургический комбинат (МКМ). И причины рейдерских захватов, по мнению Константинова, было две, точнее одна, вытекающая из другой: «К этому времени в российской экономике появились новые агрессивные бизнес-группы, которые начали создавать отраслевые холдинги.... У многих предприятий есть слабые места – критически важные и повторяющиеся за-

купки сырья или компонентов, без которых не произвести конечный продукт. Небольшой горно-обогатительный комбинат, продукт которого используется для литья стали, может диктовать условия металлургическому гиганту;...Для того, чтобы обезопасить себя от шантажа поставщиков и обеспечить стабильность производства, целесообразно включить в холдинг и другие части технологической цепочки, получив контроль над соответствующими предприятиями» [6]. Какие уж горно-обогатительные комбинаты в Москве. Известны сотни и даже, наверное, тысячи захватов предприятий в регионах в период с 1996 по 2000 гг. Поэтому говорить о том, что рейдерство началось со столицы, не приходится. Безусловно, захваты компаний на начальном периоде происходили и в Москве, и возможно даже чаще, чем в провинции, но не потому, что рейдерство здесь родилось, а потому, что концентрация наиболее прибыльных рейд-проектов приходилась именно на столицу.

Необходимо понимать, что на начальном этапе предприятия захватывались по двум причинам. Первая – извлечение чистой прибыли. И вторая – с целью включения в структуру бизнес-группы. По первой причине рейдеры отрабатывали собственность, приносящую максимальную, с точки зрения агрессора, прибыль. Что это за собственность? Огромные комбинаты, которые в результате приватизации оказались тысячекратно недооценены. Интерес для рейдера представляло не само предприятие, а его активы, обладавшие за пределами СНГ рыночной стоимостью в десятки, а то и сотни миллионов долларов. По второй причине, атаке подвергались предприятия, имеющие стратегическое, с точки зрения бизнеса, значение. На первом этапе рейдерства, соотношение прибыль – затраты на захват было не столь актуально как сейчас. Управленцы того времени, в основном, были так называемыми «красными директорами» – генеральные директора, управляющие предприятием по советски, ущемляют права болота (владельцы мелких пакетов акций – прим. автора) [9].

Они плохо разбирались в тонкостях корпоративного права и потому не могли оказать серьёзного сопротивления, поэтому рейдер выбирал жертву лишь по одной половине соотношения – прибыль. После того, как сливки были сняты, рейдерам волей-неволей пришлось обратить внимание на менее выгодные проекты. Соответственно, под огонь попали предприятия с менее прибыльными активами.

К середине двухтысячных г.г. наиболее прибыльным вложением капитала стали складские помещения и, в чуть меньшей степени, земля, поэтому рейдеры пошли именно по этому пути. Их любимой жертвой стали московские научно-исследовательские институты (далее НИИ). С точки зрения легального бизнеса это убыточные предприятия, однако, они обладают существенными активами, и наиболее ценный из них – огромные площади, которые можно использовать и в качестве склада, сдаваемого в аренду, и как надёжное вложение капитала (ведь земля в Москве постоянно дорожает). «Чаще всего жертвами рейдеров становятся научно-исследовательские институты. Они не обладают необходимыми ресурсами для того, чтобы себя защитить, однако им как правило принадлежит хорошая недвижимость» [8]. «Последняя мода московских рейдеров – атаки на научно-исследовательские институты: в прошлом году столичный УБЭП зафиксировал 21 корпоративный конфликт вокруг НИИ, в первом полугодии 2006 года – еще восемь. По мнению экспертов, некоторые бывшие храмы науки сами буквально напрашиваются на захват: научная деятельность в них давно свернута, а унылые совковые коробки из стекла и бетона, большинство помещений в которых сдаётся в аренду, и прилегающие территории съедают слишком большие и лакомые квадратные метры дорогой столичной земли. Так что с наукой рейдеры особо не церемонятся» [11].

Выбор рейдеров на НИИ пал не случайно. Во-первых, они в большинстве своём не могли оказать агрессору достойного сопротивления, так как, с одной стороны, управ-

лялись людьми, не готовыми противостоять захвату: теми же «красными директорами», а с другой – не имели средств для борьбы с рейдером. Мало того, НИИ возглавляло наемное руководство, а значит, существовала возможность его подкупа. Таким образом, НИИ на тот момент стали наилучшей мишенью, с точки зрения соотношения: прибыль – затраты на захват. После отработки московских институтов, рейдеры перекинулись на НИИ Санкт-Петербурга, а уж после – городов-миллионников. Хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что московские НИИ стали первыми жертвами не потому, что Москва – родина рейдерства в России, а потому, что складские помещения и земля в столице стоят дороже, чем в регионах, а рейдер строго следует закономерности прибыли. Со временем институты научились противостоять атакам, и сегодня соотношение: прибыль – затраты относительно них выглядит не столь привлекательно, как пять лет назад.

Однако в связи с тем, что наиболее прибыльным вложением капитала оставались складские помещения и земля, рейдеры не могли свернуть с пути захватов именно этих активов. Поэтому атаке подверглись магазины, ателье по пошиву одежды, парикмахерские, салоны красоты и другие предприятия. Их род деятельности не имеет для рейдера никакого значения, главное – интересующие его активы. Следовательно, чем больший метраж помещений имеет компания, тем выше её шансы стать жертвой. «В прошлом году, по оценкам экспертов, в Москве произошло не менее двадцати захватов некрупных помещений. Похоже, это только начало» [1]. При этом затраты на захват собственности будут незначительными, просто потому, что малый бизнес не имеет достаточно средств на надёжную защиту от захватчика. Таким образом, соотношение прибыль – затраты, в отношении подобных предприятий, выглядит для рейдера на сегодня наиболее привлекательно.

Руководствуясь данной логикой, легко понять, что по прошествии некоторого времени рейдеры перешли к атакам предпри-

ятий, владеющих помещениями в Санкт-Петербурге, а затем в городах-миллионниках. «Недавно ярославские предприниматели создали «Союз противодействия рейдерам». За год более 100 предприятий малого и среднего бизнеса региона подверглись рейдерским захватам. Борьба здесь предстоит, прежде всего, с захватчиками земель – это самый лакомый кусок для «черных рейдеров»» [2].

Безусловно, это не значит, что рейдеры в середине двухтысячных атаковали только НИИ, а сейчас атакуют исключительно предприятия, владеющие помещениями. Просто, на их взгляд, – это наиболее привлекательные мишени, потому что главное, чем руководствуется рейдер – это прибыль.

Малый бизнес, владеющий складскими помещениями, будет оставаться одним из приоритетных направлений рейдерских захватов ещё не менее десяти лет. Это связано с двумя факторами: во-первых, в стране сотни тысяч таких предприятий, следовательно, на поглощения этого рынка, рейдерам потребуется куда больше времени, чем на отработку НИИ. А во-вторых, в связи с повышенным вниманием к проблеме со стороны государства, процедура захвата собственности постоянно усложняется. Безусловно, рейдеры успешно находят и будут находить всё новые возможности, однако процесс захвата будет занимать всё больше времени.

В связи с этим новый пакет «антирейдерских поправок» должен быть направлен на защиту именно малого бизнеса, обладающего складскими помещениями и землёй. Например, обязать контролирующие органы проверять законность смены генерального директора и перехода мажоритарного пакета от одного собственника к другому. Сделать это достаточно просто, достаточно призвать бывшего генерального директора или бывшего владельца мажоритарного пакета, чтобы он лично подтвердил легитимность происходящего процесса. В случае его отказа признать законность данного процесса дело автоматически передаётся в Арбитражный суд. Возможно, кто-то выскажет идею о том, что загруженность судов возрастет в разы.

Однако этого не произойдёт, так как собственник, считающий себя обманутым, всё равно обратится в суд. Рейдер, стремящийся создать препятствия нормальной деятельности предприятия, также обратится в суд. Иск собственника, считающего себя обманутым, или рейдера попадёт в суд независимо от того, сделает он это сам или иск будет автоматически передан надзорными органами.

Для того чтобы усложнить работу рейдерства на приоритетном направлении, можно обязать контролирующие органы проверять законность смены генерального директора и перехода мажоритарного пакета от одного собственника к другому только предприятий, в активе которых более 100 квадратных метров.

Безусловно, в случае успешной законодательной защиты таких собственников, рейдер будет вынужден заниматься предприятиями с меньшей для себя рентабельностью, то есть с меньшим метражом. Но тогда соотношение: прибыль – затраты станет ещё менее выгодным. Затраты на захват предприятий с активами в 300 и 100 квадратных метров будут равны, а прибыль от их продажи будет различаться в разы. Смысл не в том, чтобы сделать бизнес рейдеров невыгодным, а в том, чтобы сделать его минимально рентабельным. Проблема в том, что этот бизнес слишком доходен (500% и выше). Если удастся снизить этот процент хотя бы до пятидесяти, рейдер предпочтёт легальный бизнес, благо таких возможностей в России предостаточно.

На сегодняшний момент основным направлением рейдерских атак остаются предприятия, владеющие складскими помещениями, однако стоит обратить внимание на появление в недалёком будущем ещё одного направления. Совсем недавно Россия получила право проведения Чемпионата мира по футболу 2018 г. Он пройдёт в тринадцати городах: Краснодар, Ростов, Самара, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань, Волгоград, Ярославль, Сочи, Калининград, Нижний Новгород, Москва, Саранск и в Московской области. Следовательно, в эти города будут

вложены огромные инвестиции, а земля в них будет неуклонно дорожать. На захват этого актива и будут направлены силы рейдеров. В первую очередь – это платные стоянки, гаражные кооперативы, городские рынки и прилежащие земли. Плюс к этому, 5 городов стоят на Волге, а так как водный путь наиболее дешёв, большая часть грузов будет перевозиться именно по ней. Значит, нешуточная борьба разгорится за волжские судоходные компании.

Данная ситуация на первый взгляд сходна с Олимпиадой в Сочи, однако это не совсем так. Это состязание проходит всего в одном городе, поэтому ситуация не выходит из-под контроля. На рейдерском сайте zahvat.ru проходило обсуждение возможностей атак на собственников данного региона. Вопрос звучал так: «Я бы не прочь там участок себе прикупить, но цены кусаются. Думаю, будет дешевле «прикарманить» чье то добро. Там сейчас золотое дно. Кто-нибудь там уже работал?» [10]. Рейдеры сошлись во мнении, что это крайне проблематично, так как «Сочи лакомый кусок для всех.... А по существу вопроса отвечу, да пробовали, но Путин всех сильнее таковы реалии российской действительности» [5], и второй комментарий: «Тут вопрос не в Путине, есть несколько компаний, которые работают в Сочи. Только крупняк, входной билет дорогой» [14]. Кроме того, в связи с Олимпиадой был принят «Сочинский закон», по которому территории, необходимые для подготовки к состязанию, изымаются у владельцев. В качестве компенсации им передаются участки земли на территориях, не используемых для нужд Олимпиады. Другими словами, если государству нужно, рейдеров в регион не пустят. Но Сочи – это всего лишь один город и окрестности. 13 городов и некая территория Московской области – это гораздо больший масштаб и его куда трудней контролировать, поэтому в недалёком будущем мы станем

свидетелем рейдерских атак на предприятия городов, принимающих Чемпионат мира.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белых А. Малый передел [Электронный ресурс] // Бизнес-журнал online : [Сайт]. [2007]. URL: <http://offline.business-magazine.ru/2007/112/279537> (дата обращения 27.04.2011).
2. Велетминский И. Операция «Антирейдер» // Российская Бизнес-газета. 2008. 9 дек.
3. Дранкина Е. В погоне за рейдером // Деньги. 2010. №15. С. 8-10.
4. ИТАР-ТАСС Президент РФ утвердил поправки о борьбе с рейдерством [Электронный ресурс] // «Российская газета» - издание Правительства РФ: [Сайт]. [2010]. URL: <http://www.rg.ru/2010/07/01/popravki-anons.html> (дата обращения: 26.03.2011).
5. Кент о-sochi [Электронный ресурс] // zahvat.ru. Искусство корпоративных войн: [сайт]. [2007]. URL: <http://www.zahvat.ru/show/forum/o-sochi> (дата обращения 27.04.2011).
6. Константинов А. Коррупцированная Россия. М.: Олма-пресс, 2006. 284 с.
7. Коробейникова С. Рейдеры – бросок в регионы // Росбалт. 2005. 21 окт.
8. НИИ – самая легкая добыча для рейдеров [Электронный ресурс] Общественный антикоррупционный комитет: [Сайт]. [2008]. URL: http://www.stopcorruption.ru/item_426.htm (дата обращения 27.04.2011).
9. Словарь [Электронный ресурс] // zahvat.ru. Искусство корпоративных войн: [сайт]. [2009]. URL: <http://www.zahvat.ru/entities/dictionary/> (дата обращения 27.04.2011).
10. Стерва о-sochi [Электронный ресурс] // zahvat.ru. Искусство корпоративных войн: [сайт]. [2007]. URL: <http://www.zahvat.ru/show/forum/o-sochi> (дата обращения 27.04.2011).
11. Тальская М. Прививка от захвата // Эксперт. 2006. №39. С. 23-25.
12. Трифонов В., Сичкарь О. Эдуард Таран уснул под залог // Коммерсантъ. 2010. 24 авг.
13. Фадеев А. Кредит «Троянский конь» // Расчёт. 2006. № 6. С. 45-46.
14. DoctorEvil о-sochi [Электронный ресурс] // zahvat.ru. Искусство корпоративных войн: [сайт]. [2007]. URL: <http://www.zahvat.ru/show/forum/o-sochi> (дата обращения 27.04.2011).

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327

Нуждёнов К.Э.

Московский государственный областной университет

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЛИМПИАДЫ В СОЧИ В 2014 г.

K. Nuzhdyonov

Moscow State Regional University

POLYTICAL ASPECTS OF 2014 OLYMPIC GAMES IN SOCHI

Аннотация. В статье на примере отношения различных стран к будущей Сочинской Олимпиаде 2014 г. анализируется взаимосвязь политики и большого спорта. Автором рассматривается сценарий, в соответствии с которым может иметь место срыв либо бойкотирование Олимпиады 2014 г. рядом стран. Анализ сложившейся ситуации вокруг Олимпийских игр 2014 г. позволяет сделать вывод: сочинская Олимпиада уже сейчас стала предметом политического шантажа России со стороны некоторых государств. В дальнейшем, по мере приближения 2014 г., прессинг, скорее всего, будет лишь усиливаться.

Ключевые слова. политика и спорт, Олимпийское движение, российско-грузинские отношения, грузино-абхазский конфликт.

Abstract. This paper reveals the correspondence between worldwide politics and worldwide sports by the example of different countries' attitude towards Sochi Olympic Games. The author considers the possible scenario according to which some countries may boycott the games or even cause their failure. Having summarized the facts and analyzed the trends the article makes it certain that Russia has already become the object of political extortion in the face of Sochi Olympics, with the situation getting worse.

Key words: politics and sport, Olympic Movement, Russian-Georgian relations, Georgian-Abkhazian conflict.

В развитие Сочи, курортного северокавказского города, вложено уже и будет вложено в дальнейшем – до 2014 г., порядка 12-14 миллиардов долларов. Именно в такую цифру, по предварительным оценкам, обойдётся Российской Федерации проведение зимних Олимпийских игр 2014 г. Ежегодно, вплоть до начала Игр, в развитие инфраструктуры Сочи, по оценкам экспертов, будет вкладываться в среднем от 25 до 40 миллиардов руб., что равнозначно годовому бюджету одной из российских областей с населением около двух миллионов человек [1, 3].

Столицей Олимпийских игр 2014 г. Сочи оказались провозглашены Международным Олимпийским Комитетом (далее – МОК) 5 июля 2007 г. [6]. После этой даты любое событие, связанное с абхазскими проблемами, будет трактоваться как событие не просто регионального или государственного, а более значимого масштаба, масштаба международного. И это

будет напрямую связано с зимними Олимпийскими играми 2014 г. Таким образом, можно констатировать: будущее Сочинской Олимпиады теснейшим образом связано с обстановкой на Кавказе, со стабильностью в политических отношениях между Грузией и Абхазией. Любая провокация может привести к срыву Олимпиады.

Таким образом, руководство Российской Федерации готовится к Олимпиаде, думая не только о разрешении огромного количества хозяйственных и финансовых проблем, но и памятуя о состоянии «замороженного» грузино-абхазского конфликта. Отношения с Грузией в этой связи становятся едва ли не важнейшими в системе международных отношений. А Кавказский вопрос в целом – приоритетным во внутренней политике.

Если в канун Олимпиады в непосредственной близости от Сочи начнутся боевые столкновения между вооружёнными формированиями Абхазии и Грузии, это приведёт к срыву Олимпиады и падению международного престижа Российской Федерации. А именно такое развитие событий является, судя по всему, целью некоторых недоброжелателей России.

На момент написания статьи – февраль-март 2011 г., – отношения Российской Федерации и Грузии находятся в стабильном состоянии и не характеризуются острой конфронтацией. Впрочем, данное состояние правильнее сравнить со спящим вулканом, который в любой момент может начать извергать огромные потоки лавы. И, чем ближе Олимпийские игры 2014 г., тем вероятность такого «извержения» становится выше. Риск провокаций возрастает. И если из стагнационного состояния российско-грузинские отношения не будут переведены в режим конструктивного диалога, перспективы Сочинской Олимпиады представляются неоднозначными.

Исследуя взаимосвязь политики с Олимпийскими играми в Сочи, невозможно обойти стороной вооружённый грузино-абхазский конфликт, случившийся в августе-сентябре 2008 г. – всего спустя год после

получения Россией права на проведение Олимпиады.

Тогда, в 2008 г., воспользовавшись острой ситуацией, сложившейся в местности, близкой к Сочи, некоторые западные политики напрямую стали призывать к переносу Олимпиады-2014 в более безопасное место. Аргументы выступавших были таковы: Абхазия расположена недалеко от Сочи, а стало быть, повторный вооружённый конфликт с Грузией может произойти в любой момент. Таким образом, место проведения Олимпийских игр может стать прифронтовой территорией, а это – прямая угроза для спортсменов и гостей Олимпиады.

Риторика о «наказании России» отменой Олимпиады оказалась вполне ожидаемой. Ведь незадолго до этого Запад выказал довольно резкую реакцию на признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. 3 сентября 2008 г. агентство «РИА Новости» со ссылкой на источник в Европарламенте сообщило, что Европарламент собирается предложить МОК пересмотреть решение провести Олимпиаду 2014 г. в Сочи. Это предложение содержалось в поправках к проекту резолюции по Грузии, который выносился Европарламентом 3 сентября 2008 г. на голосование. В документе, в частности, говорилось о необходимости «дать серьёзную оценку относительно того, является ли по-прежнему обоснованным принятое МОК решение о проведении зимней Олимпиады 2014 г. в Сочи в свете политики России в отношении Грузии» [5].

В ответ министр иностранных дел России С. Лавров заявил, что решения о месте проведения Олимпийских игр принимаются исключительно членами МОК и добавил, что политизировать спорт – «глупо и вредно» [3]. «Существуют процедуры, согласно которым решение о проведении Олимпиад принимается не какими-то государствами, не группой государств, и не каким-то парламентом, а исключительно членами МОК, и это решение уже принято», – прокомментировал ситуацию вокруг Олимпиады в Сочи С. Лавров [10].

Олимпиада – прекрасная возможность для навязывания стране, готовящейся к проведению Игр, ценностей, выгодных определённому государству, группе государств, политическому или военно-политическому блоку. Манкируя Играми, можно осуществлять вмешательство во внутреннюю и внешнюю политику проводящей их страны. Спектр возможных спекуляций велик.

Срыва Сочинской Олимпиады России, вероятно, избежать удастся. На подобные рассуждения наводит отсутствие прецедентов в новейшей истории. Но существует и другая форма протеста против неудобной кому-либо политики страны, применяемая к Олимпийским играм – бойкоты. Грозят ли они России? Безусловно, вероятность подобных акций существует.

7 ноября 2007 г., во время митинга грузинской оппозиции в Тбилиси, выступавшей за отставку президента Михаила Саакашвили, некоторые политические деятели страны, включая экс-президента Грузии Э. Шеварднадзе, высказались в том духе, что если окажутся неразрешёнными главные проблемы грузино-абхазского конфликта, то они предпримут все возможные усилия по бойкоту Олимпиады [1, 5].

Следует признать, что единомышленников из других государств у грузинских оппозиционеров немало, поэтому уже сейчас Российской Федерации необходимо задуматься об ответных мерах.

Прежде всего, отечественным политическим деятелям следует провести анализ требований сторонников бойкота Олимпиады в Сочи. Однако список претензий может получиться чрезвычайно большим. И если удовлетворять каждую, Олимпийские игры могут обойтись России в сумму гораздо большую той, которая была заявлена первоначально. Более того, такие «компромиссы» могут стоить Российской Федерации территориальной целостности.

Говоря конкретно о Грузии, одной из наиболее агрессивно настроенных по отношению к России стран, к тому же имеющей возможность в любой момент развязать во-

енно-политический конфликт ввиду близкого расположения к границам Российской Федерации, то, безусловно, необходимо отметить, что до 2014 г. ситуация в отношениях между странами может измениться. Например, в случае прихода к власти президента, имеющего иные внешнеполитические ориентиры, чем у М. Саакашвили. В последнем случае существует вероятность возобновить «замороженный» диалог по урегулированию конфликта между Абхазией и Грузией.

Однако даже при подобном сценарии развития событий нерешённым, скорее всего, останется один из главных вопросов, приведший к конфликту: проблема возвращения грузинских беженцев на территории, прилегающие к Сочи. Речь может идти о десятках тысяч человек, бывших жителей города Гагры и других, соседствующих с Сочи, населённых пунктов.

Возвращение коренного грузинского населения на исторические территории сейчас фактически невозможно. Данный вопрос находится под контролем российского и грузинского Министерств иностранных дел и Абхазии, однако согласия между сторонами нет. Таким образом, вопрос о возвращении грузинских беженцев решаемым не представляется, а значит, сохраняется и напряжённость в грузино-абхазских отношениях.

О чём вести речь, если крупнейший резонанс в Грузии вызвали оправданные с экономической точки зрения слова вице-премьер, правительства России А. Жукова, произнесённые им в 2007 г., о том, что Абхазия станет одним из поставщиков строительных материалов для Сочи? Тогда Жуков отметил, что в республике могут быть построены цементные заводы, которые будут поставлять продукцию на строительные площадки Олимпийской деревни [2]. Это, безусловно, плюс не только для Российской Федерации, но и для Абхазии. Разве могут быть лишними те же рабочие места, заводы, создаваемые за российский счёт?

Грузинская сторона, однако, на речь Жукова отреагировала мгновенно: «Любые политические спекуляции по поводу включения Абхазии, строительства олимпийских объек-

тов в Сочи без предварительных переговоров между соответствующими органами Российской Федерации и Грузии только негативно скажутся на стабильности в регионе и могут повредить имиджу будущих Олимпийских игр в Сочи», – заявили в то время в пресс-службе посольства Грузии в Москве [11].

Недовольство Грузии вызывают и планы России по задействию территорий акватории Абхазии и приграничных с Краснодарским краем районов для поставок строительных материалов и других грузов, необходимых для возведения всего комплекса олимпийских объектов [4]. Кроме того – желание российской стороны использовать абхазские территории для проживания многочисленных болельщиков, которые приедут в Сочи со всего мира [9].

Беспокоятся в Тбилиси и за экологию региона. «Огромное количество стройматериалов завезено в Абхазию. Это прямая угроза экологии береговой линии Черного моря, – заявил заместитель министра иностранных дел Грузии А. Налбандов. – Кроме того, безопасность в области, где проводятся игры, обеспечена ненадлежащим образом», – намекнул Налбандов на соседство Сочи с Чечнёй и Ингушетией, что, по мнению Грузии, может спровоцировать всплеск террористической активности в регионе [4].

На протяжении всех предолимпийских лет российской стороне предстоит искать с Грузией компромиссы. Вероятно, даже идти данной стране на уступки в политических и экономических вопросах.

Пикантность обстановке придают намерения Грузии вступить в НАТО, что приведёт к расположению на грузинских территориях, в непосредственной близости от Российской Федерации, по существу американских военных баз. Вопрос о вхождении Грузии в НАТО, более того, похоже, решён. Состоявшийся в ноябре 2010 г. саммит данной организации постановил: «Грузия станет членом НАТО, и Альянс подтверждает все элементы этого решения, а также связанные с ним последующие решения. Альянс поощряет политический диалог и сотрудничество с Грузией

в рамках комиссии Грузия-НАТО и Национальной ежегодной программы, а также поощряет все те реформы, которые проводятся в Грузии. Альянс подчеркивает поддержку территориальной целостности и суверенитету Грузии в ее международно-признанных границах. Мы продолжаем призывать Россию отозвать решение о провозглашении регионов Грузии – Абхазии и Южной Осетии как независимых государств» [8].

«После российской агрессии для нас стал приоритетным вопрос о том, чтобы Олимпиада 2014 года не состоялась в Сочи. По данной проблеме мы активно работаем с международными организациями. В том случае если решение о месте проведения игр не будет изменено, демократические страны должны объявить бойкот этой Олимпиаде», – заявил 25 августа 2009 г. председатель парламентского комитета Грузии А. Минашвили [7].

Российский политический аналитик Н. Петров говорит: «Я боюсь, что Путин, предлагая это («безопасные, приятные и незабываемые» Олимпийские игры – К.Н.) и принимая, таким образом, на себя ответственность за зимнюю Олимпиаду 2014 г., сделал очень серьезную ошибку» [9].

«В парламенте Грузии приступили к разработке плана действий по выражению протеста против проведения зимней Олимпиады-2014 в Сочи, – сообщил 19 ноября 2010 г. официальный новостной грузинский портал «Новости-Грузия». – Данный вопрос обсуждался сегодня на закрытом заседании комитетов по внешним связям и диаспор и временной парламентской комиссии по вопросам восстановления территориальной целостности Грузии. Как заявил по окончании встречи глава парламентского комитета по вопросам диаспор Н. Циклаури, «уже началась разработка плана действий вместе с легитимным правительством Абхазии (действующим в Грузии в изгнании после войны), беженцами и представителями чеченской диаспоры. У временной комиссии уже подготовлен рабочий вариант документа, в котором описаны действия протеста». Согласно проекту, к выражению протеста будут

подключены различные государственные структуры, которые будут работать каждая по своему направлению на международном уровне. Предполагается проведение активной кампании против проведения Олимпиады в Сочи в международных СМИ, будут поставлены вопросы о целесообразности Олимпиады, также организованы акции протеста в разных странах, и подготовлено обращение беженцев к Олимпийскому комитету и аналогичное обращение будет направлено Комитету от известных спортсменов» [12].

В завершение стоит отметить, что в настоящее время спорт, политика и финансы переплетены настолько прочно, что бойкотировать такое мероприятие, как Олимпийские игры, мало кто может позволить себе. Олимпиада многое значит для государств и с имиджевой, и с экономической точки зрения.

Не стоит забывать и о том, что решение о месте проведения Олимпийских игр принимает МОК, структура, независимая от политического мира. А если всё-таки представить, что противники России будут пытаться лишить страну права проведения Игр, то именно они получат мощнейшее сопротивление от МОК, который, основываясь на опыте предыдущих лет, никуда Олимпиаду не перенесёт. Если же подобное случится, то это будет тяжелейший удар и по самому МОК. Данная организация в момент превратиться в структуру номинальную, профанационную. Олимпийская же идея как таковая просто канет в небытие.

Тем не менее совокупность нерешённых вопросов, развязка которых назрела давным-давно, в любой момент может оказаться детонатором дестабилизации обстановки в грузино-абхазской зоне, что создаёт прямую угрозу Олимпиаде-2014.

Обозначенная в статье проблема – шантаж Российской Федерации посредством Олимпиады – предположительно, будет способствовать корректировке внешнеполитического и внутриполитического курсов в политике страны. Это станет ощущаться по мере приближения Игр. Насколько глубокими окажутся уступки России, покажет лишь время.

Во многом их количество и обширность находятся в зависимости от действий стран, настроенных на срыв или бойкот Олимпиады. И если невоенные конфликты сглаживанию подлежат, то вооружённая конфронтация в преддверии Игр и вблизи столицы Олимпиады-2014 обернётся крахом олимпийских надежд Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аналитическая записка. Грузия-Абхазия-Сочи: политика, экономика и олимпиада. М.: МИСиС, 2007. 12 с.
2. Гамова С. Олимпийский триумф Абхазии. URL: http://www.ng.ru/economics/2007-07-26/1_abhazia.html (дата обращения: 09.03.2011).
3. Грузия попросила Жака Рогге пересмотреть место проведения Олимпиады-2014. URL: <http://www.lenta.ru/news/2008/09/04/sochi/> (дата обращения: 11.03.2011).
4. Грузия призывает к бойкоту Олимпиады в Сочи. URL: <http://2014vsочи.ru/blog/society/135.html> (дата обращения: 05.03.2011).
5. Европарламент против Олимпиады 2014 года в Сочи. URL: <http://zarusskiy.org/world/2008/09/03/sochi/> (дата обращения: 05.03.2011).
6. Зимняя Олимпиада-2014 пройдёт в Сочи. URL: <http://top.rbc.ru/society/05/07/2007/108352.shtml> (дата обращения: 05.03.2011).
7. Кобзев А. Грузия пообещала сорвать Олимпиаду в Сочи. URL: <http://www.gzt.ru/topnews/politics/256421.html> (дата обращения: 03.03.2011).
8. Мамагулишвили Н. Саммит НАТО подтвердил единство Грузии и призвал РФ выполнить обязательства. URL: <http://www.newsgeorgia.ru/politics/20101120/213616855.html> (дата обращения: 04.03.2011).
9. Олимпиада в Сочи пугает мир. URL: <http://sochi-24.ru/sochi-2014/olimpiada-v-sochi-pugaet-mir.2010719.21071.html> (дата обращения: 01.03.2011).
10. Политизировать спорт глупо и вредно – Лавров. URL: <http://www.rian.ru/politics/20080903/150936875.html> (дата обращения: 01.03.2011).
11. Российская Федерация включила непризнанную Абхазию в олимпийскую зону Сочи и инвестирует миллионы долларов. URL: <http://www.newsru.com/world/26jul2007/abhas.html> (дата обращения: 05.03.2011).
12. Сааташвили Э. Грузия начинает активную кампанию по противодействию Олимпиаде в Сочи. URL: <http://www.newsgeorgia.ru/politics/20101119/213615298.html> (дата обращения: 28.02.2011).

УДК 070:001.12/18

Иванов В.К.

Московский государственный областной университет

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ГАЗЕТНЫХ СМИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

V. Ivanov

Moscow Regional State University

THE DYNAMICS OF PRESS SOCIAL FUNCTIONS IN CONTEMPORARY POLITICAL PROCESS

Аннотация. Исследован процесс трансформации социальных функций газетной прессы в контексте их места и роли в современном политическом процессе России. Раскрывается значение печатных СМИ как площадки для диалога общества и власти, политического коммуникатора, средства объективного информирования населения. Автором для формального определения социальных функций СМИ и их эволюции были выделены конкретные свойства масс-медиа, и одновременно для характеристики каждого из этих свойств были выбраны наиболее типичные виды публикаций, содержание которых в наибольшей степени соответствует определенной социальной функции.

Ключевые слова: печатные СМИ, социальные функции, современный политический процесс, политические коммуникации, диалог общества и власти.

Abstract. The article studies the transformation of press social functions considering their place and role in modern political process in Russia. The print media is viewed as an important platform for a dialogue between the public and authorities, a political communicator and objective informing means. To determine press social functions and their evolution the author highlighted the specific properties of mass media each of which was characterized with the help of the most common type publications whose content is most relevant to a particular social function.

Key words: print media, social functions, modern political process, political communication, dialogue between public and authorities.

Для выяснения места и роли современных газетных средств массовой информации (далее – СМИ) в политическом процессе современной России требуется представление об эволюции их социальных функций и, в этой связи, определение функционального пространства, в пределах которого проявляется их субъектность в политике. Необходимым инструментарием такого исследования стал контент-анализ газет за 1990, 2001 и 2010 годы. Выбор 1990 г. был обусловлен тем обстоятельством, что именно в этот год с периодической печати был снят жесткий режим цензуры и редакционные коллективы получили определенную независимость. В этой связи использование газет 1990 г. в качестве материала для сравнения с сегодняшними печатными СМИ представляется вполне корректным. Использование в этих целях советских газет любого другого года вызвало бы справедливый упрек в попытке сравнивать несравнимое. По большому счету, единственной социальной функцией газет советского периода была функция проводника стратегии КПСС, которой были подчинены все другие, вытекающие из «генеральной линии», цели и задачи: воспитание «человека будущего», информирование населения о курсе Партии и правительства. Диалог с обществом сводился к одобрению политики партии. Определение 2001 г. в качестве другого рубежного года было связано с тем, что с начала нового тысячелетия многие социально-политические тенденции 1990-х гг. стали приобретать новый вектор инерции или совершенно сворачивались, что условно должно было отразиться на политической реальности в целом и СМИ в частности.

© Иванов В.К., 2011.

Третий год был определен по формальному признаку самого малоудаленного от современности.

Таким образом, в генеральную совокупность печатных газетных СМИ за 1990 г. вошли 1082 издания¹. Применяя к генеральной совокупности гнездовую (кластерную) выборку, было отобрано 110 газет, что составило 10% генеральной совокупности. Имея в виду, что генеральная совокупность естественным образом делится на достаточно мелкие составные части (гнезда или кластеры), предметом анализа явился ежемесячный тираж того или иного периодического издания. При этом выбор конкретного месяца подборки осуществлялся случайно. Основанием для определения генеральной совокупности газет общественно-политической тематики за 2000 и 2011 гг. послужили данные ежегодных докладов Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям за 2005, 2009, 2011 гг.

С целью формализации набора социальных функций печатных СМИ нами была использована «Концепция государственной информационной политики Российской Федерации», так как именно этот документ еще на долгие годы будет определять представление о социальном предназначении СМИ [3]. Социальные функции, выходящие за пределы политического процесса (например, рекламно-развлекательная) или имеющие с ним отдельные диффузионные зоны (например, образовательно-воспитательная) нами не конкретизировались и рассматривались в качестве цельных модусов. Напротив, социальные функции, имеющие непосредственное отношение к месту и роли СМИ в политическом процессе, дифференцировались на элементы, составляющие их содержание. При этом мы не ставили цель выявить содержательную сторону предмета исследования (достоверность информации, глубину ее подачи, соответствие газетного материала

политической реальности, адекватность отражения политических настроений и т. д.), лишь формальную принадлежность газетных полос к содержанию, призванному реализовать социальную функцию.

В разделе 2.5 Концепции «Политика в области массовой информации» говорится: «Переход России к новому типу экономического развития, гражданскому обществу и правовому государству, политический плюрализм, порождают огромную общественную потребность в информации. Необходимость удовлетворения этой потребности и обуславливает особую роль СМИ в жизни общества». Иначе говоря, основная функция СМИ заключается в реализации конституционного права граждан на объективную информацию. Информация является ключевым словом в понятии СМИ. Для политического процесса особую ценность представляет социальная информация – знания, сообщения об окружающей действительности, имеющие социальную значимость, отражающие общественные интересы различных социальных групп населения, их политические и идеологические предпочтения. Важность информации для политического процесса обусловлена наличием двух разнонаправленных векторов, инициируемых информационным пространством: от ее источника к реципиенту и наоборот. Таким образом, идеальный механизм функционирования СМИ создает объективную возможность обретения последними качеств, связанных с налаживанием диалога между обществом и властью.

Очевидно, что СМИ, обладая способностью выбора, интерпретации, временных предпочтений подачи информации, могут использовать свой потенциал по-разному: как в целях объективного информирования населения, так и в целях манипулирования общественным мнением. В связи со сказанным следует иметь в виду, что информация, исходящая от СМИ, может иметь многоканальное влияние на ход политических событий. Комментируя и сопровождая информацию оценками, СМИ активно влияют на формирование политических предпочтений

¹ Генеральная совокупность газетной периодической печати не ограничивалась тематически, так как все газеты того периода в той или иной мере носили общественно-политический характер.

читательской аудитории. Информация служит средством политической социализации, приобщения людей к политическим ценностям, нормам, образам поведения. Информация может являться источником критики и контроля граждан за деятельностью властных структур, презентации различных общественных интересов, мнений, взглядов на политику, мобилизации граждан к активной политической деятельности. Информация, передаваемая по каналам СМИ, характеризуется большим разнообразием. Ее содержание отражает все аспекты политики: экономический и социальный, военный и научно-технический, национальный и молодежный, а также другие стороны политической жизни. Сообщения СМИ могут представлять информацию местную (региона, города), общегосударственную (федерального уровня), международную. Людей, проживающих в районах, удаленных от центра, как правило, больше интересуют местные новости, чем сведения о политической жизни в столице. Информация в силу своих родовых признаков может иметь разрушающее действие и представлять угрозу информационной безопасности населения и государства. Предвзято поданная информация способна нести в себе «едва прикрытое поощрение к насилию, «культ тела», аморализм и т. д.»; разорванность федерального и регионального информационного пространства влечет за собой опасность дискретности социума; дезориентация граждан посредством соответствующего информирования ведет к росту социальной напряженности и т. д. [7].

Другая важная функция печатных СМИ в политическом процессе вытекает из их коммуникативных свойств: посредника между общественными институтами, государством, обществом и личностью. В «Концепции» на этот счет говорится: «СМИ есть действенный канал информирования общества о деятельности власти и информирования власти и общества о жизни общества и его реакции на действие власти. Эти особенности делают СМИ важнейшим социальным институтом...» [3]. Существует немало раз-

личных определений понятия «политическая коммуникация». Наиболее полным из них представляется определение, предложенное Р.Ж. Шварценбергом, который охарактеризовал ее как «процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы к другой, а также между политической и социальной системами. Идет непрерывный процесс обмена информацией между индивидами и группами на всех уровнях» [9, 174]. Социологи скептически оценивают степень осведомленности журналистов и редакторов печатных изданий о нуждах и запросах своих читателей, а люди, связанные с прессой, отмечают отсутствие связи между конкретным изданием и его читательской аудиторией.

Важную роль в построении гражданского общества или его институциональным признаком является социальное партнерство – отношения сотрудничества, основанные на демократических нормах: равенстве и доверии, что создает основу для общественного согласия. По мнению Е.П. Прохорова, эффективное средство для этого – социальный диалог (между всеми социальными субъектами – «всеми телами», институтами общества – гражданским, экономическим, государственным) [1]. Средством реализации такого диалога, – по мнению большинства политологов, – должны стать СМИ вообще и газеты в частности. Целью диалога, площадкой для которого являются масс-медиа, состоит в выражении консенсуса по наиболее общественно значимым проблемам, достигаемого в ходе открытой дискуссии, обмена мнениями, порой диаметрально противоположными, а зачастую не совпадающими с официальной позицией. По этому вопросу Е.В. Гроздова пишет: «Именно с того момента, когда посредством широких публикаций, дискуссий в СМИ граждане подключаются к выработке проектов развития страны, общество (в том числе и в образе «оппозиции») по-настоящему перестает молчать. С помощью масс-медиа, на уровне информационного взаимодействия и осуществляется диалог между государством и обществом, между

государственной властью и “миром частной жизни”, именно на данном уровне обсуждаются вопросы, связанные с интересами граждан” [2, 3].

Таким образом, для формального определения социальных функций СМИ и их эволюции нами были выделены два свойства масс-медиа: информатора широких масс и средства политической коммуникации и внутривластного диалога. Для характеристики (опять же формальной) каждого из этих свойств были выбраны наиболее типичные виды публикаций, содержание которых в наибольшей степени соответствует определенной социальной функции. Единицей анализа была избрана публикация или тема в публикации. Каждая публикация или тема оценивались с точки зрения реализации газетным изданием той или иной социальной функции. Данная методика позволила оценить эволюцию социальных функций газет, выраженной сопоставлением количественных показателей удельного веса публикаций, отражающих соответствующее социальное содержание. В общей массе газетной прессы были выделены четыре группы изданий, имеющих четко очерченные характеристики, определяющие в том числе и их социальную направленность: федеральные общественно-политические газеты, региональные, партийную и профессиональную прессу.

Центральные общественно-политические газеты в силу широты охвата проблематики, самой высокой тиражности и массовости аудитории читателей призваны формировать общенациональную “повестку дня”, обладать наибольшей универсальностью и являться наиболее чутким индикатором взаимодействия общества и власти. Особенности развития региональных периодических изданий определяются несколькими характерными чертами как внутреннего, так и внешнего порядка. Во-первых, региональные СМИ, прежде всего, отражают проблематику местного звучания, не всегда корреспондирующуюся с общенациональной, воспроизводят круг вопросов, вытекающих из регионального политического и социально-экономического

процессов, приспосабливаются к “повестке”, формулируемой местной культурной, политической и бизнес элитой. Во-вторых, местным СМИ характерна “экономическая и политическая зависимость от органов власти – их учредителей, других групп влияния” [8, 5]. Не только отличия, связанные с локализацией отражаемых в региональной прессе событий, но и в восприятии происходящего по существу, – справедливо отмечает А. Логунов. В своей статье “Роль СМИ в развитии процессов регионализации России” он говорит о том, что, например, прочно вошедшее в лексикон центральных газет клише “сторонник Президента”, “противник Президента”, “сторонник демократии”, “сторонник реформ” и т. д. в региональной прессе теряет свой смысл. Общественно-политический смысл и значение здесь приобретают такие понятия, как “интересы курян”, “интересы кубанцев”, “интересы жителей Владивостока” и т. д. Причем если для федеральных газет любая территория – это прежде всего “один из субъектов Российской Федерации”, то для региональных изданий “Приморье – это форпост России на Дальнем Востоке”, “Нижний Новгород – это третья столица или карман России”, “Красноярск – центр всей России”, “Ярославль – это центр Европейской России” и т. д. [4].

Весьма специфична роль партийной прессы в социальном диалоге. Особенности этого сегмента печатных СМИ стала предметом исследования Е.В. Гроздовой. “В условиях демократии, – пишет она, – оппозиция является составной частью политического процесса, для нормального функционирования которого необходима ротация партий, стоящих у власти” [2, 5]. И хотя в нашей стране партийная пресса представлена не только оппозиционными изданиями, но и газетами “партии власти” Единой России, имеющими существенные отличия, связанные именно с положением партии, общая социальная направленность этого сегмента газетных изданий имеет характерные общие признаки. Такая общность обусловлена внутренним содержанием института российских поли-

тических партий в целом и их подчиненным положением относительно власти. Кроме того, всем партийным газетам характерна идеологическая заданность.

И наконец, к четвертой группе газет мы отнесли газеты профессиональной направленности («Учительская газета», «Гудок», «Красная звезда» и т. д.), не имеющие прямого отношения к политическим проблемам. Динамика социальных функций газетной прессы по этим четырем группам изданий с 1990 по 2010 гг. выглядит следующим образом (см. табл. 1-4).

В количественном выражении функция объективного информирования населения центральными общественно-политическими газетами уменьшилась в количественном выражении с 1990 по 2010 год на 11,2%. Однако этот количественный показатель хотя и показывает редуцирование этой социальной функции, но до конца не отражает ее качественного состояния. В информировании населения через газеты общественно-полити-

ческой тематики доля аналитических статей с выраженной авторской позицией увеличилась с 4,8% до 24,1%, т. е. почти на 20,0%. Надо ли специально разъяснять, что авторская позиция в комментировании и анализе фактического материала может играть решающее значение в восприятии его читателем. Еще большей деформации в сторону уменьшения подверглась функция газет как средства политической коммуникации. Ее общий объем в количественном выражении за этот же период сократился с 36,3% до 10,4%. При этом несколько увеличилось количество публикаций, разъясняющих политику государства, в советский период замещаемых официальными документами, решениями съездов, пленумов, конференций. Новым в сравнении с 1990 г. стало появление материалов, посвященных деятельности общественных институтов, игравших в советский период подчиненную роль.

Газеты совершенно перестали быть инструментом коммуникации граждан, общества и

Таблица 1

Федеральные общественно-политические газеты (1990, 2001, 2010 гг.) (в %)

Год	Рекламно-развлекательная функция	Образовательно-воспитательная функция	Функция объективного информирования граждан	Средство политической коммуникации общества и власти, внутриполитического диалога								
	Всего	Спорт	Криминал		Хроника сообщения	Аналитические статьи	Официальная информация	Разъяснение политики государства	Отражающие реакцию общества	Письма и обращения через газету	Интервью с официальными лицами и публ. политиками	Публикации о деятельности общественных институтов
1990 г.	5,4	4,2	0,6	6,7	42,6	4,8	4,2	1,8	7,9	19,5	7,1	-
2001 г.	36,8	7,2	5,1	2,4	21,4	16,7	3,1	3,2	4,3	6,1	5,4	0,6
2010 г.	46,0	8,0	6,7	3,2	15,6	24,1	0,7	5,3	1,7	0,7	1,7	1,0

Таблица 2

Региональная газетная пресса (1990, 2001, 2010 гг.) (в %)

Год	Рекламно-развлекательная функция	Образовательно-воспитательная функция	Функция объективного информирования граждан	Средство политической коммуникации общества и власти, внутриполитического диалога								
	Всего	Спорт	Криминал		Хроник. сообщения	Аналитические статьи	Официальная информация	Разъяснение политики государства	Отражающие реакцию общества	Письма и обращения через газету	Интервью с официальными лицами и публ. политиками	Публикации о деятельности общественных институтов
1990 г.	14,0	14,0	-	8,0	22,0	4,0	-	4,0	6,0	10,0	16,0	2,0
2001 г.	12,0	6,3	4,1	12,3	28,1	6,6	3,4	8,3	5,1	9,8	12,7	1,7
2010 г.	8,6	1,1	1,1	16,2	33,3	8,6	4,3	9,6	4,3	3,3	9,6	2,2

Таблица 3

Партийная (идеологически направленная) газетная пресса (1990, 2001, 2010 гг.) (в %)

Год	Рекламно-развлекательная функция	Образовательно-воспитательная функция	Функция объективного информирования граждан	Средство политической коммуникации общества и власти, внутриполитического диалога								
	Всего	Спорт	Криминал		Хроник. сообщения	Аналитические статьи	Официальная информация	Разъяснение политики государства	Отражающие реакцию общества	Письма и обращения через газету	Интервью с официальными лицами и публ. политиками	Публикации о деятельности общественных институтов
1990 г.	14,9	13,5	-	-	44,8	11,9	8,9	-	1,4	7,6	10,5	-
2001 г.	11,1	6,8	4,3	5,0	37,2	19,8	4,4	3,1	3,2	4,3	8,6	3,3
2010 г.	8,7	1,7	5,3	16,0	33,0	22,3	0,7	3,5	5,3	1,7	7,1	1,7

Таблица 4

Газеты профессиональной направленности (1990, 2001, 2010 гг.) (в %)

Год	Рекламно-развлекательная функция	Образовательно-воспитательная функция	Функция объективного информирования граждан	Средство политической коммуникации общества и власти, внутриполитического диалога									
	Всего	Спорт	Криминал		Хроник. сообщения	Аналитические статьи	Официальная информация	Разъяснение политики государства	Отражающие реакцию общества	Письма и обращения через газету	Интервью с официальными лицами и публ. политиками	Публикации о деятельности общественных институтов	
1990 г.	6,8	-	-	22,4	27,5	12,1	1,7	2,1	6,8	1,7	18,9	-	
2001 г.	2,1	-	1,1	26,2	26,4	14,3	2,2	3,2	4,3	11,6	9,7	-	
2010 г.	8,4	-	1,7	28,3	25,6	12,1	2,7	-	2,7	16,2	4,0	-	

государства. Публикация писем и обращений через газету сократилась с 71% до 0,7%. Складыванию позитивного общественного мнения о предпринимаемых властью мер и действий препятствовало, в том числе, отсутствие достаточного количества информации, что называется из “из первых рук”. Объем газетных публикаций, содержащих интервью с публичными политиками, деятелями государства упал с 19,5% до 0,7%. Значительно меньше газетной прессой в сравнении с последним годом советского времени, уделяется внимания материалам образовательно-воспитательного свойства. Их удельный вес в общем объеме газетного содержания уменьшился вдвое. В тоже время резко возросла рекламно-развлекательная составляющая общественно-политической прессы. Количество материалов этой тематики возросло в 9 раз.

Таким образом, даже общественно-политические газеты, призванные решать проблему приобщения граждан к политической жизни страны, кардинально сократили функции, направленные на реализацию этой за-

дачи. В таком виде, десоциализированном и качественно изменившим свое содержание, газеты не способны решать основные проблемы интеграции населения в политический процесс, демократизации российского социума, организации общественного диалога, взаимодействия общества и власти. Благодаря сохранению государственного контроля над большей частью региональных газет картина динамики их социальных функций выглядит совсем иначе. На фоне некоторого падения функции политической коммуникации (с 38,0% до 29,0%), значительно укрепились позиции региональных газет в информировании населения. Функция “информирования граждан” в количественном выражении увеличилась на 20,2%. Отсутствие прямой связи большинства региональных газет с бизнес-структурами, низкий покупательский спрос большинства населения, средоточие основных коммерческих, сетевых структур в центре определили удельный вес в региональной прессе рекламно-развлекательных публикаций. Их объем с 1990 г. по 2010 г. уменьшился

с 14,0% до 8,6%. Значительно увеличилось в региональной прессе количество образовательно-воспитательных публикаций (с 8,0% в 1990 г. до 16,2% в 2010 г.).

Практически не изменилась динамика социальных функций партийной прессы. По-прежнему значительное место в газетах партийной направленности уделяется информированию населения (эта функция реализовывалась в 65,6% публикаций в 1990 г. и в 55,7% в 2010 г.). Некоторое сокращение материалов, связанных с информированием населения, произошло ввиду перестройки партийных газет в сторону увеличения в их содержании аналитических статей. В условиях, когда большинство партийных газет выступает оппонентом действующей власти и борется за электорат, сохранилась, хотя и не в полном объеме (19,5% – 1990 г., 19,3% – 2010 г.) функция этого сегмента прессы как политического коммуникатора. Увеличилось количество публикаций, разъясняющих политику государства и реакции общества на происходящие общественно-политические события (соответственно на 3,5% и на 3,9%). В арсенале партийных газет сохранилось такое важное средство общественного диалога, как письма и сообщения читателей (хотя и уменьшилось в объеме с 10,5% до 7,1%). По понятным причинам, практически отсутствуют сегодня в партийных газетах интервью с публичными политиками и официальными лицами.

Меньше всего коррекция общественных функций затронула газеты профессиональной направленности. С 22,4% до 28,3% увеличились в объеме их материалов публикации, направленные на образование и воспитание читательской аудитории. Информирование читательской аудитории о политической ситуации в стране обеспечивают не менее 40% всех статей, комментариев, сообщений (41,3% – 1990 г. и 40,4% – 2010 г.). Не менее 20% материала профессиональных газет осуществляют функцию общественно-политического коммуникатора (29,5% – 1990 г., 22,9% – 2010 г.). Таким образом, с точки зрения утраты га-

зетами своей субъектности в политическом процессе современной России, самыми уязвимыми оказались именно те из них, которые, прежде всего, призваны выполнять роль главного источника общественно-политической информации и внутривнутриполитического коммуникатора и площадки для общественного диалога и формировать политические предпочтения населения. Именно с этим обстоятельством связано не прекращающееся сокращение читательской аудитории нерекламной прессы, падение ее влияния на российский политический процесс.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Диалог как основа участия журналистики в формировании толерантного общества. URL: http://www.interethnic.org/News/260904_3.html (дата обращения 2.09.2011).
2. Гроздова Е.В. Оппозиционная пресса в социальном диалоге // Печатные СМИ. 2010. Вып. № 4. С. 20-25.
3. Концепция государственной информационной политики Российской Федерации. Одобрена на заседании Комитета Государственной думы по информационной политике и связи 15 октября 1998 г. Одобрена на заседании Постоянной палаты по государственной информационной политике Политического консультативного совета при Президенте Российской Федерации 21 декабря 1998 г. URL: <http://www.nbu.gov.ua/law/98rugip.html> (дата обращения 10.09.2011).
4. Логунов А. Роль СМИ в развитии процессов регионализации России.
5. Оценки журналов и социологов. Документы. М.: Московская школа политических исследований. Вып. 23. 2000. С. 50-53.
6. Прохоров Е.П. Средства массовой информации и информационная безопасность. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/90dc503cad0f6b0dc32575bc00417alb> (дата обращения 25.09.2011).
7. Российский рынок периодической печати. 2005 год. Состояние, тенденции и перспективы развития. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. М., 2005. 132 с.
8. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: в 3-х ч. Ч. I. / Пер. с фр. М., 1992. 200 с.
9. Communications and Political Development. Columbia and Princeton; University Presses of California, Columbia and Princeton, 1963. 300 p.

УДК 316.334:811,161.1

Болтовский С.О.

Московский государственный областной университет

РУССКИЙ ЯЗЫК НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

S. Boltovskoy

Moscow State Regional University

THE RUSSIAN LANGUAGE IN POST-SOVIET SPACE: THEORETICAL ASPECT OF THE PROBLEM

Аннотация. В статье раскрывается сущность одной из важнейших составляющих интеграционных процессов на территории бывшего СССР – сохранения и развития русского языка, поскольку он является одним из 6 мировых языков, седьмым – по степени распространения из 3000 ныне действующих. Благодаря огромному культурному потенциалу русский язык составляет общее цивилизационное достояние бывших союзных республик. Проблема функционального пространства русского языка дана в контексте геополитических интересов Российской Федерации, в силу новой мировой ситуации, получившей уникальные возможности в реинтеграции региона.

Ключевые слова: функциональное пространство русского языка, российское социокультурное влияние, постсоветское пространство, геополитические интересы России, реинтеграция.

Abstract. The article reveals the nature of one of the most important components of integration processes in the former Soviet Union – preservation and development of the Russian language as it is one of six world languages and occupies the seventh position (presuming there are 3000 languages which are currently in use) according to the degree of spreading. Thanks to its enormous cultural potential the Russian language constitutes common civilizational heritage of the former Soviet republics. The problem of the functional space of the Russian language is given in the context of the geopolitical interests of the Russian Federation which got a unique opportunity to reintegrate the region by virtue of the new world situation.

Key words: functional space of the Russian language, Russian socio-cultural impact, the post-Soviet space, Russia's geopolitical interests and reintegration.

Распад СССР, помимо многих деструктивных последствий, которые В.В. Путин характеризовал «геополитической катастрофой века» и «драмой для народа», имел следствием то обстоятельство, что «десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории» [4]. Развал СССР привел к тому, что в состоянии «лолскупной недееспособности» оказалось эконоическое пространство (в случае «цивилизованного» развода именно эконоическая самодостаточность отдельных территорий, как правило, является его главной причиной), «по живому» расчлененными оказались все гуманитарные связи (начиная от семейных, родственных и кончая культурным ландшафтом, генерированным общими традициями и ценностями).

Однако, как ние парадоксально, именно трансцендентный характер развала страны породил пролонгированный эффект потенциала постсоветской интеграции. Соответственно трендам общественно-политического развития постсоветского пространства позиционируется место и роль одной из постсоветских реалий, которая укореняется в организм новых независимых государств совместным прошлым проживанием в рамках одного государства, – русского языка.

Русский язык является одним из шести мировых языков и седьмым – по степени распространения из 3000 ныне действующих. Благодаря огромному культурному потенциалу

он составляет большое достояние бывших союзных республик.

Помимо того, что русский язык, независимо от желания правящих элит, остается функциональным на постсоветском пространстве (в различной степени для отдельных стран), он впитал культурные традиции многих этносов [7]. Вычеркнуть общее прошлое, связанное с русским языком – означает для народов бывшего СССР, прежде всего, нанесение серьезного урона национальной культуре. Вместе с русским языком из национальных сокровищниц следовало бы исключить творчество А. Кунанбаева, Ч. Айтматова, М. Магомаева, Ф. Искандера и т. д., которое составляет национальное достояние народов новых независимых государств.

Общее наследие, заключающееся в сохранении на территории бывшего СССР функционального пространства русского языка, трудно переоценить. В современном мире язык стал важным политическим фактором. Он широко используется как средство политического воздействия и влияния. При этом язык используется как орудие и как объект политики. В качестве орудия политики язык выступает как инструмент воздействия на общество для достижения определенных политических целей. По мнению азербайджанского философа И. Меликова, «через язык можно вести захватнические войны, подчинять себе другие народы, менять общество и общества в нужном ключе. Причем те, с кем это будет производиться, не будут сопротивляться, ибо чаще всего этого они не почувствуют и не осознают. Кроме того, все это делается на глубинном, скрытом уровне, что обеспечивает особую эффективность осуществляемых замыслов» [3].

Опуская проблематику, связанную с культурной интеграцией в функциональном поле русского языка, сосредоточим внимание на современном общественно-политическом значении его присутствия на постсоветском пространстве и, прежде всего, в контексте российских геополитических интересов.

Первое внятное артикулирование роли русского языка в укреплении национальных

интересов на территории бывшего СССР содержит документ, подготовленный Комитетом Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации по делам СНГ и связям с соотечественниками «О состоянии русского языка, культуры и образования в странах СНГ и Балтии и мерах по их поддержке со стороны государственных органов и общественности Российской Федерации» (1999). В частности, в документе заявлялось: «Заинтересованность со стороны России состоянием русского языка, его функционированием на постсоветском пространстве обусловлена тем, что русский язык является, во-первых, важнейшим фактором обеспечения государственных интересов и государственной безопасности; во-вторых, это язык жизнедеятельности почти тридцати миллионов российских соотечественников ближнего зарубежья; в-третьих, русский язык является сильнейшим интегрирующим фактором на постсоветском пространстве» [8]. С момента появления этого документа задача укрепления культурной сферы русского языка в связи с процессами и явлениями на постсоветском пространстве не стала менее актуальной. Напротив, актуальность усилий по его сохранению и развитию стала более весомой.

Очевидно, что язык составляет силу, обладающую огромным созидательным или разрушительным действием. Исходя из этого можно сделать вывод, что язык способен консолидировать социальную общность или выполнять роль орудия социальной вражды, разделять народы, уводить в тупик или, наоборот – возвышать их ценностные ориентиры. Гейдар Джемаль считает, что: «благодаря воздействию на язык можно перестроить само человечество, изменить ход истории, отменить прежние проекты, даже коренящиеся в самих глубинах человеческой природы, и задать проекты совершенно новые... Короче, язык – это человечество в своей сокровенной «человеческой» сути» [2].

Сохранять и развивать русский язык на постсоветском пространстве – значит поддерживать культурную идентичность, пита-

ющую независимо от желания политических элит и политической конъюнктуры единую общность, способную регенерироваться в полноценное региональное содружество.

Не случайно в этой связи на саммите глав государств СНГ в Душанбе 3 сентября 2011 г. Президент РФ Д. Медведев заявил: «Мы будем работать в рамках СНГ над распространением знаний русского языка, что ни в коей мере не принижает значения национальных языков, которые играют важную роль для каждого народа», – сказал он. Президент также отметил, что русский язык остается рабочим языком Содружества и сохраняет, как средство межнационального общения, свою роль на постсоветском пространстве.

Необходимость и потенциальная возможность расширения функционального пространства русского языка на территории бывшего СССР обусловлена целым рядом обстоятельств.

Комплекс причин, способствующих созданию комплементарных условий развития русского языка, является зеркальным отражением факторов региональной реинтеграции, получивших новый стимул в связи с мировым финансовым кризисом, который, на самом деле, стал первым сигналом вступления планетарной цивилизации в «постамериканскую стадию», с институциональными качествами, принципиально отличающимися от нынешнего однополярного мира. Вполне естественно, что язык центра интеграции в этом сценарии возможного развития ситуации получает новое значение.

В этой связи интересно мнение экспертов Российского общественного комитета «За новую стратегию международного гуманитарного сотрудничества», которые утверждают, что в сложившейся мировой ситуации наибольшими возможностями для ведения эффективной политики в области международного гуманитарного сотрудничества обладает именно Российская Федерация.

Не случайно противники обретения Россией прежних позиций в регионе негативно оценивают факт присутствия на постсоветском пространстве русского языка. Вот что

по этому поводу пишет немецкий политолог Х. Фогель: «В соседних государствах – бывших советских республиках консолидация обретенной национальной идентичности затрудняется, прежде всего, наличием значительных этнических русских меньшинств. Даже новые члены НАТО, такие как Латвия, испытывают постоянные проблемы с интеграцией русскоязычного населения. Нельзя недооценивать складывавшиеся поколениями и перешагивающие через новые границы семейные связи, так же как и значительные миграционные потоки гастарбайтеров из соседних южных республик. С этой точки зрения русский как язык общения в СНГ выступает инструментом неоимперской внешней политики, становясь носителем образов русской истории, образцов идентификации и стандартов политической культуры» [9, 30-31]. Малопродуктивная по интонации, но верная по существу мысль автора отражает большую роль русского языка в процессе реинтеграции постсоветского пространства.

Отчасти фундирование возрастающему значению бывшего государственного языка Советского Союза придает то обстоятельство, что с момента образования СНГ русский язык стал рабочим инструментом Содружества. В статье 35 его Устава закреплено положение о том, что рабочим языком Содружества Независимых Государств является русский язык [10]. Кроме того, русский язык предоставляет самый короткий путь интеграции большинства народов бывшего СССР в мировое информационное пространство, без чего немыслим выход всех независимых государств на новый качественный уровень социально-экономического развития.

Для того чтобы русский язык выполнил миссию инструмента регионального «объединения» новых государственных образований, требуется придание ему не декларативной, а полноценной функции языка межнационального и межгосударственного общения.

Но обретение данных свойств связано, на наш взгляд, с рядом проблем. Некоторые из них вытекают из внутреннего развития

стран-реципиентов, другие – из внешних факторов. По данным Международного агентства «Евразийский мониторинг», общение на русском возможно для подавляющего большинства населения новых независимых государств. Сегодня уровень владения русским языком и его распространенность существенно различаются: Беларусь (77 %), Украина (65 %) и Казахстан (63 %) – это страны, где приблизительно две трети населения свободно владеют русским. Там русский язык является либо доминирующим (Беларусь), либо столь же распространенным, как и титульный. Причем на Украине, несмотря на то, что русским языком пока пользуется значительная доля населения, у молодежи сравнительно низкий уровень владения языком.

В Кыргызстане, Молдове, несмотря на доминирование языка титульной национальности, достаточно большая доля населения владеет русским языком и использует его в общении.

Азербайджан, Армения, Грузия, Таджикистан находятся на периферии русскоязычного пространства новых независимых государств. Здесь свободно владеет русским языком не более трети населения, он редко используется в основных сферах общения.

В сфере образования на русском языке нет явных проблем только в Беларуси, где русский язык доминирует в этой сфере. В остальных странах положение более сложное.

В Армении, Таджикистане и Узбекистане проблема с обучением на русском языке стоит наиболее остро: там практически нет русских школ и классов. Одновременно в этих странах ярко выражена потребность в изучении русского языка. В Кыргызстане существует серьезный запрос на изучение русского языка, и в последнее время наблюдается расширение возможности получать образование на русском. В Казахстане, наоборот, наблюдается резкое сокращение количества обучающихся на русском, но пока существует баланс между потребностью и возможностью получать образование на русском языке. В Азербайджане большая часть жителей не считает нужным расширять изу-

чение русского языка в школах, так как проводимая образовательная политика устраивает население [1].

Другим препятствием для укрепления позиций русского языка на территории бывшего СССР является диверсификация интеграционных направлений новых независимых государств в связи с активным проникновением на постсоветское пространство новых центров международного влияния, несущих с собой агрессивную культурную экспансию.

В странах СНГ, прежде всего, среднеазиатского региона, значительно усилилось присутствие третьих стран (США, Великобритании, Франции, Германии, Турции, Ирана, Китая, Японии, Пакистана, Южной Кореи), которые вкладывают значительные средства, в том числе, и в культурную инициативу. Турция приступила в 1997 г. к изданию учебников с латинским шрифтом для Туркменистана. На осуществление этого проекта, который подготовлен в рамках решения тюркоязычных республик бывшего СССР об их переходе с кириллицы на латиницу, затрачено 3 млн. долл.

С целью закрепления данной программы большие средства отчисляются на бесплатную подготовку специалистов за рубежом, открываются школы, лицеи, книжные магазины, типографии, по местному телевидению широко транслируются программы с соответствующими информационными материалами, организуется проведение выставок, практикуется приглашение деятелей культуры и науки в зарубежные поездки. В Казахстане, например, реализуется государственная политика подготовки высококвалифицированных специалистов в западных учебных центрах (президентская программа «Болашак»). Привлекает внимание активность в этой стране Турции (в Республике Казахстан действуют два турецких университета, 35 лицеев, инвестиции в эту сферу достигают 100 млн. долл.).

Кроме того, успех поддержания в жизнеспособном состоянии единого социокультурного пространства на основе традиционных ценностей, в том числе русского языка,

зависит от превращения России в самостоятельный центр постмодернизации. Активное продвижение основного центра постсоветского пространства в этом направлении все больше приобретает смысл не только необходимого условия предотвращения центробежных тенденций региона, но и сохранения государственного суверенитета.

Изучение языка другого народа может быть связано (помимо чисто профессиональной деятельности) или с желанием приобщиться к культурным ценностям, генераторами которых являются «восходящие» нации и народы, или с прагматическим выбором более комфортных условий для проживания в другой стране, временной или постоянной работы, отвечающей материальным и духовным потребностям личности.

Не случайно, в этой связи, попытка форсированного продвижения языка титульных наций в новых независимых государствах, как правило, кроме ущемления возможностей языков национальных меньшинств, других результатов не приносит. Новые государственные языки не дают для представителей титульных наций преференций в условиях жизни и в социальной перспективе. Например, казахская молодежь, имеющая возможность, предпочитает в совершенстве овладеть не государственным языком, а арабским, китайским, английским.

Данные, иллюстрирующие это положение, выглядят следующим образом. На вопрос, «какой язык Вы предпочитали бы изучить в совершенстве, имея на это возможность», из 723 представителей коренной национальности Казахстана 36,9% ответили – китайский, 30,1% – арабский, 21,2% – английский, 10,2% – казахский, 2,3% – русский [8].

Положение с распространением русского языка в странах СНГ и Балтии напрямую корреспондируется с положением в самой России.

Большинство молодых россиян на постсоветском пространстве посвящают значительную долю своего времени изучению иностранных языков. Еще два десятилетия назад было невозможно представить вос-

требованность, например, китайского языка. Молодежь, в большинстве своем, стремится освоить несколько языков. К сожалению, интерес к изучению языков связан не только с желанием приобщиться к достижениям мировой цивилизации. Главной причиной такой востребованности лингвистических знаний является обеспечение дополнительных возможностей в поиске работы за границей, в перспективе перемены места жительства. За последние три года страну покинуло не менее 1,5 млн. трудоспособных россиян. Сегодня эмигрировать из России хотят столько же граждан, сколько в 1991 г. – 14% [12]. Аналогичны причины фундаментального характера, которые снижают социализацию русского языка в самой России и являются фактором, тормозящим его продвижение на постсоветском пространстве: это недостаточные темпы модернизации российской социально-экономической и политической системы.

Отсутствие интереса национальных элит стало серьезным препятствием в сохранении и развитии функционального пространства русского языка в новых независимых государствах. Неверным, на наш взгляд, является представление о том, что решающее значение здесь играет личная позиция различных лидеров. Политическая практика последнего десятилетия доказывает, что персональная роль государственного руководства играет, в данном случае, второстепенную роль. Например, те представители власти, которые пришли к руководству страны благодаря пророссийской риторике, сразу после достижения цели отказываются от предвыборных обещаний (Л. Кучма, В. Янукович).

Причина русофобии политических режимов новых независимых государств коренится в истоках суверенизации бывших союзных республик. По мнению большинства исследователей, исключая авторов, близких к официальным властным структурам новых независимых государств, характерной чертой постсоветской политической системы стран СНГ является незрелость новых форм политической организации, в том числе «на-

ционально-государственных образований», не обладающих формальным набором признаков суверенных государств [6]. Причина «несуверенизации» бывших союзных республик, по мнению исследователей, заключается в «нерешаемых в рамках отдельных частей бывшего государства комплексом явлений и тенденций», в частности, невозможностью полноценного самостоятельного экономического развития, восполняемой постсоветскими режимами в значительной степени за счет культивирования национализма и этноцентризма.

Лояльность, к России вообще и к русскому языку в частности, становится предметом торга в надежде получить преференции, компенсирующие разрыв полноценных экономических связей. Для иллюстрации сказанного приведем только один пример: сегодня сельское хозяйство Грузии дает только 9% ВВП, притом, что в этом секторе экономики занято 55% трудоспособного населения этой страны. Внешний долг Грузии в то же время составляет 8 млрд. долларов США [11].

Часто русский язык становится заложником в решении латентных этнических конфликтов на постсоветском пространстве, где в роли арбитра выступает Российская Федерация. Так, с заметной синхронностью осуществляются комплементарные меры содействия русскому языку в Азербайджане и Армении, демонстрирующих дружелюбность центру, от которого во многом зависит судьба длительного конфликта вокруг Карабаха. И, напротив, поддержка Россией непризнанной Республики Приднестровья вызывает всплеск мероприятий, дискриминирующих русский язык в Молдове.

В рамках политики «досуверенизации» новые «элиты» стран СНГ и Балтии ведут борьбу за насильственное насаждение языков титульных наций даже тогда, когда в этом нет необходимости. Писатель Леонид Рудницкий по этому поводу высказался так: «В странах СНГ ущемляют русский язык по одной простой причине: если дать ему развиваться свободно, он отодвинет на периферию языки государствообразующих наций» [5].

Важным основанием необходимости сохранения русского языка на постсоветском пространстве, в контексте геополитических интересов России, является наличие в ближнем Зарубежье значительного количества российских соотечественников, социальная перспектива которых неотделима от комплементарного решения языкового вопроса.

Обеспечение достойных условий проживания российской диаспоры само по себе входит в круг непосредственных обязанностей российского государства, тем более, что эта общность образовалась не в результате добровольного выбора, а в результате «ухода Родины». Имея в виду особенность формирования диаспоральных сообществ стран СНГ и Балтии, следует заметить, что культурный и языковой потенциал в отношении таковых имеет особое значение. Во-первых, в силу качеств, обусловленных обстоятельствами их формирования: слабой организацией и консолидацией. Во-вторых, в силу отсутствия легитимной возможности отстаивания ими своих прав на самобытное развитие (правовой незащищенности). В этих условиях только политическое влияние исторической Родины на страны проживания соотечественников может, в известной степени, компенсировать этот недостаток.

Признавая важность гуманитарной составляющей функционирования русского языка на территории бывшего СССР, нельзя обойти стороной и другой аспект проблемы: значение его функциональности для обеспечения стратегии России на реинтеграцию постсоветского пространства, одну из центральных ролей в которой должны сыграть российские соотечественники. Мировой опыт, например китайский, свидетельствует о большом потенциале диаспор в продвижении национальных интересов.

Сохранение русского языка в качестве живого и развивающегося организма политического и социокультурного процесса СНГ и стран Балтии, таким образом, выступает необходимым условием интеграции российских соотечественников в общественную жизнь современных независимых государств.

Упование на естественный ход событий, раскрывающий позитивные перспективы стабильности функционального пространства русского языка, не только не совсем корректно, но и подобно когнитивной слепоте. Во-первых, потому, что, на фоне стагнации развитых стран Запада, глобальный кризис в меньшей степени отразился на странах, претендующих на свое влияние на постсоветском пространстве. Конечно, главным соперником России на центральное место в интеграционных процессах новых независимых государств является Китай.

Во-вторых, историческая миссия России в аккумулировании нового регионального сообщества возможна только в случае успешной модернизации (в широком понимании этого термина), что при нынешнем положении в стране выглядит проблематично.

Сказанное позволяет предположить, что складывающаяся благоприятная ситуация для реинтеграции постсоветского пространства, а следовательно, и сохранения позиций русского языка, должна дополняться мерами государственной политики, рассчитанной на опережение объективных центростремительных факторов. Однако здесь имеется ряд препятствий. Как уже было отмечено, внешнеполитическим усилиям России по сохранению функционального пространства русского языка противостоят русофобские настроения новых политических элит. Другим обстоятельством, ослабляющим меры государственного содействия сохранению и развитию русского языка в СНГ и странах Балтии, является их концептуальная неопределенность и бессистемность, преодолеть которые в обозримом будущем не представляется возможным.

Поводя итог, можно сделать вывод, что реальных результатов, не требующих больших затрат, можно достичь, направляя поддержку государства по пути стимулирования деятельности неправительственных, общественных организаций, способных осуществлять масштабные мероприятия, ориентированные на первичный уровень коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Великий и могучий (вопросы использования русского языка в странах СНГ) / Международная конференция фонда «Русский мир». М., 2007. С. 102-104.
2. Джемаль Г. Национальный язык и политическая судьба народа. URL: <http://www.facebook.notes> (дата обращения 1.10.2011).
3. Меликли Т. Язык как национальная идея. URL: <http://www.centrasia.ru/news> (дата обращения 1.10.2011).
4. Послание Президента России В.В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 г. 100 с.
5. Рудницкий Л. Почему в СНГ боятся русского языка // Наследие Евразии. 2008. № 5. С. 50-56.
6. Суздальцев А.И. Постсоветское пространство: уходящая реальность. URL: <http://www.polit.ru> (Дата обращения 5.10.2011).
7. Сулейменов О. Аз и Я. Алма-Ата, 1975. 334 с.
8. Текущий архив стран СНГ.
9. Фогель Х. Передышка или поворот? (К текущим дискуссиям о внешней политике России) // Россия в современном мире. 2011. № 1. С.100-205.
10. Устав Содружества Независимых Государств. URL: <http://pravo.bazaby/net> (дата обращения: 22.09.2011)
11. Чхартишвили Д. Попыток физического устранения Саакашвили и свержения власти в Грузии будет превеликое множество. URL: <http://regnum.ru/polit/1434978/htm>. (Дата обращения 21.09.2011).
12. European council on Foreign Relations. URL: <http://www.ecfr.eu> (дата обращения: 20.09.2011).

УДК 329.17 (470)

Аваков А.И.

Московский государственный областной университет

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ФОРМИРОВАНИЯ УЛЬТРАПРАВОВОГО ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

A. Avakov

Moscow State Regional University

TOWARDS PREREQUISITES OF MODERN RUSSIA'S ULTRA-RIGHT MOVEMENT

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса формирования ультраправого движения в современной России. Автор описывает это движение как неотъемлемую часть политического процесса современной России, выявляет условия создания и механизмы его формирования. Акцент в статье сделан на социально-экономических и политических предпосылках формирования ультраправого движения.

Ключевые слова: ультраправое движение, социально-экономическая дифференциация, национализм, экстремизм.

Abstract. The article investigates the process of forming the extreme right wing in Russia today. The author describes the movement as an integral element of the political process in modern Russia, reveals the conditions and mechanisms of its emergence and development. The focus of the article is on socioeconomic and political preconditions of the extreme right wing formation.

Key words: extreme right wing, socioeconomic differentiation, nationalism and extremism.

Вторая мировая война, развязанная лидерами германского национал-социализма, привлекла к ультраправому движению внимание сотен тысяч ученых. О фашизме и национал-социализме стали говорить как о высшем проявлении зла. Немало ученых посвящают этой теме свои работы и сегодня. Одной из причин популярности ультраправой проблематики стал наметившийся с конца XX в. во многих странах «ренессанс» национализма. Не оказалась исключением и Россия.

Если экономика определяет политику, то невозможно понять причину возникновения ультраправого движения в России, не разобравшись в социально-экономической ситуации начала 1990-х гг. Период после распада Советского Союза, характеризовавшийся переходом к рыночной экономике, привел к резкой социально-экономической дифференциации населения.

В результате экономических преобразований 1990-х гг. (прежде всего, в результате приватизации государственной собственности) свыше 26 млн. россиян оказались ниже черты бедности. Сотрудниками Института социологии РАН и «Горбачев-Фонда» было проведено комплексное исследование социального неравенства. По его результатам оказалось, что более трети населения России живет на грани бедности, 7% находятся в состоянии крайней нищеты, а 17% – в постоянном риске оказаться среди бедноты [4, 178-179].

По мнению исследователя Г.В. Анисимовой, следствием приватизации стал раскол России на две части, отличающиеся друг от друга не только уровнем материальной обеспеченности, но и разными системами ценностей, приоритетами и стереотипами общественного поведения. Возникшая в результате социально-экономической дифференциации общества «страна богатых» не хочет знать, как живет «страна бедных» [1, 24].

Квазилекарством от социального раскола стал декларативный национализм, выразившийся в мифе о единстве нации, ее целях и задачах, историческом предназначении и избранныости. На основе подобных мифологем в России стало формироваться ультраправое движение, одним из предназначений которого стало сдерживание «левых» тенденций в обществе. Популярность национализма как политической идеологии, способной эффективно бороться с левыми движениями, нивелируя классовую борьбу, объяснялась также широким использованием активистами ультраправых популистских социалистических лозунгов.

В результате слияния националистического и социалистического дискурсов возникла риторика, построенная на популизме и демагогии и ничего общего не имеющая ни с реальной статистикой, ни с наукой вообще. Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что фашизм так и не выстроил четкой теории, в которой можно было бы научно рассуждать об экономике и о движущих силах человеческого общества. Тем не менее национал-социалистическая идеология успешно справилась со своей задачей: путем искусных манипуляций, включающих в себя широкий диапазон методов от откровенной лжи до полуправды, она отвлекла населения от борьбы за свои экономические и политические права.

Последнее, в частности, выразилось в том, что ультраправые перевели волну общественного недовольства с олигархов, повинных в социальном расколе общества, на нелегальных трудовых мигрантов, которые были демонизированы общественным сознанием, представ перед народом в качестве источника многочисленных бед.

Остановливаясь подробнее на проблеме мигрантов и страхах, связанных с ними, необходимо отметить, что ультраправое движение в России активно использует эту тему, далеко не случайно выбрав ее из общего спектра проблем. Деятельность российских предпринимателей, которые в погоне за быстрой наживой стали набирать на работу бесправ-

ных с точки зрения закона людей, привела к тому, что в торговле и в строительстве стала расти, а местами даже преобладать, численность нелегалов.

Россияне стали лишаться своих рабочих мест, а нелегальные мигранты, заменившие их, оказались полностью бесправными. Лишенные паспортов, они зачастую живут в землянках и полуразрушенных бараках. Кандидат юридических наук С.Е. Метелев, описывая положение нелегальных мигрантов в России, замечает: «Задержка заработной платы практически превращается в норму, как и различные трудовые формы эксплуатации – от принуждения к работе в неблагоприятных условиях и обманах при расчетах, до ограничения свободы передвижения и телесных наказаний. Трудящиеся мигранты фактически беззащитны не только перед произволом работодателей, но и перед злоупотреблением работников административных структур и правоохранительных органов» [5, 61].

Если бы общество относилось к мигрантам (как легальным, так и нелегальным) как к равным себе, варварское отношение хозяина предприятия к своим подчиненным было бы невозможно. В случае осознания российским обществом единства интересов всех рабочих людей беспредельная эксплуатация одной части трудящихся в сочетании с безработицей другой части была бы невозможна. Однако необходимость дополнительных социальных расходов могла бы нанести серьезный удар по благосостоянию российских предпринимателей. В этой связи миф ультраправых о враждебности мигрантов по отношению к русским оказался как нельзя более кстати. Более того, пугая общество мигрантами, ультраправые также популяризируют свою деятельность и обеляют себя в глазах общественности. Позиционируя мигрантов как врагов российского общества, националисты провозглашают себя защитниками россиян и убеждают население в необходимости ультраправого движения.

Доктор исторических наук С.Ф. Вититнев, характеризуя становление ультраправого движения на Западе, замечает, что оно фор-

мируется из нижних слоев среднего класса при довлеющем влиянии наиболее реакционных слоев крупной буржуазии [3, 15]. Однако в современной Российской Федерации этот процесс проходил по несколько иному сценарию.

В результате экономических реформ в стране появились олигархи, боявшиеся потерять свое положение, однако сколько-нибудь значительный средний класс так и не возник. Впрочем, отечественные средства массовой информации утверждают иное. Комментируя информацию СМИ о наличии в России среднего класса, доктор исторических наук А. Галкин замечает: «С советских времен в массовом сознании застряло представление, согласно которому в обществе должна существовать массовая социальная группа, составляющая опору существующего политического режима. В свое время ею считался рабочий класс. Теперь у нового режима должна появиться своя социальная опора – средний класс. Если его нет, то его следует сделать, а если не получается – то, в крайнем случае, придумать» [8, 119].

Интересное исследование провел кандидат философских наук Д.И. Петросян, который отмечает, что в социологии хорошо проработаны критерии, благодаря которым можно относить граждан к среднему классу. По этим критериям оказывается, что для соответствия среднему классу россиянин должен иметь доход на одного человека семьи в месяц не менее 150 тысяч рублей. По самым оптимистичным подсчетам, доля таких россиян составляет не более 20% [6, 21]. Однако уровня дохода для характеристики среднего класса как политической силы, борющейся за власть в государстве, недостаточно. Средний класс должен иметь соответствующие партии, представляющие его интересы в парламенте. Однако политические организации, которые заявляют о себе как о защитниках среднего слоя общества, в России, по существу, отсутствуют. Они либо не преодолевают необходимый для представительства в парламенте избирательный порог, либо вовсе не получают регистрации. Поэтому, даже если

средний класс и существует в современной России, говорить о его политическом весе преждевременно.

В силу всего вышеизложенного, ультраправое движение в Российской Федерации имело иную социальную основу, чем на Западе. Его базой стал пролетариат и незначительное число представителей среднего класса.

В 1990-х гг. националистическое движение преимущественно работало с «улицей», где занимались своей деятельностью левые политические организации, имея значительную поддержку обнищавших слоев населения. В этот период наиболее известной ультраправой организацией стало «Русское национальное единство» (РНЕ). Основным направлением своей деятельности сторонники РНЕ выбрали погромы инородцев, а также пропаганду своей деятельности при помощи граффити и листовок. Однако с наступлением 2000-х гг. ситуация изменилась. В период 2001-2004 гг. произошел значительный спад численности близких РНЕ скинхедов и началось уголовное преследование лидеров «уличных» ультраправых. Кандидат политических наук С.В. Беликов связывает произошедшие изменения с усиленным вниманием к РНЕ прессы и телевидения [2, 28].

Закату РНЕ могли способствовать и другие обстоятельства. До поры до времени наиболее реакционная часть российской олигархии была удовлетворена разобщенными ультраправыми группами по всей России, однако развитие политической ситуации в стране потребовало более активного включения ультраправого движения в публичную политику. Но в том виде, в котором ультраправые существовали в 1990-х гг., сделать это было невозможно.

Ультраправое движение вынуждено было реформироваться. Преследование скинхедов правоохранными органами, с одной стороны, повлияло на уменьшение численности ультраправой молодежи, а с другой стороны, способствовало повышению их грамотности и самоорганизации. Характерной чертой ультраправого движения стано-

вится исчезновение brutальных, агрессивных организаций, типа РНЕ и приход на их место объединений более приспособленных к либерально-демократической политической системе.

Лидерами ультраправых организаций становятся более интеллигентные и в экономическом плане успешные люди. Одной из наиболее известных организаций новой ультраправой волны в России стало «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ), которое называло главным направлением своей деятельности «правозащитную деятельность» [7].

Учитывая то обстоятельство, что ультраправое движение выступает как антипод левых сил, можно утверждать, что его развитие еще не окончено. Чем больше будет усугубляться социально-экономическое и политическое неравенство в Российской Федерации, тем больше финансовая элита страны будет заинтересована в ультраправом движении. Можно предположить даже, что в том случае, если представителей российского бизнеса перестанет удовлетворять сложившаяся либерально-парламентская политическая система, ультраправые могут открыто выступить с требованием установить в стране диктатуру «сильной руки», как это сделали фашисты в период острого социального и политического кризиса капитализма. Стремясь дать социальный и политический ответ на потребности развития производственных сил, фашизм, по мнению исследователей, становится своеобразной превентивной контрреволюцией, маскируемой под революцию [9, 352].

Итак, ультраправое движение в современной России появилось в результате социально-экономических преобразований начала 1990-х гг. Большинству надежд, которое пи-

тало общество, прислушиваясь к политикам-демократам, так и не суждено было сбыться, что породило всеобщее разочарование и послужило питательной почвой для распространения идей национализма и экстремизма. Вместе с тем ретуширование националистами вопросов социального расслоения общества, объявление трудовых мигрантов главными врагами коренных россиян объективно играло и играет на руку интересам российской финансовой олигархии, заинтересованной в сохранении ультраправого движения в стране, некогда победившей фашизм.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анисимова Г.В. Проблемы социально-экономической дифференциации в российском обществе. Экономико-статистический анализ. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009.
2. Беликов С.В. Бритоголовые. Все о скинхедах. Эксклюзивные материалы. 4 изд., перераб. и доп. (Серия Ультра Культура). М.: Книжный мир, 2011.
3. Вититнев С.Ф. Белозерцев Е.И. Неофашистское движение в ФРГ. М., 1990.
4. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Социальное неравенство и социальная политика в современной России. М., 2008.
5. Метелев С.Е. Международная трудовая миграция и нелегальная миграция в России: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006.
6. Петросян Д.И., Свинцов И.В. Какой средний класс есть в современной России?// Проблемы формирования среднего класса в современной России: Материалы международной научно-практической конференции». Владимир, 2009.
7. Программа ДПНИ. URL: <http://www.dpni.org/articles/dokumenti/13255/> (дата обращения 26.06.11).
8. Симонян Р.Х. Без гнева и пристрастия. Экономические реформы 1990-х годов и их последствия для России. М.: Экономика, 2010. С. 253.
9. Филатов М.Н., Рябов А.И. Фашизм 80-х. Алма-Ата: Казахстан, 1983. С. 351.

УДК 328.184

Коцан И.М.

*Коми республиканская академия
государственной службы и управления (г. Сыктывкар)*

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОББИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

I. Kotsan

Komi Republican Academy of Public Administration and Management, Syktyvkar

POLITICAL AND LEGAL ANALYSIS OF REGULATORY LOBBYING IN FOREIGN COUNTRIES

Аннотация. Статья раскрывает особенности и наиболее эффективные концепции регулирования взаимоотношений групп интересов с представителями органов власти. Проводится сравнительный политико-правовой анализ опыта наиболее развитых государств мира, как-то: Соединенные Штаты Америки, Канада, Великобритания, Германия, Франция и, в отдельности, регулирования лоббистской деятельности в наднациональных структурах Европейского союза, несущего отдельные черты федерации и обладающего собственным концептуальным подходом к данному явлению. На основании изложенного материала делается вывод о необходимости признания и законодательного обеспечения взаимодействия групп интересов с представителями органов исполнительной власти, наиболее эффективным представляется оформление данного регулирования в конкретном нормативном правовом акте.

Ключевые слова: лоббистская деятельность, регулирование лоббизма в англо-саксонской системе, анализ регулирования лоббизма в Европейском союзе.

Abstract. The article reveals the features and the most effective concepts of managing relationships between interest groups and authorities. The author carries out comparative research of political and legal experience of the most developed individual countries, such as the United States, Canada, UK, Germany and France, and supranational structures of the European Union aimed at regulating lobbying activities, the latter being of special interest as it possesses some features of federation and that has its own conceptual approach to the phenomenon. On the basis of the analysis the conclusion is made that it is necessary to recognize and provide legislative support in form of a concrete legal act for interest groups and executive branch interaction.

Key words: lobbying, lobbying regulation in Anglo-Saxon system, the analysis of lobbying regulation in the European Union.

Для современных правовых систем характерны различные подходы к регулированию лоббистской деятельности. Причем различия эти настолько велики, что отсутствует возможность проводить обобщения даже в рамках континентальной или англо-саксонской системы права. Для выявления особенностей и наиболее эффективных концепций регулирования взаимоотношений групп интересов с представителями органов власти, представляется необходимым провести сравнительный политико-правовой анализ опыта наиболее развитых государств мира, как-то: Соединенные Штаты Америки, Канада, Великобритания, Германия, Франция и, в отдельности, регулирования лоббистской деятельности в наднациональных структурах Европейского союза, несущего отдельные черты федерации и обладающего собственным концептуальным подходом к данному явлению. Для того, чтобы лоббизм стал формой цивилизованного согласования интересов и установления связей между их носителями и властью, необходимы определенные условия. Опыт развитых государств, где лоббизм уже стал законным явлением, свидетельствует, что отсутствие норм, его регулирующих, свойственно для стран с низким уровнем демократического развития [15, 113-128].

В.Г. Вишняков выделяет две основные черты, присущие лоббизму развитых государств: кулуарная деятельность различного рода контор и агентств монополий, прежде всего при законодательных органах; и прямое или косвенное воздействие со стороны этих организаций и лиц на процесс подготовки и принятие законов в частных интересах монополий, корпораций, фирм [4,62]. В целях минимизации отрицательного влияния подобных характерных черт лоббистской деятельности развитые страны различными способами стремятся к ее законодательному урегулированию.

Подход к законодательному регулированию лоббистской деятельности в Канаде наиболее близок к концепции, принятой в США [13, 74-81]. В законодательстве этих государств даются определения лоббистской деятельности, клиентов, лоббистов, лоббистских фирм, перечисляются должностные лица, взаимодействие с которыми приравнивается к лоббистским контактам, устанавливаются права и обязанности субъектов лоббистской деятельности, публичная система контроля над ней, виды незаконного лоббизма, основания и меры ответственности нарушителей [1, 104-106]. Основным документом, регулирующим лоббистскую деятельность в Канаде, является Закон о регистрации лоббистов 1988 г. [8, 79-84]. При концептуальном единстве подходов к регулированию института лоббирования в Северной Америке, этот Закон имеет ряд существенных отличий от Закона о раскрытии лоббистской деятельности США. Особое значение канадские законодатели уделяют свободному доступу граждан к правительству, что полноценно отражено в вышеупомянутом Законе. В связи с этим канадская система регулирования лоббистской деятельности более либеральна, чем американская, что вызывает множество нареканий со стороны общественности. Чаще всего предметом критики становится то, что в Канаде лоббисты не обязаны раскрывать объём финансовых средств, потраченных на лоббистскую деятельность; отсутствуют ограничения на

занятия бизнесом уволившихся министров или иных госслужащих, занимающих высокие должности; непрозрачна система распределения государственных заказов; отсутствует кодекс поведения для членов парламента, обязывающий их раскрывать свои интересы, устанавливающий ограничения для них на получение подарков и т. п.

Существенным различием является и исключение из области регулирования лоббистской деятельности взаимодействия с представителями власти, действующими строго в рамках своих компетенций, среди которых члены законодательных или исполнительных органов власти провинций; члены дипломатических миссий, представляющих в Канаде интересы иностранных государств; члены представительства ООН, а также других международных организаций. Также канадским законом не регулируется любое устное или письменное обращение к парламенту, совершенное в ходе процедур, письменные стенограммы которых доступны общественности; любое устное или письменное обращение физических лиц к государственным служащим для обеспечения применения или толкования любого нормативно-правового акта парламента в его интересах или интересах компании, которую оно представляет; любое устное или письменное обращение к государственному служащему, сделанное в ответ на письменный запрос с его стороны с целью предоставить экспертное мнение, консультацию или комментарий в области разработки нормативных правовых актов, заключения контрактов для удовлетворения потребностей государства.

В законе предложено разделение лоббистов на лоббистов-консультантов и корпоративных лоббистов. Законом лоббисты-консультанты определяются как лица, которые за плату осуществляют лоббистскую деятельность в интересах клиента. Корпоративные лоббисты – это лица, нанятые какой-либо организацией или частным лицом, значительную часть обязанностей которых составляет общение с госслужащими в интересах работодателя или аффилированной

компании. И те, и другие являются профессиональными лоббистами, представляющими любую организацию или частное лицо через обращения к государственным служащим с целью принятия, внесения изменений или отмены какого-либо нормативного правового акта, влияния на государственную политику, получения субсидий, грантов и т. п. от государства. Различия в их статусе отражаются в требованиях относительно их регистрационных действий. Лоббисты-консультанты предоставляют в регистрирующий орган информацию о себе и клиенте, как-то: имя, название, адрес, юридические адрес и т. д., перечень вопросов, в связи с которыми был осуществлен лоббистский контакт, представители органов государственной власти, с которыми контактировал лоббист, методы лоббирования, которые он использовал. Вся информация подается по факту осуществления лоббистского контакта в уведомительном порядке не позднее 10 дней с момента осуществления соответствующих действий.

О действиях корпоративных лоббистов предоставляется аналогичная информация. На ее подачу отводится два месяца. Регистрацией корпоративных лоббистов занимается компания-работодатель, в том случае, если общее количество времени, в течение которого все работники организации заняты лоббистской деятельностью, составляет не менее 20 процентов общего времени занятости всех сотрудников. Если это условие выполняется, компания-работодатель должна отправить в регистрирующий орган информацию обо всех своих сотрудниках, занятых в лоббистской деятельности, включая тех сотрудников, чье индивидуальное время занятости лоббистской деятельностью меньше 20 процентов. Органом, регистрирующим лоббистов в Канаде, является специальный регистратор при Центральном бюро регистрации Канады, который каждый год предоставляет отчет в парламент и публикует его для широкой общественности.

Весьма интересной представляется практика частной законодательной инициативы, то есть возможности внесения проекта

нормативного правового акта в законодательный орган государства непосредственно группой интересов. В подобном случае уплачивается пошлина от 100 до 800 долларов на каждой стадии обсуждения законопроекта [9, 65]. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии отличается еще более либеральным подходом к регулированию лоббистской деятельности. Несмотря на крайне высокую степень развитости лоббистской деятельности, законодательное регулирование данного института достаточно размыто, нормы, имеющие предметом своего регулирования лоббистскую деятельность, встречаются в различных законах и кодексах, определяющих правила взаимоотношений представителей власти с группами интересов. Характерной особенностью этого регулирования является акцентирование внимания законодателей не на деятельности непосредственно лоббистов или групп интересов, а на финансовых интересах самих членов парламента. Основным документом, оказывающим влияние на регулирование лоббистской деятельности, можно назвать Свод Законов о государственной гражданской службе (Civil Service Code), основываясь на котором каждый департамент принимает свой Кодекс управления (Management Code).

Непосредственно регулированием взаимоотношений государственных служащих и представителей групп интересов занимается Комитет по стандартам публичной сферы, созданный в 1994 г. В первом докладе Комитета утверждалось, что лоббировать в парламенте и министерствах — неотъемлемое право каждого. С самого начала своей деятельности Комитет исходил из того, что контролировать нужно не лоббистов, а лоббируемых. Это решение объяснялось тем, что создание единого реестра лоббистов, помимо очевидных организационных сложностей, будет способствовать созданию имиджа «закрытой» власти, противодействию вертикальной коммуникации в обществе [16, 196]. В палате лордов и палате общин ведется реестр финансовых интересов членов парламента. В нем содержатся сведения о договорах с консультанта-

ми, представителями юридических фирм и лоббистских организаций. Интересно отметить, что в Великобритании члены парламента сами часто выступают в роли лоббистов: им не возбраняется являться официальными представителями коммерческих интересов одной из сторон при заключении договора, в том числе, если одной из сторон по договору является государство. Также представители законодательной ветви власти могут давать платные консультации. В то же время члены обеих палат парламента, имеющие финансовую заинтересованность в принятии какого-либо решения по вопросу на повестке дня, должны заявить об этом в своем выступлении. Если рассматриваемый вопрос носит явный, непосредственный и личный характер, член парламента не имеет права голосовать по данному вопросу. При осуществлении своей деятельности в качестве членов палат и поддерживая деловые контакты с другими членами парламента, а также министрами, должностными лицами, они обязаны заявить о своей возможной заинтересованности.

В качестве специфических черт, характеризующих систему регулирования лоббистской деятельности в Великобритании, можно также отметить тесно связанный с вышеизложенным принцип «*no paid advocacy rule*», т. е. запрет для членов парламента на получение материального вознаграждения за их деятельность, к которой относится голосование, парламентский запрос, снятие предложения с обсуждения, внесение законопроекта, внесение или снятие с обсуждения поправок к законодательному предложению и т. д. Также представители законодательной ветви власти Великобритании имеют право на участие в деятельности, не связанной напрямую с парламентскими должностными обязанностями. Комитет по стандартам публичной сферы указывает на положительное влияние подобной деятельности на осведомленность члена парламента о процессах, происходящих в обществе, реальных интересах граждан. Из дополнительных общих требований, относящихся как к представителям законодательной, так и исполнительной

ветви власти, можно выделить следующие: обязанность документировать свои контакты со сторонними организациями и лицами, неразглашение конфиденциальной информации, соответствие этическим нормам в отношении получения подарков, денежных переводов и т. п. При возникновении конфликта между своими личными интересами и общественными интересами государственные служащие должны руководствоваться общественными интересами. Концепция же относительного невмешательства законодателей в регулирования деятельности лоббистов обосновывается возможностью саморегулирования деятельности общественных институтов по продвижению интересов.

Лоббисты объединены в профессиональные организации: ассоциации и альянсы политических консультантов, которые разрабатывают кодексы поведения для представителей их профессионального сообщества и пытаются самостоятельно осуществлять контроль в этой сфере. Годовой оборот лоббистских фирм в Соединенном Королевстве превышает 500 миллионов фунтов стерлингов. Наиболее крупными из профессиональных объединений лоббистов в Великобритании являются Ассоциация профессиональных политических консультантов (APCC), Ассоциация консультантов по связям с общественностью (The Public Relations Consultants Association (PRCA)), Институт связей с общественностью (The Institute of Public Relations (IPR)). Первая и последняя из этих ассоциаций ведут собственные списки лоббистов. В целом можно отметить тенденцию к унификации корпоративных норм профессиональных объединений лоббистов и естественную эволюцию внутреннего регулирования их деятельности, что во многом оправдывает невмешательство законодательных органов Великобритании в процесс их становления. Соединенному Королевству известен и внешний, межгосударственный лоббизм. К услугам крупнейших лоббистских ассоциаций прибегало бывшее политическое руководство ЮАР и султан Брунея.

Очевидно, что в Великобритании законодательное регулирование лоббистской деятельности не развито. При достаточно успешном и динамичном развитии корпоративных норм, регулирующих деятельность лоббистов, государственные служащие имеют настолько широкий простор для самостоятельной оценки правомерности своих действий, их необходимости, этичности и т. д., что коррупционные скандалы, связанные с лоббизмом, крайне распространены. После серии подобных скандалов в конце 90-х гг. прошлого века секретарь кабинета сэра Ричард Вилсон выпустил «Руководство для государственных служащих: контакты с лоббистами», где были детально прописаны правила поведения госчиновников при общении с лоббистами. Но тема лоббизма и методов его законодательного регулирования не затрагивалась в парламенте Великобритании с 1999 г.

Как и в США, в ФРГ институт лоббизма признан в Основном Законе. Статья 17 Основного закона Федеративной Республики Германия [17] гласит: «Каждый имеет право самостоятельно или в сообществе с другими письменно обращаться с просьбами или жалобами в соответствующие органы и в парламент». Единого закона, регулирующего лоббистскую деятельность, в Германии нет, но в качестве доминирующего закона, регулирующего данный институт, можно выделить Положение о регистрации союзов и их представительств в бундестаге 1972 г. При переводе с немецкого языка слово «союз» в данном случае аналогично «группе интересов». Классическими лоббистами в Германии считаются союзы и объединения (Verbande und Vereine). По мнению А.П. Любимова, этот нормативный правовой акт наиболее близок по своим целям к Закону о раскрытии лоббистской деятельности США. В качестве основной задачи данных документов он называет легализацию контактов субъектов лоббистской деятельности с органами государственной власти.

Положения о регистрации союзов и их представителей в бундестаге также регулируют

ведение президентом бундестага списков всех союзов, ежегодную публикацию списков лоббистов, сведений, необходимых для регистрации, как-то: адрес и название союза, состав его правления, область интересов при взаимодействии с органами государственной власти, количество членов союза, имя представителя союза и адрес представительства при бундесрате и федеральном правительстве [14, 112-120]. Существенными отличиями Положений о регистрации союзов и их представителей в бундестаге от Закона о раскрытии лоббистской деятельности США является отсутствие требований об указании объема получаемых и расходуемых денежных средств и распространения определения союза, т. е. лоббиста, только на юридических, а не на физических и юридических лиц. Иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы, оказывающие влияние на осуществление лоббистской деятельности, являются: «Единое положение о федеральных министерствах», которое устанавливает, что эксперты из заинтересованных союзов и ассоциаций могут участвовать в разработке законопроектов в федеральных министерствах. Это фактически устанавливает лоббирование на уровне исполнительной ветви власти; Регламент деятельности бундестага, согласно которому те же самые группы интересов допускаются к участию в деятельности германского парламента; Кодекс поведения члена бундестага, наделяющий депутатов правом за материальное вознаграждение представлять определенную позицию при обсуждении вопроса на повестке дня комитета, предварительно объявив о заинтересованности, и обязывающий предавать гласности информацию о том, с какими лоббистскими организациями он взаимодействует. Депутаты бундестага могут параллельно числиться в штате коммерческих организаций в качестве консультантов или юристов либо возглавлять отраслевые союзы и объединения, входить в советы директоров корпораций. О побочных видах деятельности и доходах депутаты обязаны сообщать палате. Если в ходе обсуждения законопроекта

в парламентской комиссии возникает вопрос о конфликте интересов, заинтересованный депутат слагает полномочия на время обсуждения. Если парламентарий не сделает этого, он будет нести ответственность согласно положениям регламента бундестага вплоть до уголовного преследования.

В Германии развиты консультации власти с представителями крупных коммерческих организаций. На основании регламентов органов исполнительной власти и положений об их деятельности представители этих организаций на постоянной основе «прикомандированы» к министерствам и иным государственным структурам. Существенными недостатками регулирования лоббистской деятельности в Германии является недостаточная конкретизация критериев, согласно которым союзам предоставляется официальная регистрация, отбор групп интересов во многом осуществляется на субъективных началах, поэтому далеко не все заинтересованные союзы могут участвовать в разработке законопроектов в министерствах, что подрывает конкурентные основы лоббистской деятельности, способствующие ее позитивному влиянию на принятие управленческих решений. На стадии обсуждения законопроектов в государственных органах нет достаточного уровня гласности, что отмечается и при применении требования об обнародовании информации о взаимодействии депутатов с группами интересов. Всё вышеперечисленное ведет к созданию среды, подверженной возникновению коррупции и ущемлению интересов гражданского общества в сфере применения института лоббирования как механизма реализации своих конституционных прав.

Во Франции отсутствует законодательное регулирование лоббистской деятельности. Но национально-исторические особенности развития французской демократии обуславливают солидное влияние групп интересов через использование иных механизмов давления на принятие политических и управленческих решений. Данная специфика выражается во взаимодействии групп интересов от

предпринимательских кругов, общественно-политических объединений и, в особенности, профессиональных союзов и влияния других объединений на партийную систему, законодательный процесс, деятельность исполнительной ветви власти. Во Франции велика роль государства в регулировании экономических отношений, степень централизации принятия решений весьма высока. В 80-е гг. прошлого века впервые начали появляться законодательные инициативы в области легитимизации лоббистской деятельности. Однако до настоящего момента закон, регулирующий лоббистскую деятельность, не был принят. В то же время влияние групп интересов на принятие управленческих решений во Франции вполне традиционно и, ввиду неразвитости законодательной базы, не урегулировано. Насчитывается более 170 содружеств и исследовательских групп, специализирующихся на разработке идей и проблем с целью их продвижения в качестве законодательных инициатив, поправок к действующему законодательству и т. д. [12, 7]. Также устойчивая связь бизнеса и власти обеспечивается путем перехода государственных служащих в крупные корпорации, что также является косвенным признаком развития лоббирования в государстве. В 1991 г. во Франции создается Ассоциация советов по лоббингу, целью которой является продвижение идей легального лоббирования, открытости лоббистской деятельности, ее законодательного урегулирования.

На основании Конституции 1958 г. во Франции также действует Социально-экономический совет. Этот орган состоит из представителей профессиональных групп страны и призван давать правительству заключения по всем законопроектам экономического и социального характера. Взаимодействие членов этого органа с группами интересов подлежит наименьшему контролю, что ведет к активной лоббистской деятельности в рамках этого органа и со стороны его представителей в отношении представителей законодательной ветви власти. Показателен в данной связи документ, который приводит в

своей книге руководитель ведущей консалтинговой фирмы в сфере связей с общественностью Жан-Пьер Бодуан. В этом документе описываются конкретные виды услуг, которые оказывают консалтинговые фирмы в области взаимодействия с органами государственной власти. Среди них можно выделить такие: продвижение идей заинтересованной стороны в органах власти, теоретическая разработка и практическое применение коммуникационных стратегий по отношению к органам законодательной и исполнительной власти для принятия или изменения решения, внесение нужных изменений в законодательство и т. п. Приводятся также классический набор услуг для продвижения интересов внешнего заказчика при проведении взаимоотношений с органами государственной власти Франции: консультирование и содействие иностранным государствам, иностранным компаниям, государственным или негосударственным организациям и пр. [2, 174]. Франции, так же как и другим странам, известен межгосударственный лоббизм, хотя он и не имеет законодательной базы, но его существование считается законным. Его осуществляют так называемые «группы дружбы». Активную деятельность ведут франко-израильская и франко-вьетнамская группы дружбы, но наиболее успешным и развитым можно считать деятельность китайской группы интересов – хуацяо, которая в последние два десятилетия проводила политику своего государства при помощи механизмов лоббирования наиболее эффективно. Координация осуществляется в Китайском центре, финансирование которого осуществляется напрямую из Пекина.

Одновременно с началом европейской интеграции и появлением первых управленческих структур единой Европы появляются и группы интересов, стремящиеся оказывать влияние на принятие решений в них. В 1957 г. только были подписаны Римские договоры, а в 1958 г. в Брюсселе уже появились первые группы влияния: Комитет аграрных организаций в ЕС, лоббирующий интересы европейских фермеров в рамках

единой аграрной политики Евросоюза, и Союз конфедераций промышленников и работодателей ЕС90, являющийся структурой, которая на настоящий момент объединяет 39 союзов предпринимателей из стран ЕС, а также стран-партнеров Евросоюза, включая РФ (РСПП обладает статусом ассоциированного члена) [3, 2]. Наибольшее развитие деятельности групп интересов в единой Европе связано с новым витком интеграции, ознаменованным принятием в 1986 г. Единого Европейского Акта [6], относящего к компетенции управленческих структур единой Европы такие значимые направления, как разработка программы и дальнейшее нормативное регулирование общего европейского рынка, объединявшего страны ЕС в единую экономическую зону, формирование политики в области защиты окружающей среды, научно-технического развития. Единый Европейский акт также существенно расширил полномочия и влияние Европейского парламента: этим документом он был наделен возможностью блокировать рассмотрение законопроектов посредством наложения особой формы отлагательного вето, что незамедлительно обострило заинтересованность групп влияния в лоббировании парламентариев.

Вместе с увеличением лоббистской активности появляется стремление ее законодательно урегулировать. И в 1989 г. представитель Дании в Европейском парламенте поднимает вопрос о принятии нормативного правового акта, который бы регулировал лоббистскую деятельность. По поручению депутатов разработкой кодекса, направленного на регламентацию поведения лоббистов и стимуляцию их регистрации, занялся депутат из Бельгии Гале. Его доклад включал предложение дефиниций в области регулирования института лоббирования на общеевропейском уровне. Было предложено определение лоббиста как лица, выступающего по поручению третьей стороны в защиту интересов этой стороны. Квинтэссенцией идей, выраженных в докладе, явилась концепция саморегулирующейся модели управления организованными интересами, с заложен-

ной системой стимулов к самоорганизации. С развитием европейской интеграции увеличивалось не только количество лоббистских структур, но и сама сущность их деятельности. Если группы интересов, возникшие и действовавшие в середине прошлого века, являлись реакционными, ставившими перед собой задачу минимизации рисков, то к 80-м гг. создание интегрированного рынка приводит к смещению вектора лоббистской активности в сторону воздействия на разработку институтами ЕС выгодного курса промышленной и конкурентной политики. В дальнейшем история укрепления европейской интеграции, расширения компетенции наднациональных институтов неуклонно ведет к усилению деятельности групп интересов в них и адекватной активности в сфере ее урегулирования. Так, в 1992 г. Маастрихтский договор закрепляет наделение ЕС компетенцией в сфере экономической и монетарной политики; трансъевропейских сетей (транспорт, энергоснабжение, телекоммуникации); здравоохранения; защиты прав потребителей; культуры; образования; молодежной политики. В 1997 г. Амстердамский договор вновь увеличивает значимость ЕС, передавая в область его ведения политику занятости, таможенное сотрудничество, визовую политику, иммиграционную политику, политику в области предоставления убежища. В этом же году Европейский парламент принимает Кодекс поведения лоббистов, разработанный консалтинговыми компаниями, и два доклада Форда и Норманна. Основными и объединяющими данные документы идеями в области регулирования лоббистской деятельности явились требования о регистрации лоббистов, которые должны обеспечиваться рядом стимулов и привилегий, предоставляемых зарегистрированным представителям групп интересов, и необходимость отчетности депутатов [11, 265].

Аналогичные процессы продолжают протекать и с началом нового тысячелетия. Согласно Ниццкому договору [10], принятому в 2001 г., компетенция ЕС вновь была расширена: на этот раз за счет полномочий

в области экономического, финансового и технического сотрудничества с третьими странами. Законодательное регулирование лоббистской деятельности получает свое продолжение в Регламенте (ЕС) № 2004/2003, принятом Европейским парламентом и Советом Европейского союза в 2003 г. Он содержал нормы-дефиниции и условия признания политических партий, действовавших в ЕС, вопросы финансирования из бюджета. Развитие партий в рамках наднациональных институтов единой Европы и необходимость регулирования их деятельности были напрямую связаны с усилением политического лобби, обусловленного положениями Ниццкого договора. 4 июля 2004 г. в Праге была принята декларация о создании русской партии и манифест «За единство русских в единой Европе». Данная партия была сформирована из представителей русских диаспор различных государств-участников ЕС и претендует на роль лоббиста-посредника между Российской Федерацией и органами ЕС.

Предложения Еврокомиссии по регулированию взаимодействия с лоббистскими группами легли в основу Зеленой книги «Европейская Инициатива по Обеспечению Прозрачности», опубликованной 5 мая 2006 г. Придерживаясь концепции самоорганизации, Еврокомиссия предложила установить процедуру добровольной регистрации в специально предусмотренном для этих целей реестре. Для прохождения регистрации лоббистам предлагалось принять положения кодекса поведения, разработанного Комиссией. Проект же опубликованного в 2007 г. кодекса не имел существенных отличий от критериев этического поведения, предложенных в вышеупомянутом акте 1992 г. Также для целей регистрации лоббист должен был предоставить данные о клиентах, в интересах которых осуществляется лоббистская деятельность, в частности – информацию об объемах полученных гонораров. Для стимулирования добровольной регистрации Еврокомиссия принимала на себя обязательства извещать зарегистрированных лоббистов о проведении публичных консультаций в тех

областях политики ЕС, которые лоббисты обозначают как сферу своих интересов. В качестве санкции за предоставление неполной либо заведомо ложной информации предусматривалось исключение из реестра. Согласно данному проекту лоббизм определялся как вид деятельности, направленный на оказание влияния на разработку политики и процедур принятия решений европейскими институтами, а термин «лоббист» означает лицо, практикующее этот вид деятельности и представляющее различные виды организаций, таких, как консалтинговые кабинеты, юридические фирмы, НПО, исследовательские группы (think tanks), корпорации (in-house representatives), либо профессиональные объединения.

Важно отметить, что Комиссия подчеркивает легитимный характер лоббистской деятельности, осуществляемой в рамках демократической системы, вне зависимости от типов организаций, которыми она осуществляется. Зеленая книга также напоминает о практической полезности лоббистской деятельности. По итогам публичных консультаций по проекту итоговый документ уточнял объем коммерческой информации, которую должны были предоставить различные типы лоббистских структур. Специализированным консалтинговым кабинетам и юридическим фирмам предлагалось предоставить информацию об объеме оборота, а также – о доле доходов, полученных от каждого клиента, в общем обороте фирмы; корпорациям (in-house representatives) и профессиональным объединениям предоставлялась возможность ограничиться общей сметой расходов, выделяемых на лоббистскую деятельность; НПО и исследовательские центры (think tanks) обязывались огласить общий бюджет и его распределение по основным источникам финансирования (публичное финансирование, отчисления, пожертвования, взносы и т. д.). Столь дифференцированные условия регистрации и раскрытия информации явились поводом для дальнейшей существенной критики Кодекса. Так, в позиционном меморандуме, переданном Ев-

рокомиссии в рамках процедуры публичных консультаций, ассоциация ЕРАСА обвинила Комиссию в дискриминационном подходе к консалтинговым кабинетам по отношению к другим видам лоббистских организаций. Подчеркивалось, что требования о раскрытии информации о клиентах нарушают принципы коммерческой тайны, а также создают предпосылки для искажения свободной конкуренции на рынке консалтинговых услуг, связанных с лоббизмом, что негативно скажется на добровольном характере регистрации. Организацией также был выдвинут ряд альтернативных предложений, как-то: общая обязательность регистрации и единые требования по раскрытию информации. Данная позиция была поддержана и другими крупными лоббистскими организациями. Также негативное отношение представителей лоббистских организаций вызвала аргументация требований о раскрытии информации как стремления предоставить институтам и гражданам ЕС возможность оценить объемы финансовых средств, которые та или иная организация может потратить для достижения своих целей. По мнению лоббистов, такой аргумент содержал опасное допущение, что эффективность лоббирования институтов ЕС соразмерна финансовым средствам, которыми располагает лоббистская структура. Довод лоббистов о несоизмеримости финансовых средств и эффективности влияния поддержал депутат Александр Стабб, которому Комитет Европейского парламента по конституционным вопросам поручил подготовить проект резолюции по Зеленой книге. Он также высказался за введение равных условий для всех типов лоббистских групп и призвал к увеличению степени прозрачности работы самих институтов единой Европы.

Введение же процедуры регистрации поддерживалось европейскими некоммерческими организациями, выступавшими за борьбу с коррупцией и административными злоупотреблениями. Приветствовали введение системы регистрации и оказавшиеся в выигрыше адвокатские кабинеты. Полученные ими преференциальные условия намер-

няка можно расценивать как предпосылку к усилению «лоббистской» составляющей деятельности брюссельских юридических фирм и, следовательно, – к формированию нового, более близкого к англо-саксонским традициям, стиля представительства интересов, который фирма Alber & Geiger уже окрестила «юридическим лоббированием» («lobbying by lawyers»). Наряду с вышеизложенным, в институциональной системе Европейского союза большое распространение получили совещательные и консультативные институты и механизмы. В их числе – экспертные группы, которые привлекаются к разработке проектов актов и их согласованию, регулярные налаженные контакты представителей европейских институтов власти с независимыми специалистами определенного профиля. Согласно определению Еврокомиссии, экспертная группа представляет собой консультативное объединение, состоящее из представителей национальных правительств и/или экспертов частного сектора и учреждаемое Комиссией с целью оказания экспертной поддержки на стадии подготовки проектов регулирующих актов. Эти группы или комитеты подразделяются на три вида: консультативные комитеты, комитеты социального диалога, научные комитеты. Наибольший интерес для исследования лоббистской деятельности представляют консультативные комитеты, где участвуют представители организаций потребителей, НПО, правительственные эксперты и представители бизнеса. Согласно Сообщению ЕК, формулирующему рамочные условия работы экспертных групп, эксперты обладают правом консультировать Комиссию на протяжении всего законодательного цикла, в том числе инициировать процесс нормативного регулирования, формулировать предложения по содержанию регулирующего акта, а также осуществлять предварительную и заключительную оценку эффектов, связанных с введением регулирующего акта в действие. В связи с высокой степенью влияния данных экспертных групп, представительство групп интересов посредством лоббистов в них

крайне велико. Кроме того, использованию данного механизма лоббирования способствует гибкость способа формирования данных экспертных групп. Согласно рамочным условиям, экспертные группы могут учреждаться двумя разными способами – либо решением Комиссии о создании группы, либо отдельными Генеральными директоратами. В случае создания неформальной группы соответствующему Генеральному директорату достаточно получить разрешение Генерального секретариата Еврокомиссии, а информация об образовании группы не подлежит обязательной публикации в Официальном журнале Евросоюза.

В связи с повышенной активностью групп интересов в рамках экспертных групп, регулирование лоббистской деятельности в них является насущной потребностью. Инициатором данных процессов явился депутат от Дании Бонд, который занимается вопросами экспертных групп с 1999 г. В 2004 г. он впервые публикует в Интернете список экспертных групп, т. н. Список Бонда, вслед за которым в 2005 г. Еврокомиссия публикует официальный реестр экспертных групп. Реестр содержит информацию о сфере компетенций группы, ее миссии и задачах, учредившем ее Генеральном директоре, а также общие сведения о ее составе (количество экспертов и типе структур, которые они представляют). В 2008 г. данная информация была дополнена личными данными лоббистов.

В настоящее время до 75 процентов экономического законодательства, проходящего утверждение в национальных парламентах стран-участниц ЕС, разрабатываются в Брюсселе. Развитие лоббистской деятельности и лоббистских организаций четко взаимодействует с процессом расширения компетенции наднациональных структур ЕС. Основными тенденциями в регулировании лоббистской деятельности можно считать требования о регистрации лоббистов, обнародования их списков с периодичностью один раз в год, добровольный подход к осуществлению регистрации, основанный на системе стимулов, минимальность регистра-

ционных сборов для обеспечения справедливого представительства групп интересов, прозрачность контактов представителей управленческих структур.

Обращаясь к опыту регулирования лоббистской деятельности в различных зарубежных государствах, логичным представляется вывод о необходимости признания и законодательного обеспечения взаимодействия групп интересов с представителями органов исполнительной власти. Причем наиболее эффективным представляется оформление данного регулирования в конкретном нормативном правовом акте. Р. Давид писал: «Закон в силу самой природы строгости его изложения представляется лучшим техническим способом установления четких норм в эпоху, когда сложность общественных отношений выдвигает на первый план среди всех аспектов правильного решения его точность и ясность» [5, 109]. И наиболее четким и совершенным из существующих законов в области регулирования лоббистской деятельности можно признать американский вариант, о чем свидетельствует анализ регулирования данного института в других государствах. Как отмечает Зяблюк Н.Г., США удерживают «неоспоримое первенство» в развитии института лоббирования и всего, что с ним связано [7, 55]. Следовательно, за основу для разработки российского законодательства о регулировании лоббистской деятельности можно брать комплекс нормативных актов, действующих в США, однако при этом стоит учитывать опыт таких стран, как Германия и такой наднациональной структуры, как Европейский союз.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богдановский И.Ю. Лоббизм и право: опыт США // Современное право. 2007. № 2. С. 104-106.
2. Бодуан Ж.-П. Управление имиджем компании. Паблик рилейшнз: предмет и мастерство. М., 2001. 232 с.
3. Бореев А.В. Регулирование корпоративного бизнеса в Европейском Союзе: хроники комиссий по поддержанию полупрозрачности / Информационно-аналитическое издание «Советник президента». Март 2008. С. 2.
4. Вишняков В.Г. Проблемы государственного регулирования «лоббизма» в Российской Федерации // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. 1995. № 3 (5). С. 62.
5. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. 398 с.
6. Единый Европейский Акт// Единый Европейский Акт. Договор о Европейском Союзе. М., 1994. 244 с.
7. Зяблюк Н.Г. Лоббизм в США как политический институт// США. Экономика. Политика. Идеология. 1995. № 1 (301). С. 55.
8. Канада. Закон о регистрации лоббистов // Бизнес и политика. 1995. № 1. С. 79-84.
9. Любимов А.П. История лоббизма в России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005. 204 с.
10. Ниццкий договор и Хартия основных прав Европейского Союза / Под общей редакцией Л.М. Энтина. М.: Изд-во НОРМА, 2003. 158 с.
11. Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семенко И.С. Группы интересов и Российское государство.- М.:Эдиториал УРСС, 1999. 350 с.
12. Прохода Н. Лоббизм по-французски // Деловой мир. 1994. 2 июня. С. 7.
13. Пчелинцев С.В. Правовое регулирование лоббистской деятельности: канадские подходы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 3. С. 74-81.
14. Смирнов В.В., Зотов С.В. Лоббизм в России и за рубежом // Государство и право. 1996. № 1. С. 112-120.
15. Тихомирова Е.Б. Лоббизм как специфическая форма коммуникаций с общественностью // Вестник Московского университета. Социология и политология. 2002. № 3. С. 113-128.
16. Толстых П.А. GR: практикум по лоббизму в России. Альпина бизнес букс, 2007. 378 с.
17. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland / Erl. von Karl-Heinz Seifert et al. - 3. Aufl. Baden-Baden: Nomos, 1988. 642 с.

УДК 32.019.51

Куликов С.П.

*Московский государственный университет тонких
химических технологий им. М.В. Ломоносова*

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

S. Kulikov

*Moscow State University Of Fine Chemical Technology
named after M.V. Lomonosov*

HISTORICAL ASPECTS OF RUSSIAN STUDENTS' SELF-MANAGEMENT DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF YOUTH POLITICAL SOCIALIZATION

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы политической социализации молодежи России в историческом контексте. Самой политически активной группой на всем протяжении своего существования являлось студенчество. В качестве института политической социализации рассмотрены вузовские молодежные объединения. Делается вывод, что, независимо от декларируемых студенческим объединением целей, оно является очагом свободомыслия и политической активности.

Ключевые слова: воспитание, политическая социализация, студенчество, студенческое самоуправление, научно-студенческие общества, ВЛКСМ, строительные отряды.

Abstract. The article tackles the issues of political socialization of Russian youth in historical aspect. Students have always been the most active political group of the society. The author considers youth associations of universities as the institute of political socialization. It is concluded that the student union is a hotbed of free thinking and political activity whatever its declared objectives are.

Key words: education, political socialization, students, students' self-management, students' scientific societies, Young Communist League, building regiments.

Воспитание молодежи – насущная задача любого государства, во все времена. Вопросами становления гражданина, патриота, заинтересованного в процветании своей Отчизны, занимались ведущие мыслители от Платона до Макиавелли. При всем разнообразии взглядов на решение данной проблемы, неизменным оставалось одно – воспитание молодежи на идеалах, созвучных государству, то есть, в конечном счете, приобщение молодого человека к активной социальной позиции. Важно, что эта активность не должна быть стихийной. Залог успеха государства только в правильно и грамотно организованной молодежной политике, делающей молодежь значимой общественной единицей, способной деятельно влиять на социальные, политические и экономические процессы. Наиболее социально активной частью общества со времени своего возникновения является студенчество. Стоит вспомнить, сколько революционеров вышло из этой среды, хотя даже в уставе высших женских курсов было специально записано, что курсистки не должны принимать участие в политике. Именно из-за революционной деятельности студенток неоднократно прекращался набор на знаменитые Бестужевские курсы. Стоит ли говорить о том, что среди мужской части студенчества общественно политическая активность была гораздо выше. События 1917 г. показали, в том числе, и то, что неконтролируемая политическая активность студенчества может нарушить функционирование политической системы и привести к печальным последствиям. Безусловно, что социальную и политическую активность молодежи необходимо формировать и

контролировать, но на вопрос – как, сегодня нет однозначного ответа. Проверенный временем механизм социализации молодежи – участие в деятельности студенческого самоуправления.

Сегодня трудно представить себе высшее или среднее специальное учебное заведение без студенческих организаций. Практически везде есть студенческий совет, студенческий профсоюзный комитет, спортклуб, студенческое научное общество. Функционал данных организаций представляет собой широкий спектр от проведения студенческих праздников и конкурсов до реализации программ, жизненно важных для образовательной структуры. Однако общей задачей для этих организаций является предоставление молодому человеку возможности стать лидером объединения, получить свой первый карьерный рост, принять участие в соуправлении крупным социальным учреждением, сформировать свой взгляд на обстановку внутри вуза и в целом на ситуацию в государстве, принять первые самостоятельные, в том числе и политические решения.

Целью данной работы стал исторический анализ развития органов студенческого самоуправления, в контексте их работы по политической социализации молодежи.

Студенческое самоуправление в России ведет свою историю с 12 ноября 1757 г., когда по инициативе студенчества в Московском университете впервые было создано литературно-научное общество [1, 1]. Целью этой организации было совершенствование у молодых людей знаний в стихосложении. Общество провело несколько собраний и заседаний и прекратило свое существование. Затем на протяжении более чем 20 лет в МГУ создавались разные молодежные кружки по интересам, общества, ложи, которые были практически единственной формой объединения студенчества, причем инициативы по их организации принадлежали как студентам, так и профессуре (проводя аналогию с современностью, органы самоуправления создаются как на основе самоорганизации, так и путем соуправления).

Новым этапом развития деятельности органов студенческого самоуправления в Российской империи можно считать 1781 г., когда по распоряжению ректора Московского Университета М.М. Хераскова была создана студенческая организация «Студенческое научно-просветительское общество Собрания университетских питомцев» [1, 1]. Целью этой организации было разностороннее развитие молодежи путем обмена опытом между представителями разных факультетов, молодыми учеными, взаимодействие с профессорским составом, обратная связь, позволяющая улучшить восприятие учебного материала.

Первопроходцем в создании структуры, отдаленно напоминающей нынешние студенческие советы, стал Санкт-Петербургский государственный университет, где быстро нашла признание такая модель студенческой самоорганизации, как «Хозяйственное студенческое самоуправление» [2, 20]. Целью этой организации был как контроль за бытом, так и в целом ориентация студенчества в различных сферах жизни. Эта организация уже тогда пользовалась большим уважением у администрации университета. К.Я. Загорский, известный политический деятель тех времен, писал: «Я был уже совсем поражен, когда на первой же сходке с СПбГУ, на которой пришлось присутствовать, при появлении ректора университета не только не произошло никакого смятения или неловкости, но, напротив того, со стороны студентов раздались самые дружелюбные обращения к нему по имени и отчеству в том смысле, что вас вызвали, Андрей Николаевич, по ошибке раньше, чем нужно, мы еще не окончили обсуждение вопроса и просим вас прийти для переговоров несколько позднее. Ректор со своей стороны отвечал также самым благодушным тоном и оставил сходку продолжать свое дело» [3, 45]. Причем нельзя не отметить то, что именно в ХСУ СПбГУ студенты имели возможность обсудить политическую ситуацию в стране в своей среде, высказать отношение молодежи к обстановке в городе. Немаловажно, что даже студенческие

организации учебно-хозяйственного толка способствовали развитию общественно-политических интересов и формированию гражданской позиции. Из воспоминаний Д. Благоева: «Обширный зал аудитории (СПб университета) был переполнен сотнями студентов, членов ХСУ, на одной из скамеек стоял студент и резкими пламенными словами бичевал полицейский произвол, русский реакционный режим, призывал студенчество на борьбу с ним. Его речь сопровождалась бурными аплодисментами... Седой профессор показался из соседней с аудиторией комнаты и направился к кафедре. Однако студенты попросили его отложить свою лекцию, потому что у них сходка. Профессор, улыбаясь, ушел. Сходка кончилась без инцидентов» [4, 50].

В 1908 г. в МГУ был создан первый представительный студенческий орган – совет студенческих старост [1, 2]. Его формирование было аналогично существующим сейчас старостатам: каждая группа выбирала своего старосту, из них формировался совет старост университета и выбирался, соответственно, староста университета. По сути, эта структура давала студенту первую в жизни возможность быть избранным, принять участие в первой политической баталии, доказать, что именно он, а не другой, достоин представлять свое сообщество как перед своими братьями, так и перед администрацией университета. В студенческих группах разворачивались бои за место старосты, а уж выборы студенческого лидера всего учебного заведения зачастую становились одним из главных событий в жизни университета. Уже тогда на этих, еще «Детских», выборах использовались многие политические технологии, сродни нынешним, такие, как «черный пиар», когда студенты искали всякую порочащую честь претендента информацию, например, о том, что он находится на учете в местном «Охранном управлении» или, наоборот, входит в ту или иную «Молодежную политическую ячейку». На основании вышеизложенного можно заключить, что хотя о таких понятиях, как «демократия», «полити-

ка», «выборы» в то время не принято было говорить вслух, студенческие общественные организации или органы студенческого самоуправления давали молодому человеку возможность сформировать свои политические взгляды, проявить социальную активность и почувствовать себя полноценным членом общества, что, в конечном счете, и является целью политической социализации.

После событий 1917 г., приведших к изменению государственного строя России, высшее образование также подверглось значительным изменениям. Студенческие объединения молодежи вузов были признаны вредными и не только закрывались, но и строго преследовались. Еще не окрепшей тогда коммунистической власти были смертельно опасны ячейки свободомыслия, активности, объединявшие под своими флагами сотни и тысячи студентов, коими к тому времени стали органы студенческого самоуправления. Однако руководство страны понимало, что предоставить молодежь самой себе, оставить ее без присмотра и контроля значило заранее создать почву для новых революционных потрясений и возможного свержения коммунистического строя. Именно поэтому в проекте основных решений второго съезда РСДРП много внимания было уделено вопросам работы по воспитанию молодежи, а в его резолюции, написанной лично В.И. Лениным, говорилось: «Стихийно развивающееся юношеское движение нуждается в помощи со стороны пролетарских революционеров, особенно в деле воспитания «цельного и последовательного социалистического мировоззрения», без этого молодёжь не сможет ни выработать из себя хороших социалистов, ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм вперед. Социалистическое преобразование страны ставит перед партией задачу создания единой молодёжной организации, призванной вовлечь молодое поколение в строительство социализма, воспитывать людей новой, коммунистической эпохи» [5].

В 1918 г. прошел первый Всероссийский съезд рабочей и крестьянской молодежи, на котором было закреплено создание еди-

ной молодежной организации «Российского Коммунистического Союза Молодежи» [6]. Это – общественно-политическая структура абсолютно новой формации, исповедующая и воспитывающая исключительно социалистические идеалы, самостоятельная в деятельности, но при этом играющая роль связующего звена между коммунистической партией и молодежью страны.

Какова же была роль студенчества и студенческих организаций в создании и развитии молодежного движения в новой коммунистической России. После революции высшие учебные заведения испытывали значительные трудности, связанные с нехваткой профессорско-преподавательского состава и с падением уровня общей подготовки студентов. Московский государственный университет еще достаточно активно продолжал учебно-воспитательную деятельность, но на территории других учреждений располагались штабы войск, органы партии, и другие представительства новой власти. К середине 20-х гг., когда, разгромив белогвардейские войска, руководство государства перешло к модернизации и восстановлению страны, основное внимание было уделено восстановлению былой мощи высших учебных заведений. Образовательным структурам были возвращены отобранные ранее помещения, на работу привлекалась «старая» профессура, в том числе из дворянского сословия, которая ранее подвергалась жёстким гонениям. Коммунистической партией была поставлена задача подготовить новых квалифицированных специалистов для развития страны. Для достижения этой цели необходимо было не только наладить систему образования, но организовать воспитание молодого человека в духе социализма и преданности коммунистической партии. Решать эти задачи было поручено студенческим организациям вузов, точнее, единственной созданной к тому моменту молодежной организации – ВЛКСМ и его вузовским комитетам – вузкомам. Можно ли говорить о том, что с этого момента возрождается в России студенческое самоуправление? Вопрос достаточно спорный,

так как вузком на тот момент представлял не все студенчество, а только молодых людей, являвшихся членами ВЛКСМ. Структура эта действовала от имени и на благо только той части студенчества, которая безоговорочно верила идеалам, проповедуемым коммунистической партией. Главной задачей ВЛКСМ было не столько соуправление или решение проблем обучающихся, сколько воспитание и социализация молодежи в духе и идеалах того времени и той партии, которая главенствовала в России с 1917 г. Достижение этих целей шло максимально эффективно, доказательством чему служат ведущие посты в партии и государстве, которые неизменно замещались комсомольскими лидерами. Индекс их социализации был настолько силен, что даже к крушению СССР большинство бывших комсомольцев легко адаптировались и заняли ведущие позиции в вертикали власти демократической России.

Начиная с 30-х гг., в вузах вновь начинают создаваться научно-студенческие общества [6, 15]. Их создание активно поощряется администрацией и комитетами комсомола, что может, на первый взгляд, показаться странным, ведь изначально любые студенческие организации кроме вузкомов были определены вредными и подлежали закрытию. Однако не стоит забывать о том, что в те годы приоритетной задачей государства было развитие научного потенциала, а более эффективного механизма по вовлечению молодежи в науку и обмену опытом среди начинающих ученых, чем научно-студенческие общества, не было предложено. Поэтому власть пошла на смягчение своих взглядов и создание студенческих научных организаций в вузах. К началу 50-х гг. НСО действовали в 150 образовательных учреждениях страны, а всего в их деятельность было вовлечено более 50 тысяч студентов [6, 23]. Многие молодые люди приходили в научные общества зачастую не из-за желания получить новые знания и навыки, а из-за возможности в узком кругу единомышленников обсудить последние новости, поговорить о политике, услышать мнения о реальной ситуации в стране из

уст людей, признанных советским режимом. Такое совмещение целей привело к тому, что многие активные участники научных студенческих обществ впоследствии становились не только великими учеными и научными деятелями, но и крупными общественными и даже политическими фигурами. Примером может послужить академик Сахаров, сконструировавший первую в мире водородную бомбу; он остался в памяти миллионов людей не столько крупнейшим ученым, сколько выдающимся общественным деятелем, правозащитником, борцом с «Железным занавесом» и тоталитарным режимом. В целом научно-студенческие общества в коммунистические времена являлись важным инструментом социализации молодежи в духе критического восприятия советской общественной системы.

1959 г. ознаменовался появлением еще одного студенческого объединения, впоследствии ставшего одним из самых массовых молодежных движений в СССР. В этом году был сформирован первый студенческий строительный отряд МГУ имени М.В. Ломоносова, состоявший из студентов физического факультета. В тот год 339 молодых людей были направлены на целину в Северо-Казахстанские области, где возвели первые 16 объектов социальной инфраструктуры. До 1966 г. молодежными отрядами на просторах СССР было возведено более 300 объектов инфраструктуры, жилых домов, дорог, вспомогательных строений [7]. В 1966 г. начинают создаваться первые не строительные отряды, такие, как объединения молодых проводников и педагогов [7]. Для нашего анализа студенческие строительные отряды интересны с точки зрения их структуры и системы управления. Вступление в эти организации было абсолютно добровольным, а главным, руководящим органом являлось общее собрание. На общем собрании выбирались командиры и комиссары линейных отрядов. Естественно, все руководящие должности молодежной организации проходили согласование как в комитете комсомола, так и парторганизации вуза. Командир отряда осуществлял его общее руководство, отвечал за взаимодействие с администраци-

ей вуза, ВЛКСМ, руководством объектов, на которых приходилось работать, а комиссар отряда отвечал за нравственную и идеологическую составляющую такого молодежного объединения. Идейная составляющая отрядов была также основана на принципах социализма и коммунизма, и главным их лозунгом было трудовое воспитание молодежи. Нельзя не сказать о том, что многих молодых людей привлекали студенческие отряды не только возможностью получить дополнительные деньги или работать на благо государства, а еще и своим романтизмом и свободомыслием. Походы, песни у костра, соревнования между отрядами, совместные туристические выходы, вечерние посиделки – вот те характерные черты, без которых нельзя представить себе движение студенческих молодежных отрядов в СССР. Весь этот романтизм не мог не сопровождаться откровенными разговорами, дискуссиями, обсуждениями, в которых студенты смогли сформировать свой взгляд на окружающую обстановку, ситуацию в стране через призму понимания и отношения к этим проблемам старших товарищей, командиров и комиссаров отряда.

Движения ССО воспитывали у молодых людей верность партийному режиму и единую реакцию на политические события. Из воспоминаний участников ССО «КамАЗ-74» МИХМА: «Из запоминающихся событий, выпадающих из трудовых будней, можно отметить поездку всем личным составом ССО В Набережные Челны на митинг протеста против пиночетовского режима в Чили. Весь отряд в полном составе, одев как один парадную стройотрядовскую форму, загрузился в желтые ликинские автобусы и отправился в Автоград. Там нам выдали факелы, сделанные из палок с консервными банками, приколотенными гвоздями к ним. Налили в банки солянки, и с наступлением сумерек мы торжественным маршем двинулись на центральную площадь Челнов, где собственно и должен был состояться акт протеста против бесчинств озверевшей «Пиночетовской хунты» [8, 18]. Проводя аналогию с другими студенческими организациями как царской, так

и советской России, нельзя не сказать о том, что движение ССО было еще одним кадровым резервом для государственной власти, формировавшим специалистов не только с хорошим опытом работы, но воспитанных и социализированных на должных идеологических нормах и ценностях.

Студенческое самоуправление в СССР рассматривало студенчество как объект влияния и воспитания. Воспитательная работа всегда была у руководителей государства на одном из первых мест, потому создавалось множество сообществ и объединений, но делалось все это по решению управляющих структур, и очень редко – по инициативе самой студенческой молодежи. Студенчество советского периода могло самореализоваться и занять определенное место в обществе, но только в рамках, четко определенных партийной номенклатурой. В контексте политической социализации студенческое самоуправление должно было согласовывать работу с заказом государственной власти и воспитывать человека, согласного с ее идеологией. Однако очень часто в рядах социально активной молодежи находились люди, обладающие способностью широко и свободно мыслить, иметь собственную позицию, часто отличную от мнения большинства, и обладающие влиянием на товарищей. Многие лидеры молодежных сообществ имели свой взгляд на существующую обстановку в государстве и впоследствии часто составляли оппозицию правящему режиму.

Таким образом, можно отметить, что студенческие молодежные организации, даже организованные по партийному заказу и работающие в жестких идеологических рамках, несут в себе заряд оппозиционности и инакомыслия, помогая тем самым пополнению рядов противников общественного строя в СССР.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Благоев Д. Мои воспоминания. М.-Л., 1928. 184 с.
2. Второй съезд РСДРП: июль-август 1903 года: Протоколы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. 850 с.
3. Загорский К.Я. Воспоминания. СПб.: Кат. исс., 1931. 205 с.
4. Иваненков С.П., Сазонов И.Е. Анализ и перспективы деятельности студенческих трудовых отрядов (методические материалы). СПб.: 2002. 120 с.
5. Ильин И.В., Габдуллин Р.Р. Студенческое самоуправление в МГУ им. М.В. Ломоносова: история, современное состояние, перспективы развития [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Ломоносов»[сайт]. URL: <http://lomonosov.rambler.ru/> (дата обращения: 5.06.2008).
6. Лисовский В.Т. Советское студенчество: Социологические очерки. М.: ВШ, 1990. 168 с.
7. Решения Всероссийского съезда рабочей и крестьянской молодежи [Электронный ресурс] // Департамент администрации города Липецка [сайт]. URL: <http://www.culture48.ru/events/1522.htm> (дата обращения: 5.06.2008).
8. Тимерманис И.Е. Политические аспекты студенческого самоуправления (на материалах петербургских вузов): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 1998. 16 с.

УДК 322

Растимешина Т.В.

*Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»*

ДЕМУЗЕЕФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ

T. Rastimeshina

National Research University of Electronic Technology

CONVERSION OF CULTURAL HARITAGE OBJECTS AS POLITICAL TENDENCY

Аннотация. В статье рассматривается восстановление религиозных организаций в имущественных правах как результат переосмысления Российским государством исторического опыта взаимоотношений государства и Церкви. Автор рассматривает реституцию и демузеефикацию культурного наследия как политические проблемы. Реституция церковного имущества влечет за собой наращивание субъектности Русской Православной Церкви в сфере охраны культурного наследия. Автор показывает, что этот процесс создает условия для осуществления Церковью собственной стратегии социокультурной идентификации личности.

Ключевые слова: культурное наследие, религиозная организация, этнонационализм, мультикультурализм, государственная политика, политическая тенденция.

Abstract. The article considers the restoration of religious organizations' property rights as a result of the Russian government's rethinking of state-church relationships in historic perspective. The author regards restitution and conversion of cultural heritage as political problems. Restitution of Church property involves expansion of the Russian Orthodox Church influence to the sphere of conservation of cultural heritage. It is proved that this process creates favourable conditions for the Church to exercise its own strategy of personality's cultural identity.

Key words: cultural heritage, religious organization, ethnic nationalism, multiculturalism, state policy, political tendency.

Исходным тезисом нашей статьи является следующий: музеефикация монастырских и храмовых комплексов после 1917 г. и перемещение абсолютного большинства ценных предметов из церквей в музеи в своей историко-политической основе имели не социально-политический консенсус, а экспроприацию имущества церковных юридических лиц. Начало процесса было конституировано принятием Декрета СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», зачастую носило варварский характер¹. К концу 1970-х гг., в результате осуществления советской внутренней политики воинствующего атеизма, число действовавших храмов в России с почти восьмидесяти тысяч сократилось до 6800. Из 1498 действовавших к 1917 г. монастырей в России осталось лишь 12. Из 57 духовных семинарий, действовавших в 1914 г., остались семинарии в Загорске, Ленинграде и Одессе (в первых двух городах имелись и духовные академии) [1, 3].

Начало процесса «реституции»² имущества религиозных организаций было положено

© Растимешина Т.В., 2011.

¹ На основании Декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей от 23.02.1922 г. в Гохран перемещались церковные ценности из Кремлевских церквей и монастырей, в том числе и из Успенского собора. Согласно Общей описи ценностей, изъятых из Успенского собора, только в апреле 1922 г. было передано в Гохран 13 ящиков (67 пуд. 2 ф. 31 зол. серебра), к которым 9 сентября того же года добавилось еще 9 пуд. серебряного «лома», состоявшего из 17 лампад, серебряной раки Патриарха Гермогена и большого серебряного подсвечника от той же раки, сделанного по рисунку Васнецова [5, 258-274].

² Реституция (лат. restitution) – 1) восстановление поврежденного органа или ткани до нормального состо-

изданием Распоряжения Президента Российской Федерации от 31 декабря 1991 г. № 135-рп «О возвращении Русской Православной Церкви строений и религиозной литературы» [6]. В 1993 г. Президент Российской Федерации издал распоряжение «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества» [7], поручив правительству РФ подготовить «поэтапную передачу в собственность или пользование религиозным организациям культовых зданий, строений и прилегающих к ним территорий и иного имущества религиозного назначения, находящихся в федеральной собственности, для использования в религиозных, учебных, благотворительных и других уставных целях, связанных с деятельностью конфессий» [7].

Последним и самым значимым политическим шагом на пути к реституции имущества религиозных организаций стало принятие Государственной думой Федерального закона Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. N 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» (подписан Президентом РФ и опубликован 3 декабря 2010 г.).

Единое культурно-историческое пространство, которое создавалось в нашей стране десятилетиями, складывалось в значительной степени в результате осуществления политики воинствующего атеизма и сопровождалось разграблением Церкви и террором в отношении священнослужителей. Эти обстоятельства дают нам достаточ-

ания; 2) восстановление в прежнем правовом положении [16, 563]. Несмотря на то, что термин активно используется журналистами, он не вполне корректен для обозначения рассматриваемого в статье процесса. Ключевой смысл реституции – в полноте возмещения; законы, регулирующие реституцию в других странах, специально оговаривают, что при невозможности вернуть товарные ценности в натуральном виде возвращается хотя бы их стоимость в денежном выражении. На наш взгляд, более точным для обозначения идущих в России процессов был бы термин «имущественное отделение» Церкви от государства, раскрывающий не только имущественную, но и политическую сущность процесса.

но оснований для того, чтобы считать передачу религиозным организациям имущества религиозного назначения закономерным в *своей идее, понятным с точки зрения целей и общих принципов* процесса. Возвращение имущества Церкви является единственным путем, посредством которого снимаются церковно-государственные противоречия, и тем самым создается базис для поиска дальнейшего консенсуса по вопросу эксплуатации культурного наследия, в частности его музеефикации [1,3].

В нашем понимании, демузеефикация объектов, имеющих статус культурного наследия, в России является естественным следствием сложного и вместе с тем необходимого процесса передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения. Демузеефикация носит довольно масштабный характер. На момент принятия Закона РФ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» в России насчитывалось 6584 объекта культурного наследия федерального значения религиозного назначения. Из них: 6402 православных объекта, 79 мусульманских, 68 католических, 13 евангелически-лютеранских, 21 буддистский и 1 иудаистский объект. Помимо этого существует 4417 памятников регионального значения: 4241 православных, 86 мусульманских, 76 католических и 14 иудаистских [5, 3]. Таким образом, возможность восстановления в имущественных правах получили все религиозные организации, но контроль за большей частью демузеефицируемых памятников культуры получит Русская Православная Церковь¹. Это обстоятельство придает особую остроту самой проблеме демузеефикации и разворачивающейся вокруг нее дискуссии.

В настоящей статье мы рассматриваем проблему демузеефикации культурных ценностей в контексте проблемы социокуль-

¹ Современная Московская Патриархия (РПЦ МП, название появилось в 1943 г.) является одним из преемников Греко-Российской Православной Церкви.

турной идентичности. Культурное наследие играет важнейшую роль в процессе социокультурной идентификации человека. В нем потенциально сконцентрированы и система ценностей общества, и представления об «идеальном» и «нормальном для этого общества» человеке, о его роли в обществе, в своем единстве и взаимосвязи оказывающие влияние на характер и степень культурной идентификации личности.

Культурное наследие выступает в качестве элемента особого рода матрицы, в пределах которой формируется ментальность каждой отдельной личности и общественного сознания в целом, в том числе его нацеленность на этнонационализм или мультикультуральность как доминирующий и определяющий поведения способ восприятия социокультурной и политической реальности. Другими их компонентами, в совокупности создающими конкретные и специфические условия для образования и действия индивидуального и группового сознания, являются традиции, качество жизни, климат, особенности местного сообщества людей, нормы и традиции их жизни, религия [3, 41].

При переходе памятников культурного наследия в собственность Церкви человек не лишается самой среды. Однако в условиях отсутствия концептуальности и последовательности в осуществлении режима совместного использования государственными (муниципальными) и религиозными организациями объектов культурного наследия, непродуманности даже самых общих принципов введения этого режима, при пассивности государственных органов Церковь получила возможность определения социокультурного «режима» использования объектов культурного наследия. Рассматривая особенности этого режима, мы фиксируем тенденцию его клерикализации и этнонационализации.

Культурное наследие – это, прежде всего, среда, «пространство бытия», насыщенное символическим, историческим, эстетическим, этическим содержанием, в активном взаимодействии которых субъект обретает модели и коды самоидентификации. Не толь-

ко сами объекты, но и то, каким образом, в каком контексте они представлены субъекту восприятия, играет важную роль в процессе социокультурной идентификации. Сами памятники культуры и пространство бытия «вокруг них» формируют для человека ту картину мира, систему координат, которые определяют для него систему представлений о мире, о себе, своих действиях. Пребывание человека в такой среде выступает как условие обретения им материи, пространства самоидентификации в пространстве культуры, самоотождествления с определенной социокультурной нишей.

Применяя инструментальный дискурсивного подхода, мы рассматриваем храм, монастырское подворье и музей не в качестве собственников или пространственных координат местонахождения памятников, а в качестве среды, пространства самоидентификации человека, памятник же – в качестве неотъемлемого компонента этой среды.

В результате восстановления в имущественных правах Церковь получила возможность контролировать часть социокультурной среды, «насытив» ее, помимо конфессиональных, этнонациональными кодами и символами. Увеличение удельного веса этнонациональных компонентов в социокультурном дискурсе приводит к тому, что они стали играть более значимую роль в процессах самоидентификации личности. С этого угла зрения мы обнаруживаем, что перемещение фрески, иконы, надгробия и т. д. из музейного пространства в «декорации» Русской Православной Церкви и ее культурной политики¹ приводит к *конфессионализации и этнонационализации социокультурного дискурса*.

При государственном – светском использовании памятников (например, в контексте политики атеистического государства) вокруг них сформировался преимущественно «нейтральный», тяготеющий к мультикультуральному фон социокультурной идентификации человека. Пространство

¹ Даже если в физико-географическом отношении координаты объекта остались прежними.

художественного музея в этом отношении нейтрально. Памятник, помещенный в такой контекст, является объектом, интерпретация которого не предусматривает использование только одного – этнического или конфессионального кода.

Существуют примеры формирования «нейтрального» социокультурного фона и при сотрудничестве церкви и государства, причем в физическом пространстве храмов. Условием сохранения нейтралитета, как правило, является музеефикация самого храма на основе достигнутого между церковью и обществом консенсуса и в той степени, которая не ущемляет прав верующих.

В России, в отсутствие полноценной имущественной реституции, Церковь при содействии государства активно проводит политику социокультурной реституции. Несмотря на то, что многие памятники, независимо от места экспонирования и имущественной принадлежности, *уже не могут восприниматься исключительно в качестве предмета культа*, Церковь настойчиво предлагает человеку именно этноконфессиональный «вход» в пространство памятников культуры, создавая вокруг них соответствующий контекст.

Обеспечивая, в соответствии с буквой Закона, всем желающим доступ к объектам культурного наследия, Церковь тем не менее «обволакивает» их этнонациональным и этноконфессиональным духом. В результате объект культурного наследия, который должен адаптировать человека к современному мультикультурному пространству, напротив, оказывается «компасом дезориентации», поскольку этнонационализм, на наш взгляд, не что иное как симптом дезориентации в этом пространстве. Посредством адаптационных ресурсов культурного наследия должна быть устранена излишняя «нестабильность» человека в условиях многоликого мира, создаваться условия для освоения им универсальных культурных практик и поведенческих моделей. Церковь же навязывает определенные практики и этноконфессиональные модели.

Во всем мире этнонационализм по объективным причинам теряет своих сторонников. Напротив, мультикультурализм как установка на поддержание единства этнически неоднородного глобального общества исходит из признания культурного разнообразия как постоянного (сущностного) и ценного качества демократических политических сообществ. В рамках мультикультурализма важен приоритет демократического пути развития. Считается, что параметры соответствующей политики задает государство, с целью обеспечивать сосуществование многообразных культурных, этнических и иных общностей посредством реализации социальных и культурных программ.

Политическая составляющая рассматриваемой проблемы состоит в том, что чем в большей степени укрепляется имущественное положение Церкви, тем большее пространство социокультурной идентификации человека она может контролировать. Невмешательство государственных и региональных властей в ситуации, связанные с использованием объектов культурного наследия, может выступать косвенным свидетельством того, что проявления этнонационализма являются не столько «упущением» государства, сколько негласным компонентом государственной культурной политики, в которой Русская Православная Церковь выступает в качестве равноправного партнера государства.

Более того, рассматриваемый процесс является одним из многих в ряду этнонационализации внутривнутриполитического дискурса. Российское политическое сознание, радикализация и этнизация которого в условиях социальных и политических трансформаций была заложена советской, прежде всего сталинской, национальной политикой, в настоящее время еще в большей степени этнизируется. Население нашей страны демонстрирует крайне низкие показатели толерантности, общественное сознание современных россиян приобретает черты равнодушия, индифферентности или неприязни между отдельными позициями, а в ряде случаев тяготеет к терроризму [4, 4-5].

Дискурс идеологии также нестабильно и неравномерно склоняется в сторону этнонационализма. Ряд политических сил в стране ориентируется на зарабатывание политических очков, строя предвыборные программы и политические платформы, закладывая в их базис идеологию и практику черносотенства. Пропагандируемые стратегии поведения оказываются глубинно связанными с интересами бюрократии и элиты [9, 514].

На фоне общего усиления этнонационализации возвращение Церкви имущества религиозного назначения воспринимается в обществе отнюдь не как «логичное следствие принципа отделения Церкви от государства» [8, 3], а, напротив, как слияние церкви и государства на основе идеологической базы, содержащей такие традиционные для российского государствовождения компоненты, как православие, самодержавное лидерство, «сильная власть», политический центризм, империя и т. д. Ситуация «неправильного распознавания» разделения государственной и церковной собственности усложняется для общества отсутствием понятной для него стратегии в построении государством модели своего взаимодействия с Церковью.

В контексте этих процессов этнонационализация социокультурного дискурса с участием церкви выглядит органичным компонентом этнонационализации всей внутригосударственной жизни.

В свете этих тенденций нельзя не задаться вопросом, станет ли возвращение Церкви ее имущества актом восстановления исторической справедливости, шагом к окончательно отделению церкви от государства, снятию церковно-государственных противоречий и, наконец, необходимым этапом дальнейшей музеефикации культурного наследия и полноценного, не ущемляющего интересы граждан России сотрудничества государства и религиозных организаций в сфере охраны культурного наследия. Или существует опасность, что социокультурная реституция

будет одним из направлений осуществления политики социально-политической реакции. В этом случае этнонационализация станет стабильным внутривнутриполитическим курсом, который мы вынуждены будем рассматривать как один из симптомов ремиссии политики «укрепления вертикали», «усиления центра» и «возрождения империи». Мотив «возвращения к прошлому» суть есть наименее продуктивная компонента производных от государственного осмысления исторического опыта тоталитаризма.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Архипов А. Апофеоз бессмыслицы. Никакой реституции собственности РПЦ не происходит, да и не может происходить // Частный корреспондент. 2009. 8 мая. С. 3.
2. Емельянов Н. Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь с 1917 по 1952 г. // Богословский сборник / ПСТБИ. М., 1999. Вып. 3. С. 258-274.
3. Жидков В. Культурная политика и формирование картины мира // Символы, образы, стереотипы. Исторический и экзистенциальный опыт. СПб., 2000. 150 с.
4. Зуева Т.М. Образы политической власти в массовом сознании россиян: Автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2002. 42 с.
5. Коробов П. Как церковь возвращала утраченное. История вопроса // Коммерсантъ. 2009. № 32/В (4087). С. 3.
6. Распоряжение Президента РФ от 31 декабря 1991 года «О возвращении Русской Православной Церкви строений и религиозной литературы» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 3. Ст. 97.
7. Распоряжение Президента РФ от 23 апреля 1993 г. N 281-рп «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества». [Электронный ресурс] // Интернет-портал RUSPRAVO [сайт]. [2008]. URL: <http://ruspravo.org/sport-rasp/12.html> (дата обращения: 23.08.2011).
8. Саввин Д. Церковно-государственный лабиринт. Подводные камни на пути реституции церковного имущества // АПН Северо-Запад. 2010. 29 января. С. 3.
9. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. 610 с.

УДК 32:93/94

Сурнина В.В.

Московский государственный областной университет

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ТУРИЗМА: СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ

V. Surnina

Moscow State Regional University

TRENDS OF IMPROVING MODERN STATE POLICY ON TOURISM: RURAL TOURISM

Аннотация. В статье раскрываются первые достижения современной государственной российской политики и локальной инициативной практики в области туризма. Автор изучает особенности развития нового вида туристской деятельности – сельского туризма. В основе исследования лежит анализ российских и зарубежных законодательных документов. Проведя сравнительный анализ исторического компонента, автор пришел к заключению, что для современной России важное значение имеет разработка федеральной программы развития сельского туризма, проведение целенаправленной, многосторонней и активной государственной политики по данному направлению.

Ключевые слова: новое направление государственной политики туризма, сельский туризм, история развития сельского туризма.

Abstract. The article reveals the aspect of improving the present condition of the Russian state policy in the field of tourism. The author examines the characteristics of a new type of tourist activity – rural tourism. The study is based on the study of Russian and foreign legal documents.

Having analyzed the historical component the author came to the conclusion that it is important to develop a federal program for the development of rural tourism in contemporary Russia by conducting targeted, multilateral and active government policy in this area.

Key words: new trend in state policy on tourism, rural tourism, the history of rural tourism development.

Одним из перспективных направлений государственной политики в области туризма является наряду с другими направлениями развитие сельского туризма. Его развитие в качестве новой сферы туристской деятельности требует детальной разработки понятийно-категорийного аппарата и концептуализации самого содержания этого феномена.

Рассматривая процесс формирования словарно-терминологической базы туризма, мы отмечаем, что в российской законодательной практике термина, четко характеризующего данный вид туристской деятельности, не существует. Чаще всего в научной и публицистической литературе можно встретить следующие термины «агротуризм», «сельский туризм», «зеленый туризм», «сельский зеленый» или «деревенский» туризм. Так, Л.С. Колосова определяет агротуризм как туризм в сельской местности, при котором туристы во время своего отдыха ведут сельский образ жизни на фермах и хуторах. В работе М.Б. Биржакова деревенский туризм трактуется как отдых в сельской местности туристов-индивидуалов, организованный посредством туроператоров и туристических агентств [1, 497]. Термин «зеленый туризм» различными авторами понимается по-разному. Так, в работе Х. Монтанер Монте-хано «Классы туристической деятельности» «зеленый туризм» является туристской деятельностью, которая проходит в контакте с природой, жизнью в лагере или маленьких поселках. Эта деятельность сопряжена с сельскохозяйственными работами, знакомством с жизнью небольших поселков, пешими экскурсиями по природным объектам, изучением флоры и

фауны, занятиями водными видами спорта на реке, озере, путешествиями по горам, с организацией курсов национальной кухни и другое. Проживание при таком туризме осуществляется в загородных домах, которые приспособлены для этих целей, т. е. имеются кухня, столовая и другие услуги или предлагаются дома, в которых проживают сами крестьяне [7, 56]. На официальном сайте Федерального агентства по туризму Минспорттуризма России дается определение сельскому туризму: «Сельский туризм – это вид туризма, который предполагает временное пребывание туристов в сельской местности с целью отдыха и/или участия в сельскохозяйственных работах. Обязательное условие: средства размещения туристов, индивидуальные или специализированные, должны находиться в сельской местности или малых городах без промышленной и многоэтажной застройки» [13].

Необходимо отметить, что принципиального отличия в трактовке терминов нет. Все вышеперечисленные понятия определяют альтернативную форму туристской деятельности, подразумевающую под собой отдых в сельской местности, при котором набор предоставляемых услуг может включать такие компоненты, как размещение туристов, питание, организация познавательных и развлекательных мероприятий, другие услуги, перечень которых зависит от возможностей фермеров и пожеланий клиентов. В зарубежной литературе определение агротуризма и сельского туризма не являются синонимами, так как агротуризм является более узким видом туристической деятельности и объединяемым более общим направлением – сельский туризм.

Сегодня сельский туризм – туристский продукт, отвечающий новым запросам потребителей туристской продукции в новых условиях постиндустриального общества. В рамках сельского туризма учитываются особенности нового образа жизни человека, его психологические и культурные потребности, ценностные ориентации. По данным ВТО, ежегодный прирост в этом виде туристской

деятельности составляет около 6%, тогда как прирост туризма в целом всего 2%, из чего следует вывод о том, что сельский туризм сегодня – важный и устойчивый сегмент туристского рынка [8].

Клиент сельского туризма – человек, живущий в жестком временном графике, мобильный, информированный, но значительную часть времени ограниченный «нездоровым» урбанистическим пространством и условиями современного города, в связи с чем для поддержания жизненного тонуса ему необходима кардинальная смена обстановки. Таким образом, специфика образа жизни клиента и его устремления создают особые установки с ориентацией на «экологичность» исключительно во всем – так, место для отдыха должно быть ближе к естественным условиям, природе. Следовательно, наиболее востребованным будет новый подход к организации отдыха клиента – уход от массового отдыха, индивидуализация пакета туристских услуг, ориентация на малогрупповой и семейный отдых. Кроме того, очевидно, что сельский туризм предоставляет возможность для развития личности, расширения познавательного горизонта, творческого потенциала человека посредством знакомства с культурой и обычаями народов, через духовное обогащение, воспитание чувств патриотизма, любви и гордости к своей родине и уважения к чужой культуре.

Однако сельский туризм – не только туристский продукт, отвечающий современным требованиям, он – также альтернативная, несельскохозяйственная форма занятости в сельской местности, позволяющая решить ряд экономических и социальных проблем. Поэтому, хотя причины появления сельского туризма в мире в основном одинаковы, в разных странах его развитие, тем не менее, весьма специфично.

В связи с вышесказанным нами был проведен анализ положения с сельским туризмом в странах – основных участниках процесса развития и продвижения сельского туризма в мире. Так, прообраз сельского туризма появился в Америке во время Вели-

кой депрессии – тогда, чтобы вывести страну из кризиса, президент США Ф.-Д. Рузвельт воплотил проекты государственного строительства автомобильных дорог, электростанций и других объектов инфраструктуры с активным привлечением безработных на эти работы. В результате этих мероприятий в общей сложности в 1933-1939 гг. под эгидой Администрации общественных работ (PWA) и администрации гражданских работ Civil Works Administration (CWA) численность занятых достигла 4 миллиона человек [2, 96-112]. Таким образом, в связи с реализацией проектов Ф.-Д. Рузвельта возникла внутренняя миграция населения, увеличилось количество поездок, во время которых люди нуждались в кратковременном отдыхе и питании. Для удовлетворения указанных потребностей были необходимы малые средства размещения, которыми располагали именно фермерские хозяйства. Поэтому семьи фермеров, живущие вдоль оживленных магистральных автотрасс, и были первыми, кто стал предоставлять услуги подобного характера. Все это позволяет сделать вывод о том, что американские фермеры были первыми организаторами сельского туризма (первый этап развития сельского туризма). Вторым этапом развития сельского туризма в Америке была реформа образования 50-х гг. XX в. Тогда высшее образование получило значительные государственные субсидии и стало более доступным для сельских жителей, что способствовало переселению молодежи в крупные города, а позднее стало ясно, что повышение уровня образования коррелирует с увеличением интереса к отдыху на природе, эко-туризму, специальным предложениям по сельским путешествиям.

Урбанизация городов в 1960–1970-е гг. стала третьим этапом развития сельского туризма, когда распространились т. н. «U-pick farms» (Pick-Your-Own) – фермы, особенностью которых было то, что на них принимали туристов, которые могли проживать непосредственно на ферме, питаться продуктами, произведенными хозяевами, кататься на лошадях, принимать участие в дегустации вин,

но главным их преимуществом было то, что туристы могли сами заниматься сельскохозяйственной деятельностью на территории фермы, отсюда и название «U-pick farms» (Pick-Your-Own) – «Ты сам работаешь на ферме».

В середине 1990-х гг. для увеличения интереса к сельской местности и деятельности фермеров группа фермеров, с целью создания позитивного имиджа сельского хозяйства для туристов, организовала образовательный тур, назвав его «искусство урожая». Затем был тур для школьников, целью которого было «открытие» особенностей сельского хозяйства и сельского быта для молодого поколения городских потребителей [14]. Мотивировалось возрастание интереса к сельскому туризму возможностью побыть на природе, напрямую купить свежие продукты сельского хозяйства у фермеров, интересно провести отпуск. Таким образом, проведение этих мер позволило сельскому туризму в США занять устойчивую позицию в туристской индустрии.

В Европе развитие сельского туризма было связано с индустриализацией сельского хозяйства, которое в период после Второй мировой войны претерпело существенные модернизационные изменения. Возросшая технологичность привела к росту коммерциализации сельского хозяйства, снижению численности фермеров, уменьшению цен на сельскохозяйственные товары и общему сокращению фермерских доходов. Это повлекло за собой изменения в сельском хозяйстве как секторе экономики. Исходя из сложившихся условий, фермеры европейских стран (Франции, Великобритании, Италии и др.) стали искать возможность альтернативного использования своих активов путем диверсификации деятельности с целью поддержания достаточного уровня доходов.

Так, во Франции к началу семидесятых годов XX в., ввиду того, что сельское хозяйство страны было более не в состоянии поддерживать систему расселения, сложившуюся в прошлом, стали предприниматься попытки восстановить баланс между городскими и

сельскими территориями. Одним из способов решения проблемы стало использование альтернативных видов деятельности в сельской местности (в т. ч. сельского туризма). В частности, в 1971 г. образована ассоциация «Туризм в сельской местности», координирующая организацию сельского туризма в национальном масштабе. В последующие годы внимание к сельскому туризму усилилось непосредственно из-за требований рынка. В 1986 г. 8 миллионов французов (примерно 1/4 часть всех отдыхающих) предпочли отдых в сельской местности, а в 1987 г. так отдыхали уже 9,2 миллиона французов и 5,2 миллиона иностранцев (из них: 27 % немцев, 25 % англичан, 25 % бельгийцев, 14 % голландцев и 9 % представителей иных стран) [15].

В Великобритании в период 1970-1980-х гг. XX в. сельский туризм также стал занимать устойчивую часть туристского рынка – англичан, не хотевших отдыхать за границей, все больше интересовал сельский туризм, в котором они увидели возможность получить комфортный отдых за приемлемую цену. В настоящее время обе эти европейские страны понимают необходимость выделения дополнительных средств и проведение маркетинговой политики туризма в сельской местности. Так, в Великобритании в 2007 г. на встрече туристских руководителей в Лондоне Джеймсом Пурнеллом, министром культуры, средств массовой информации и спорта (Secretary of State Culture, Media and Sport – James Purnell), была заявлена государственная материальная поддержка сельского туризма в один миллион фунтов. Сумма 750 000 фунтов была отдана национальному туристскому агентству Visit Britain на продвижение направления сельского туризма и обустройство мест посещения туристов, важных для экономического «здоровья» местности. Дополнительный пакет в 250 000 фунтов, из сложившегося бюджета агентства Visit Britain, стал резервом целевого маркетинга компании в Англии на субсидирование бизнеса B&B, farm tourism и пр. [9].

На сегодняшний день лидером в Европе в сфере сельского туризма является Италия,

потому что в этой стране спрос на данный туристский продукт изменил саму концепцию сельского туризма, превратив его для многих сельских жителей не в побочный, а в основной вид деятельности. Однако развитие сельского туризма в Италии получило такое распространение не только благодаря развитой инфраструктуре страны и всемирной известности указанных территорий. Весьма значимо то, что Италия – страна, в которой первая попытка установить какие-либо правила в сельском туризме относится еще к 1973 г. Тогда в автономной провинции Тренто (Trento) был принят закон, в котором было прописано, что туроператорская фирма обязана иметь в штате сотрудника, занимающегося турами в сельскую местность (farm holidays). На национальном уровне упоминание о сельском туризме впервые встречается в законе Италии о туризме (закон № 217 от 17 мая 1983 г.). Следующим шагом было принятие отдельного закона о сельском туризме – в 1985 г. (закон № 730 от 05 декабря 1985 г.), который установил фундаментальные принципы связи между сельской и туристской деятельностью. В настоящее время в Италии действует закон о сельском туризме, принятый в 2006 г. (закон № 96 от 20 февраля 2006 г.), и он ориентирован на необходимость развития устойчивого туризма и сельского хозяйства, а также на создание гармонии в развитии программ Европейского союза с программами страны и ее отдельных регионов [11].

В Италии существует несколько национальных организаций сельского туризма, самые известные из которых – Terra Nostra, Turismo Verde и Agriturismo, и все они поддерживают отношения с парламентом, министерствами, государственными административными органами власти. Эти ассоциации занимаются сертификацией итальянских ферм [17], осуществляют информационную поддержку фермеров, содействуют разработке и публикации руководств по сельскому туризму [18], представляют и защищают интересы фермеров. Так, Turismo Verde планирует и осуществляет профессиональную

подготовку и курсы повышения квалификации фермеров, желающих заняться сельским туризмом. Обучение ведется в сотрудничестве с национальными и региональными структурами, а также в тесном взаимодействии с Национальной ассоциацией фермерских хозяйств [16]. Таким образом, к середине 1990-х гг. сельский туризм в Италии стал основным видом заработка многих сельских жителей и «оброс» необходимыми для любого бизнеса атрибутами – рекламой, маркетинговой и ценовой политикой, квалифицированными кадрами, серьезными инвестициями и большими доходами. Современный сельский туризм в Италии предполагает широкий выбор условий проживания, причем весьма часто туристов размещают в реконструированных усадьбах XVI–XVIII вв. или небольших старых монастырях. Важную роль в борьбе за благосклонность клиентов начинает играть гастрономия, поэтому каждый такой отель имеет собственное хозяйство, где выращивают экологически чистые продукты, производят сыры, мед, оливковое масло, вино. Особое внимание уделяют досугу гостей: организуют экскурсии с осмотром местных достопримечательностей, визиты в соседние города, посещение ярмарок и средневековых костюмированных праздников. Сельская жизнь в Италии дает возможность не только вкусно поесть, но и увезти с собой в качестве сувениров редкие вина или особые сорта сыра. Усилия, затраченные на развитие данного направления в экономике страны, не пропали даром: ежегодный оборот от сельского туризма в Италии составляет порядка 400 миллионов евро.

Сельский туризм в ряде стран из вспомогательной отрасли сельского хозяйства превратился в самостоятельный и конкурентоспособный сектор туристической индустрии, и некоторые государства (Греция, Кипр) стали рассматривать и поддерживать его уже в этом качестве.

Так, на Кипре СТО (Cyprus Tourism Organisation – Кипрская Туристская Организация) была разработана программа сельского туризма как самостоятельного сектора турист-

ской индустрии, которая и стартовала в 1991 г. при поддержке правительства Кипра. Целью программы является социально-экономическая ревитализация сельских деревень, более выгодное социальное и географическое распределение экономической прибыли от туризма, диверсификация туристского продукта, развитие новых специфических видов деятельности в сельской местности, а также сохранение природы, культуры и окружающей среды. Так, по данным СТО, на 2007 г. на Кипре гостей ждут 60 туристских объектов, расположенных в 29 деревнях острова, общей вместимостью до 500 комнат. В прошлом году по линии агротуризма отдохнуло более 15 000 человек, среди них 33,6 % составили немцы, 21,3 % – британцы, 16,8 % – датчане, 7,7 % – жители Австралии, 6,36 % – французы, 4 % – ливанцы, 3,6 % – бельгийцы, 1,8 % – израильтяне, по 0,9 % – норвежцы и шведы и по 0,45 % – испанцы и канадцы [10]. В настоящее время сельский туризм на Кипре приобретает все большую популярность, и динамика развития сельского туризма положительная. Таким образом, следует отметить, что важнейшим элементом роста заинтересованности в сельском туризме являются программы его развития, государственные или специальные, как Кипрская программа по сельскому туризму, подготовленная Кипрской организацией по туризму.

В странах Восточной Европы (Польша, Болгария, Литва, Латвия) и бывших республиках СССР (Белоруссия, Украина) сельский туризм также получил большое развитие. В этих странах в сельском туризме увидели вид деятельности, который сможет помочь сельскохозяйственному сектору решить культурные, социальные и экономические проблемы. В связи с этим 4 сентября 1998 г. в городе Браслав (Беларусь) были подписаны документы о создании еврорегиона «Озерный Край», в который в настоящее время входят: Браславский, Верхнедвинский, Миорский, Поставский и Глубокский районы (Беларусь); Даугавпилский, Краславский, Прейльский и Резекненский районы, включая города Даугавпилс и Резекне (Латвия); Зарасайский,

Игналинский, Утенский и Швенченский районы, включая город Висагинас (Литва). На национальных уровнях принято специальное законодательство, стимулирующее развитие сферы туризма. Так, в Литве большим стимулом к развитию сельского туризма стало предоставление налоговых льгот, а закон «О туризме» в Республике Беларусь (1999 г.) определяет отрасль туризма как наиболее приоритетную.

Следует отметить, что ключевой особенностью развития сельского туризма в Европе является реализация программ государственной и наднациональной (на уровне ЕС) поддержки – политической, финансовой, правовой, организационной. В европейской практике сельский туризм стал компонентом крупной социально-экономической программы по переводу части аграрного населения из сферы производства в сферу услуг. Ее задачей было дать импульс развитию аграрных регионов и их населения путем организации нового сектора местной экономики. При этом ставилась цель предотвратить безработицу, миграцию, падение жизненного уровня населения и другие негативные явления, ведущие к деградации сельской местности. Стимулирование сельского туризма «сверху» содействовало переводу избытка трудовых ресурсов в аграрных регионах в альтернативный сектор производства услуг, развитию малого и среднего бизнеса и созданию новых рабочих мест в сельской местности. Такая политика дала большой социально-экономический эффект в стратегическом плане: государство своей программой поддержки сельского туризма помогло сельским жителям сберечь и в дальнейшем приумножить капитал, вложенный в жилье, сохранить место жительства и привычный образ жизни, не теряя при этом навыков сельскохозяйственного производства.

В России предпосылки развития сельского туризма появились еще в начале XIX в. – сельские местности интенсивно застраивались летними дачами, строились просторные дачные (летние) дома с большими верандами для сдачи в наем на летний период

– возник т. н. «дачный промысел». Дачники, снимающие дачи на летний период в наем, давали неплохой доход местному населению за счет платы за наём помещений, а также от покупок сельскохозяйственной продукции. Кроме того, пользовались спросом услуги стирки белья, поставки дров, прислуги и гувернеров.

Однако указанный «промысел» не подразумевал под собой заботы о постояльцах – организацию проживания, питания, досуга – и принимающая семья не брала на себя никакой ответственности за условия проживания постояльцев, кроме сдачи жилья в наём. К сожалению, социальные потрясения начала XX в. и Гражданская война приостановили на несколько лет развитие «дачного промысла» и туризма в целом. Однако, несмотря на определенный застой в данной области, при советской власти становление туризма продолжалось, правда, развитие туристской деятельности не являлось первоочередной задачей, на первый план вышли идеологическая составляющая и физическое воспитание масс. Сдержали развитие туристской деятельности Великая Отечественная война (1941-1945) и последовавшая за ней послевоенная разруха, с очевидно снизившейся потребностью людей в путешествиях, сокращением свободного времени трудящихся, отсутствием специального или арендованного транспорта, других служб и пр. Таким образом, сельский туризм для России того времени не представлял никакого интереса, и развитие индивидуальных направлений туризма было не востребовано.

Сегодня сельский туризм для России – новое направление туристской деятельности, в связи с чем его всестороннее развитие началось лишь с конца 1990-х гг. XX в. В настоящее время сельский туризм только формируется как специфическая форма отдыха в сельской местности с широкой возможностью использования природного, материального и культурного потенциала, а также как бизнеса, приносящего прибыль как частным лицам, так и государству. Безусловно, в России это пока не высокоприбыльный бизнес,

а способ уменьшить социальную напряженность и снизить уровень бедности в сельской местности.

Существенным оказалось и то, что построение сельского туризма проходило в России «снизу вверх», практически без участия центральных структур – на правительственном уровне долгое время отсутствовало четко артикулированное политическое решение о поддержке сельского туризма и не были разработаны на федеральном уровне нормативные документы, регламентирующие данный вид деятельности. Однако в Федеральной целевой программе «Социальное развитие села до 2010 г.» такие задачи уже наличествуют (раздел 3.6.), причем предусматривается «формирование территориальной сети информационно-консультационных центров», пропаганда сельского туризма, «обучение сельского населения по организации несельскохозяйственных видов деятельности в целях развития альтернативной занятости в сельской местности». Вместе с тем вплоть до настоящего времени не разработана концепция развития сельского туризма в России, не решен вопрос с правовым (не разработаны соответствующие законы и положения) и финансовым обеспечением процесса (система льготного кредитования, налоговых и др. льгот и пр.), не разработана классификация хозяйств сельского туризма, процедура лицензирования этого вида деятельности, а также набор компетенций работника сельского туризма (что является одним из важнейших факторов в развитии новой отрасли), а также многое другое, что требуется для функционирования сельского туризма как сектора современной туристской индустрии, а не кустарного промысла.

Однако, несмотря на существование большого количества проблем, в России существует положительная практика развития сельского туризма, являющаяся тем опытом, на основе которого должна строиться законодотворческая деятельность и государственная политика. Так, в настоящее время накоплен определенный опыт сельского туризма и существует ряд регионов, в которых были

приняты программы по развитию сельского туризма. Например, в Алтайском крае утвердили ведомственную целевую программу «Развитие сельского туризма в Алтайском крае на 2009-2012 годы», определяющую направления и механизмы государственной поддержки этого вида туризма (объем финансирования программы за весь период – свыше 200 млн. рублей, при средствах краевого бюджета почти 24 млн. рублей и около 182 млн. рублей внебюджетных средств) [12]. В рамках программы предполагается создание материально-технической базы сельского туризма, развитие инфраструктуры, улучшение информационного обслуживания лиц, занятых в данной сфере. Среди основных мероприятий: обучение, подготовка и переподготовка лиц, осуществляющих деятельность в сфере сельского туризма.

В 2009 г. (02.11.2009 г.) правительство Калужской области утвердило долгосрочную целевую программу «Развитие аграрного туризма на территории Калужской области на 2010–2012 годы». Цель данной программы – стимулировать развитие внутреннего и въездного туризма, сформировать конкурентоспособный туристский продукт, увеличить формы занятости и самозанятости, рост доходов и повышение уровня жизни сельского населения, создать условия для устойчивого развития сельских территорий в Калужской области. Общий объем ресурсного обеспечения Программы за 2010-2012 гг. по всем источникам финансирования составляет 253416 тыс. рублей. В настоящее время же прием туристов осуществляют 15 граждан, ведущих личные подсобные хозяйства, 7 крестьянских (фермерских) хозяйств, 8 баз отдыха, 4 туристские деревни и 3 экопоселения, расположенные в сельской местности, которые способны одновременно принять более 1200 туристов. Количество реализованных и реализуемых небольших и укрупненных комплексов аграрного туризма – 37, в т. ч. количество работающих по приему туристов гостевых домов – 132. В планах по строительству на 2010-2012 гг. предусмотрено введение в эксплуатацию новых

гостевых домов в количестве 78 единиц. В 14 районах Калужской области планируется к реализации 20 инвестиционных проектов в сфере аграрного туризма с организацией 79 объектов аграрного туризма, из них 5 предусматривается организовать на базе крестьянских (фермерских) хозяйств. Таким образом, увеличение количества объектов аграрного туризма позволит к 2012 г. принимать одновременно более 2600 туристов [3].

В Ульяновской области также принята Концепция развития сельского туризма, и финансирование развития аграрного туризма предполагается в рамках целевых программ за счет средств областного и местных бюджетов, привлечения внебюджетных средств. В настоящее время действуют проекты сельского туризма на территории Ульяновской области в четырех муниципальных образованиях – Старомайском районе («Русский берег» (агротуризм), Шале «Релакс»), Сенгилеевском районе («Уголок России» (агротуризм)) и Карсунском районе (Гостиничный комплекс ООО «Тревел-Сервис»), Радищевском районе (пруды). Кроме того, существует ещё ряд проектов сельского туризма в Мелекесском, Инзенском и Чердаклинском районах [5].

Подводя итог данной статьи, автор пришел к выводу, что уровень развития сельского туризма в Российской Федерации значительно отстает от зарубежного. Внимание к данной сфере деятельности со стороны государства не оказывает решающего влияния на позитивное изменение ситуации. Использование потенциала данного вида туристской деятельности для экономического и социального развития наблюдается на примере отдельных региональных программ. Для современной России важное значение имеет разработка федеральной программы развития сельского туризма, проведение целенаправленной, многосторонней и активной государственной политики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Биржаков М.Б. Введение в туризм. Изд. 9-е, перераб. и доп. СПб.: «Издательский дом Герда», 2007. 576 с.
2. Васильев В.С. Франклин Д. Рузвельт и Джон М. Кейнс: экономическая политика в годы «великой депрессии» // США. Канада. Экономика, политика, культура. 2001. № 10. С. 73-85; № 11. С. 96-112.
3. Долгосрочная целевая программа Развитие аграрного туризма на территории Калужской области на 2010-2012 годы: офиц. текст. Правительство Калужской области, 2009. 19 с.
4. Концепция развития курортно-рекреационного и туристского комплекса Автономной Республики Крым до 2010 года // Крымская газета №144(16489) от 07.08.2002 г. С. 11-12.
5. Концепция развития сельского туризма в Ульяновской области: [Электронный ресурс] // Департамент развития предпринимательства Правительства Ульяновской области: [сайт]. URL: www.sme.ulgov.ru (дата обращения: 20.08.2011).
6. Лашенко Н.С. К вопросу о разработке концепции развития сельского туризма (агротуризма) в российской провинции: экономический, социальный и социокультурный аспекты // Время культурологии. М., 2008. 11 с.
7. Определение агротуризма [Электронный ресурс] // Ассоциация содействия развитию агротуризма: [сайт]. URL: www.agritourism.ru/association/sciencework/105 (дата обращения: 17.07.2011).
8. Постановление Администрации Алтайского края № 378 от 2 сентября 2009 г. Об утверждении порядка предоставления в 2009-2012 годах из краевого бюджета целевых средств на государственную поддержку сельского туризма [Электронный ресурс] // Главное управление сельского хозяйства Алтайского края: [сайт]. URL: www.bankfax.ru/page.php?pg=62826 (дата обращения: 23.08.2010).
9. Сельский туризм [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по туризму (РОСТУРИЗМ): [сайт]. URL: www.russiatourism.ru/rubriki/-1124140272/ (дата обращения: 24.07.2011).
10. Монтанер Монтехано Х. Структура туристического рынка: Учеб. пособие: Пер. с испанского. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. 230 с.
11. Associazione: la storia [Электронный ресурс] // Terranostra: [сайт]. URL: www.turismoverde.it/index.php?COD_PAG=612 (дата обращения: 19.07.2011).
12. Charlene Perkins Cutler. TLGV Fact Sheet [Электронный ресурс] // Agritourism: [сайт]. URL: www.thelastgreenvalley.org (дата обращения: 04.09.2011).
13. Jonathan Edwards; University of Bournemouth England «Rural Tourism in Great Britain»; Encon-

- tro Nacional do Turismo de Habitação – Ponte de Lima (12 e 13 de Março de 1993).
14. Katherine L. Adam Entertainment Farming and Agri-Tourism; Business Management Guide; September 2004; ATTRA Publication #IP109.
15. Le tourisme rural [Электронный ресурс] // Agriculture: [сайт]. URL: www.agriculture.gouv.fr/le-tourisme-rural (дата обращения: 02.08.2011).
16. Presentazione[Электронный ресурс] // Turismo Verde: [сайт]. URL:[www.turismoverde.it/constd-](http://www.turismoverde.it/constd-menudx.php?COD_PAG=657)
- menudx.php?COD_PAG=657 (дата обращения: 17.06.2011).
17. Scegli l'offerta di agriturismo per regione dal menu in alto: [Электронный ресурс] // Agriturismo: [сайт]. URL:www.agriturist.it/agriturist.php?IdCategoria=2&IdSottomenu=21 (дата обращения: 03.06.2011).
18. Stella Agostini. Learning Sustainability of Rural Tourism. Farm Competitiveness and Health Risk Landscape Assessment. 9 p.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

**БОЛОТОВА С.В. «РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА СССР В 1930-е – 1950-е ГОДЫ».
(М., ИЗД. КРУТИЦКОГО ПОДВОРЬЯ. 2011. 315 с.)**

**BABKIN M.A. [BOOK REVIEW:] BOLOTOV S.V.
RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND FOREIGN POLICY OF THE USSR
IN 1930TH – 1950TH. MOSCOW: KRUTITSY METOCHION PRESS. 2011. 315 P.**

В последние два десятилетия пристальное внимание исследователей истории Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) привлекает тесно связанный с именем И.В. Сталина период 1930-х – начала 1950-х гг. Только в 2009–2011 гг. фактически по нему были опубликованы два пространных сборника документов [4; 5] и две монографии [3], одна из которых – рассматриваемая книга.

В труде кандидата исторических наук С.В. Болотова исследуются место и роль РПЦ в международной политике СССР, в послевоенном переустройстве Европы, а также в «холодной войне». Несмотря на, казалось бы, обилие статей и параграфов различных книг, написанных на названные темы, до сего дня соответствующего обобщающего исследования сделано не было. Потому работа Болотова безусловно обладает научной новизной.

Рассматриваемую монографию предваряют два предисловия – от издательства и от автора. В них кратко повествуется история создания книги и очерчивается круг исследуемых в ней вопросов. Следом идёт «Введение», содержащее скрупулёзный обзор отечественной и зарубежной историографии, а также описание источниковой базы. При этом автор совершенно справедливо отмечает, что в 2000-е гг. многие исследования в России созданы «с оглядкой на мнение цер-

ковных кругов, и это мешает их объективности» (с. 22).

Первая глава монографии называется «Внешнеполитический аспект религиозной политики СССР в предвоенный период и переоценка советским руководством общественно-политической роли Русской Православной Церкви в годы Второй мировой войны». В ней автор указывает, среди прочего, что для советского государства РПЦ как фактор международной политики стала существовать фактически сразу, как только на Западе появились известия о репрессиях против духовенства. Эти известия послужили очередным поводом для их использования в антисоветской пропаганде (с. 36).

Здесь же С.В. Болотов убедительно оспаривает устоявшийся в историографии тезис, что отправной точкой сотрудничества РПЦ и советской власти явилась личная встреча И.В. Сталина и церковного руководства, состоявшаяся 4 сентября 1943 г. (с. 57–58).

Автор указывает, что международные мероприятия с участием РПЦ церковным и советским руководством проводились в двух целях: 1) восстановить и развить прежде существовавшие связи РПЦ (или в другой формулировке – укрепить связи между СССР и его союзниками); 2) содействовать советской внешней политике (иначе говоря

– проводить антифашистскую агитацию и просоветскую пропаганду). При этом работа на государственные интересы в области внешних контактов доминировала над работой в интересах самой РПЦ.

Вторая глава – «Реализация новой модели советской религиозной политики в области международных отношений в условиях начала холодной войны». В ней, в частности, повествуется о том, что в первые послевоенные годы Московская патриархия и Совет по делам РПЦ¹ проводили скоординированные действия по созданию мировой системы православного единства и по противодействию католическому влиянию. При этом Москва пыталась взять лидерство в обеих областях.

В апреле 1945 г. советское руководство решило проводить на Западной Украине и в странах Восточной Европы открытую конфронтацию с Католической Церковью. При этом главным внешнеполитическим инструментом советской стороны была Московская патриархия. Римскому папизму, который в СССР определялся как агрессивная антисоветская политическая сила, как религиозный символ «мира капитала», противопоставлялась «народно-демократическая» РПЦ.

При противостоянии католицизму основное давление советских органов пришлось на подчинявшуюся в юрисдикционном отношении Римским Папам Греко-католическую (Униатскую) церковь. По планам советского руководства, эта структура на территории СССР подлежала полному уничтожению. В результате проведённого с участием духовенства РПЦ комплекса мер, к 1951 г. Униатская церковь прекратила легально существовать на Западной Украине, в Закарпатье, Румынии и Чехословакии. Лишь небольшая

часть её приходов сохранилась в Болгарии, Венгрии, Югославии и Польше. При этом, оказывая своё давление на униат, советская власть фактически ставила тех перед выбором: либо переходить в православие, либо быть репрессированными.

С.В. Болотов убедительно показывает, что Поместный собор 1945 г., проходивший с широким участием гостей из восточно-православных Церквей, состоялся фактически под патронажем советских органов. На примере организации этого Собора автор указывает, что сталинская религиозно-политическая модель поддержки т. н. мирового Православия была едва ли не тождественна традиционной политике российских императоров, покровительствовавших Церквям православного Востока (с. 147).

В связи с такой параллелью было бы, на наш взгляд, в монографии уместно остановиться на формулировках тех благодарностей, которые звучали из уст высших иерархов РПЦ в адрес Сталина за заботу того «о нуждах верующих»². Например, патриарх Московский и всея Руси Алексей (Симанский) – архиерей ещё «царского» поставления – называл Сталина «великим вождём народов наших», «нашим любимым верховным вождём», «великим Главой нашего государства», «нашим великим и дорогим вождём, [...] чьё имя будет всегда дорого и незабвенно для Русской Православной Церкви», «великим поборником правды» и т. п. [4, 86, 155, 304, 313, 412, 554, 563, 607, 608]. В начале ноября 1950 г. он писал одному из высокопоставленных советских чиновников: «Дай Бог, [...] чтобы гений нашего великого вождя Иосифа Виссарионовича Сталина не только неизменно бодрствовал над нашей страной, но и привёл все народы ко всеобщему миру» [4, 549]. Ещё более высокопарно – «богодарованным Верховным Вождём нашим» и «нашим любимым, Богом данным Верховным Вождём» – он именовал Сталина на страницах официального издания РПЦ [1, 3; 2, 11-12]. От других высокопоставленных

¹ Совет по делам РПЦ был образован в соответствии с постановлением Совета народных комиссаров (СНК) СССР от 14 сентября 1943 г. Это был орган связи между РПЦ и государством. По своему статусу названный Совет приравнивался к комитетам и комиссиям, действующим при СНК. Его «рекомендации» являлись для Московской патриархии обязательными указаниями как во внешнеполитических, так и во внутрицерковных делах.

² Это пожелание можно учесть при подготовке С.В. Болотовым 2-го издания своей книги.

иерархов звучали не менее помпезные именованья Сталина¹.

Таким образом, уместно, на наш взгляд, обратить внимание читателей, что в царской России представители высшего духовенства воздерживались именовать императоров теми эпитетами, которыми в 1943–1953 гг. те величали И.В. Сталина.

Третья глава монографии С.В. Болотова носит название «Международная деятельность Московской Патриархии в условиях изменения парадигмы советской политики в сфере государственно-церковных отношений». В ней подробно говорится о совместных попытках Совета по делам РПЦ и Московской патриархии достичь лидерства РПЦ в общехристианском движении и отстаивании в том советских интересов. Дальнейшая цель виделась в создании в столице СССР центра мирового православия – своеобразного «Московского Ватикана». Там же повествуется о планах советской стороны расчленить Католическую церковь на отдельные независимые Церкви.

Однако внешнеполитические усилия СССР и РПЦ вызвали противодействие стран Запада. И далеко идущие планы советской стороны, по большому счёту, остались без осуществления. Московскому патриархату не удалось возглавить ни общехристианское, ни экуменическое движения, ни стать во главе всех поместных Православных церквей. Провал средиземноморских планов советского руководства в отношении Греции, Израиля и Турции вызвал разочарование И.В. Сталина в РПЦ как в рычаге дипломатической работы.

Более того, постепенно даже стал складываться своеобразный антисоветский православный блок, в состав которого вошли Константинопольский и Александрийский патриархаты, Греческая и Кипрская церкви, отдельные церковные группы в США, Китае, Японии, в американской и английской зонах оккупации Германии и др.

Неоднократно в книге Болотова говорится о финансовой стороне внешнеполитических контактов РПЦ. Масштабы «гуманитарной помощи» православным Церквям, лояльным к советской внешнеполитической деятельности, во 2-й половине 1940-х гг. временами носила такие объёмы, что можно говорить о фактическом финансировании Москвой восточных Церквей.

Рассматриваемая книга снабжена списком литературы и источников, содержит указатель имён.

В монографии имеются дискуссионные тезисы. Один из них – что Поместный собор РПЦ 1945 г. был «первым в истории СССР» (с. 6). В качестве возражения можно указать на два т. н. обновленческих Поместных собора, состоявшихся в 1923 и 1925 гг. Другой спорный тезис – что находившийся на занятой гитлеровскими войсками территории митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский) был убит оккупационными властями (с. 97). На самом же деле архиерей был убит неустановленными людьми, которыми вполне могли быть и сотрудники НКВД. Несколько странно звучит и именование во «Введении» одного из современных известных российских учёных в превосходной степени: «крупнейшим (sic. – М.Б.) специалистом по истории РПЦ XX в.» (с. 13).

При чтении книги обращает внимание и то, что автор и выпустившие рассматриваемую монографию сотрудники церковного издательства (Крутицкого патриаршего подворья) многократно именуют Ватикан словосочетанием «Святой Престол» (см., например: с. 6, 25, 118, 126, 129, 144, 207–212, 217, 218, 223, 224, 237, 284). На наш взгляд, такая практика выходит за рамки исторически сложившейся в России традиции именования римской кафедры.

В целом же монография С.В. Болотова представляет собой добротное, обобщающее исследование. Она будет интересна и полезна всем, изучающим историю России и Русской православной церкви.

¹ См., например, подшивку «Журнала Московской патриархии» за 1943–1953 гг.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексий (Симанский), митрополит. Письмо Председателю Совета народных комиссаров, маршалу Советского Союза И.В. Сталину // Журнал Московской патриархии. М., 1944. № 10. С. 3.
2. Благодарственные молебны в Ленинграде // Журнал Московской патриархии. М., 1944. № 2. С. 11-12.
3. Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М.: Кучково поле, 2011. 720 с.
4. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970 гг. / Под ред. Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко. В 2 тт. Т. 1: 1945–1953 гг. М., РОССПЭН, 2009. 847 с.
5. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сборник документов / Сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М.: Изд. Крутицкого подворья, 2009. 675 с.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПОСТСОВЕТСКИХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ»

25 ноября 2011 г. в Московском государственном областном университете состоялась международная конференция, посвященная анализу политических изменений, произошедших за последние двадцать лет на постсоветском пространстве. Организатором конференции выступила кафедра политологии и права МГОУ, преподаватели которой приняли участие в подготовке и организации состоявшегося мероприятия.

В конференции приняли участие ученые из России, Украины, Армении, Кыргызстана, Латвии, Приднестровской Молдавской Республики, сотрудники академических институтов, преподаватели вузов, а также начинающие исследователи: аспиранты и студенты. Авторы прозвучавших докладов стремились рассмотреть через призму современной политической науки процессы национального и государственного строительства в странах СНГ и Балтии, предлагали свои рецепты решения имеющихся в этих странах проблем.

Конференция началась с приветственного слова проректора по научной работе, д. фил. н., проф. Левченко М.Н., которая отметила, что конференция состоялась благодаря внутриуниверситетскому гранту МГОУ, который ежегодно выделяется на наиболее интересные

научные мероприятия. Указав на то, что конференция проходит в стенах МГОУ в год 80-летия МОПИ-МПУ-МГОУ, М.Н. Левченко пожелала участникам конференции жарких творческих дискуссий и удовлетворения от работы.

К пожеланиям проректора по научной работе присоединился в своем выступлении и декан факультета истории, политологии и права МГОУ, доктор исторических наук, профессор В.Н. Захаров, принявший активное участие в последующей научной дискуссии.

Первые прозвучавшие на конференции доклады были посвящены трансформации политической системы современной России. В сообщении кандидата политических наук, доцента А.В. Абрамова (МГОУ) «Политическая система современной России: проблема становления» были выделены основные направления процесса институционализации политической системы нашей страны и обозначены проблемы ее сопровождающие. В докладе кандидата политических наук Р.А. Алексеева (МГОУ) «Интеграция институтов гражданского общества в политический процесс современной России» был сделан акцент на проблеме политического участия российских граждан как основы формирования институтов гражданского общества.

Ряд выступлений был посвящен трансформации политической системы Украины. В своем докладе директор Института стран СНГ (г. Киев, Украина) В.В. Корнилов указал на феномен «двух Украин», борющихся друг с другом на протяжении многих лет. Выходом из сложившейся ситуации, по мнению докладчика, может стать федерализация страны. Социальному и политическому расколу, имеющему место в современной Украине, было посвящено и выступление заведующего отделом Украины Института стран СНГ К.А. Фролова (г. Москва). Докладчик подверг острой критике «галицистский концепт», сторонники которого стремятся представить Украину жертвой российской оккупации. В заключении своего выступления К.А. Фролов призвал украинскую политическую элиту отказаться от курса евроинтеграции и начать сближение с Россией в рамках Таможенного союза.

Политическому процессу в другой славянской республике бывшего СССР – в Белоруссии – было посвящено выступление профессора Московского государственного педагогического университета А.В. Фадеева. Начав с замечания о том, что, несмотря на все издержки, Россия и Украина с точки зрения демократического транзита существенно опередили Республику Беларусь, А.В. Фадеев посвятил свое выступление доказательству этого тезиса на примере белорусского парламентаризма. Как полагает докладчик, в современном парламенте Белоруссии не поднимаются острые национальные, социальные и политические вопросы, а сами депутаты являются проводниками воли президента, за что и получили в народе прозвище «кивал».

Важнейшую тему – положение русскоязычного населения в современной Латвии – поднял в своем докладе «Трансформация политической системы Латвии в период с 1991 по 2011 гг.» директор Балтийского центра исторических и социально-политических исследований В.И. Гуцин (Латвия). Указав на факт отсутствия гражданства у части жителей страны, В.И. Гуцин подверг критике распространяемый на страны Балтии тер-

мин «этническая демократия». По мнению докладчика, существующую в Латвии политическую систему следует квалифицировать как «этнократию» – недемократический режим, характеризующийся преобладанием определенной этнической группы во властных структурах при игнорировании социальных, экономических и политических интересов других этнических групп общества.

Становлению и современному состоянию политической системы Армении был посвящен доклад доктора политических наук, профессора Ереванского государственного университета А.А. Маркарова (г. Ереван, Армения). Докладчик подробно рассмотрел проблемы и противоречия конституционного процесса в Республике Армения сквозь призму борьбы сторонников парламентаризма и президентализма, а также сделал прогноз относительно предстоящих в мае 2012 г. парламентских выборов.

Обстоятельный доклад «Приднестровская государственность: состояние и перспективы» прозвучал из уст заместителя Министра иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики В.В. Игнатьева. Как заметил выступающий, двадцать один год приднестровской государственности убедительно доказал, что Приднестровская Республика располагает всеми атрибутами суверенного государства и может обеспечить права своих граждан, обороноспособность и финансовую независимость. В завершении своего доклада В.В. Игнатьев высказал свое мнение о перспективах российско-приднестровских отношений в контексте современных геополитических проблем, в том числе связанных с развертыванием американской системы ПРО в Европе.

Целый блок выступлений был связан с центральноазиатскими республиками бывшего СССР. Доктор экономических наук, профессор Славянского университета А.А. Мигранян (г. Бишкек, Кыргызстан) посвятила свой доклад экономической основе государственности Казахстана, Туркменистана, Кыргызстана и Таджикистана, выделив региональных лидеров и аутсайдеров. Доклад

старшего научного сотрудника Института Востоковедения РАН А.В. Грозина (г. Москва) был посвящен политическим элитам центральноазиатских государств в контексте процессов модернизации политических систем. Особое внимание докладчик посвятил имеющим место клановым связям и отношениям, оказавшимся в ряде случаев более эффективными, чем государственные институты. Отношения власти и оппозиции в Казахстане, Киргизстане и Узбекистане были подробно рассмотрены в докладе аспирантки кафедры политологии и права С.А. Махмудовой (МГОУ).

С большим интересом аудитория выслушала выступление кандидата философских наук, доцента кафедры политологии и права П.П. Политаева (МГОУ) «К вопросу о понятии «политическая система государства». Указав на теоретическую и практическую значимость проблемы, докладчик сформулировал три вопроса, на которые и попытался ответить в ходе своего выступления: почему в современной политической науке нет однозначного понимания политической системы;

каковы точки зрения на сущность политической системы; от какой политической системы ушла Россия и к какой пришла.

Актуальные вопросы теории и практики функционирования политических систем всех или отдельных государств СНГ и Балтии поднимались и в других выступлениях участников конференции: ученых, преподавателей, студентов и аспирантов.

Прозвучавшие доклады вызвали живой интерес аудитории, свидетельством чему являлись многочисленные вопросы к докладчикам. Активное участие в прошедшей дискуссии принял доктор исторических наук, профессор МГОУ Ю.В. Аксютин.

В своем завершающем слове председательствующий на конференции заведующий кафедрой политологии и права МГОУ, доктор исторических наук, профессор В.Г. Егоров подвел итоги произошедшей дискуссии, указал на важность состоявшегося в МГОУ научного форума и выразил надежду на продолжение научного диалога.

А.В. Абрамов

НАШИ АВТОРЫ

Аваков Артур Игоревич, аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: megler@mail.ru

Бабкин Михаил Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, профессор кафедры истории Московского педагогического государственного университета; e-mail: m.babkin@mail.ru

Бирюков Алексей Михайлович, доцент кафедры истории Московского государственного областного социально-гуманитарного института; e-mail: alexbrk@mail.ru

Болтовский Станислав Олегович, старший научный сотрудник Института стран СНГ (г. Москва); e-mail: bostj@kemt看.ru

Бурцева Екатерина Евгеньевна, аспирант кафедры истории России Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого; e-mail: brc_ktrn@mail.ru

Гриценко Владимир Александрович, аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Московского государственного областного университета; e-mail: Gritsenkov@yandex.ru

Журавлев Валерий Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, директор Центра по разработке и реализации межархивных программ документальных публикаций федеральных архивов Российского государственного архива социально-политической истории, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники за 2002 г.; e-mail: vzh1938@rambler.ru

Закатаева Анастасия Сергеевна, аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: an.zakataeva@gmail.com

Иванов Владимир Константинович, соискатель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: 310187@list.ru

Кадыкова Мария Николаевна, аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: marianikol@mail.ru

Ковалева Ольга Сергеевна, соискатель кафедры истории и архивоведения Астраханского государственного университета; e-mail: max-march@mail.ru

Коцан Иван Михайлович, аспирант кафедры управления социально-политическими процессами Коми республиканской академии государственной службы и управления; e-mail: kotcan@mail.ru

Куликов Сергей Павлович, аспирант кафедры истории социологии и права Московского государственного университета тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова; e-mail: 9368276@mail.ru

Кучанов Илья Семёнович, кандидат исторических наук, ведущий библиотекарь Государственной публичной исторической библиотеки России; e-mail: ilyask80@shpl.ru

Леонтьев Андрей Валентинович, аспирант кафедры новейшей истории Московского государственного областного университета; e-mail: makulen@mail.ru

Лиджеева Клара Федоровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Калмыцкого государственного университета (г. Элиста); e-mail: lkf1957@mail.ru

Моу Моин, докторант Исторического института Уханьского университета (Китай); e-mail: moumoying@163.com

Нигматуллин Сергей Халитович, аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: 9696330@mail.ru

Новиков Павел Сергеевич, аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: Jozev.s@yandex.ru

Нуждёнов Константин Эдуардович, аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: konstantin871@yandex.ru

Олчанова Цаган Валерьевна, кандидат исторических наук, главный специалист Управления дополнительного образования Калмыцкого государственного университета (г. Элиста); e-mail: tsagana2@yandex.ru

Павинский Владимир Станиславович, соискатель Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; e-mail: mindliny@mail.ru

Растимешина Татьяна Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Московский институт электронной техники); e-mail: v1-bit@yandex.ru

Соломатина Елена Ивановна, аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского областного государственного университета; e-mail: soloalyona@yandex.ru

Сурнина Варвара Валериевна, соискатель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: firipmgou@gmail.com

Титова Ольга Юрьевна, соискатель кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета; e-mail: olgatitova1983@yandex.ru

Трегубенко Анна Витальевна, аспирант кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: annadomini814@mail.ru

Федин Сергей Альбертович, кандидат исторических наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин, заместитель директора Астраханского филиала Международного юридического института; e-mail: fedserg62@mail.ru

Феребов Александр Николаевич, аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: moskva1834@mail.ru

ВЕСТНИК Московского государственного областного университета

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik.mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

**Серия «История и политические науки»
2011. № 4**

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» *И.А. Потапова*
литературный редактор *Т.О. Волобуева*
переводчик *Д.К. Каримова*
корректор *Н.Л. Борисова*

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik.mgou.ru

Формат 60x86/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 400 экз. Уч.-изд. л. 15,5, усл. п.л. 23,25.
Подписано в печать 20.12.2011. Заказ № 513.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а